

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2002 г.

ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

2.2018

THE FOUNDER:
Moscow Pedagogical
State University

The journal has been published
since 2002

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: rhema.pema@gmail.com
Information on journal can be
accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований, профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Михайловна Воителива – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета; старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва, Россия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского педагогического государственного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; head of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow of the Laboratory of General Linguistics and Grammatical Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Iлона Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University; professor at the Department of the Worlds' Literatures, Moscow Pedagogical State University, senior fellow at the Russian Institute for Advanced Studies, Moscow Pedagogical State University.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental digital library «Russian literature and folklore».

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Moscow Pedagogical State University.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlík – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab., professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

А.В. Котова

К вопросу об источниках развернутого сравнения
в «Аргонавтике» Валерия Флакка (VIII, 27–31). 9

С.М. Пронченко

Имена собственные в поэтической системе
графа А.К. Толстого: парадигматический
и синтагматический аспекты 16

А. Терника

Поэтика времени в повести И.С. Тургенева
«Андрей Колосов» 39

ЛИНГВИСТИКА

М.Д. Васильева

Задача постепенной демаскировки как метод
исследования зрительного распознавания слов:
случай падежных форм существительных. 48

Э. Пинелли

Представление прошлого и будущего
в новогодних обращениях: на материале
поздравлений В.В. Путина 62

Н.В. Сердобольская

Прямое цитирование при глаголе *думать*
в русском языке 84

МЕТОДИКА

А.А. Коренев

Обратная связь в обучении и педагогическом общении 112

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

A.V. Kotova

On the sources of a simile
in Valerius Flaccus' "Argonautica" (VIII, 27–31) 9

S.M. Pronchenko

Proper names in the poetic system of Count A.K. Tolstoy:
paradigmatic and syntagmatic aspects 16

A. Ternika

The poetics of time in Turgenev's «Andrei Kolosov» 39

LINGUISTICS

M.D. Vasilyeva

Progressive demasking task as a method to study
visual word recognition: the case of inflected nouns 48

E. Pinelli

Presentation of the past and the future in New Year's addresses:
on the data of V. Putin's speeches 62

N.V. Serdobolskaya

Direct quotation construction with the verb *dumat'* ('think')
in Russian 84

TEACHING THEORY

A.A. Korenev

Feedback in learning, teaching
and educational communication 112

А.В. Котова

Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины,
196084 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

К вопросу об источниках развернутого сравнения в «Аргонавтике» Валерия Флакка (VIII, 27–31)

В статье рассматривается сравнение из «Аргонавтики» Валерия Флакка (VIII, 27–31), которое отсылает читателя к мифу об Эндимионе и Луне. Отмечая лексические параллели и ситуативные переклички с другими латинскими текстами, автор статьи определяет черты, объединяющие объект и образ сравнения, и устанавливает, что является *tertium comparationis*. Также проводится анализ стихов (A. R. IV, 57–61; Verg. A. I, 498–504), послуживших литературными источниками для содержания и формы сравнения.

Ключевые слова: эпос, римская литература, Валерий Флакк, «Аргонавтика», сравнения в античной литературе.

A.V. Kotova

Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine,
St. Petersburg, 196084, Russian Federation

On the sources of a simile in Valerius Flaccus' "Argonautica" (VIII, 27–31)

The article discusses a simile in Valerius Flaccus' "Argonautica" (VIII, 27–31), which is connected with the myth of Endymion and the Moon. The author reveals lexical parallels and situational similarities with other texts, specifies the features that are common for the tenor and the vehicle of the simile, and establishes what is its *tertium comparationis*. The author also analyzes the verse lines (A. R. IV, 57–61;

Verg. A. I, 498–504), which served as the literary sources for both the content and the form of the simile under discussion.

Key words: epic, Roman literature, Valerius Flaccus, “Argonautica”, similes in Roman literature.

Сравнения в античном эпосе имеют многовековую традицию изучения. Все накопленные знания о сравнениях, их классификации и изученные способы ввода в текст, представление о важности системы сравнений в художественном замысле античных поэтов позволяют обратиться к изучению индивидуальных особенностей сравнений с целью расширения и выведения на новый уровень знаний об этом художественном приеме.

Важной составляющей языка эпической поэзии являются развернутые сравнения. В отличие от кратких сравнений, в развернутых, или эпических, сравнениях взятый для сопоставления образ раскрывается в самостоятельную картину.

Поэма Валерия Флакка «Аргонавтика» создана с опорой на многовековое литературное наследие. Поэт часто использует образы, заимствованные у предшественников: в качестве основных литературных источников выступают поэмы Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия.

В статье речь пойдет о пассаже из восьмой книги поэмы «Аргонавтика» Валерия Флакка (ст. 27–31), где Ясон ожидает в роще Медею, которая сбегает к нему, страшась гнева отца. Поэт описывает это так:

(1) *qualis adhuc sparsis comitum per lustra catervis
Latmius aestiva residet venator in umbra,
dignus amore deae, velatis cornibus¹ et iam
Luna venit: roseo talis per nubila ductor
implet honore nemus talemque exspectat amantem.*

‘Как латмоский охотник находится в летнем сумраке, когда толпа спутников рассеяна в зарослях, достойный любви богини, Луна приходит, скрыв рога: так вождь через мрак наполняет рощу румяной красотой и ожидает такую возлюбленную’².

¹ Среди комментаторов есть разные понимания *velatis cornibus*. Мазерий считает, что здесь идет речь или о стыде богини, или о полнолунии [Maserius, 1519, CVII]. По мнению П. Бурмана, *velatis cornibus* обозначает темную ночь, когда облака затеяют Луну, или момент ночи, когда свет Луны не яркий [Burman, 1724, p. 648–649]. П. Ланген поддерживает идею стыда богини [Langen, 1897, p. 522]. Ф. Шпальтенштайн считает, что «*velatis cornibus* адаптирует к Луне идею скрытности – правила для божества, когда оно приходит к людям» [Spaltenstein, 2005, p. 391], и приводит в параллель ситуацию, когда влюбленная тайком приходит к своему возлюбленному [Spaltenstein, 2005, p. 391–392]. На наш взгляд, *velatis cornibus* подчеркивает идею темноты, которую поддерживают слова *in umbra* и *per nubila*: серп Луны не видно в новолуние, и тогда ночи особенно темные.

² При отсутствии иных помет цитаты приводятся в переводе автора статьи.

Здесь Ясон и Медея сравниваются с героями мифа – спящим Эндимионом и приходящей к нему Луной.

Миф, к которому отсылает это сравнение, имеет несколько вариантов³. В античных текстах встречаются разные причины сна Эндимиона; например, некоторые из упомянутых в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ad IV, 57) [Brunk, 1813, p. 274–275] и к Феокриту (ad III, 49–51a) [Wendel, 1914, p. 132–133], такие: по одной из версий, Эндимион был вознесен Зевсом на небо, где влюбился в Геру; рассердившись, Зевс наказал его, повергнув в вечный сон. Согласно другому варианту, Эндимион, будучи любителем охоты, охотился ночью при лунном свете, когда звери выходили на поиски пищи; днем же отдыхал в пещере, так что казалось, что он всегда спит.

Что касается Луны в этой истории, в схолиях к Феокриту (ad III, 49–51a) [Wendel, 1914, p. 132–133] говорится, что она влюбилась в Эндимиона, когда тот охотился на Латмосской горе. Согласно схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ad IV, 57) [Brunk 1813: 275], о ее любви рассказывают Сапфо и Никандр:

- (2) *Φασὶ γὰρ κατέρχεσθαι τὴν Σελήνην πρὸς Ἐνδυμίωνα καθεύδοντα αὐτὸν ἐν τῷ Λάτμῳ τῷ ὄρει.*

‘Ибо говорят, что Селена спускалась к Эндимиону, спящему в Латмосской горе’.

Павсаний рассказывает об этой истории следующее (V, 1, 4):

- (3) *τοῦτου τοῦ Ἐνδυμίωνος Σελήνην φασὶν ἐρασθῆναι, καὶ ὡς θυγατέρες αὐτῷ γένοιντο ἐκ τῆς θεοῦ πεντήκοντα.*

‘Говорят, что в этого Эндимиона (т.е. сына Аэтлия) влюбилась Селена и что у него от этой богини родилось пятьдесят дочерей’.

Иной вариант мифа представлен в «Мифологической библиотеке» Аполлодора (I, 7, 5):

- (4) *Καλύκης δὲ καὶ Αἰθλίου παῖς Ἐνδυμίων γίνεται, ὅστις ἐκ Θεσσαλίας Αἰολέας ἀγαγὼν Ἥλιν ᾤκισε. λέγουσι δὲ αὐτὸν τινες ἐκ Διὸς γενέσθαι. τοῦτου κάλλει διενεγκόντος ἡράσθη Σελήνη, Ζεὺς δὲ αὐτῷ δίδωσιν ὃ βούλεται ἐλέσθαι: ὁ δὲ αἰρεῖται κοιμᾶσθαι διὰ παντὸς ἀθάνατος καὶ ἀγήρως μένων.*

‘От Калики и Аэтлия родился сын Эндимион, который заселил Элиду, приведя эолийцев из Фессалии. Некоторые

³ Помимо изложений мифа, встречаются отдельные упоминания о нем: например, Pl. Phd. 72 C, Cic. Tusc. I, 92, Catul. 66, 5–6, Str. C 636, Ov. Ars III, 83, Hyg. Fab. 271.

говорят, что он был сыном Зевса. Так как он отличался необыкновенной красотой, в него влюбилась Селена. Зевс пообещал ему выполнить любое его желание, и Эндимион пожелал навеки уснуть, оставаясь бессмертным и вечно юным' (пер. В.Г. Боруховича).

Что общего между объектами и образами сравнения в поэме Валерия Флакка и что является *tertia comparationis*? Что касается Ясона и Эндимиона, здесь мы наблюдаем совпадение времени действия и места действия. События происходят ночью, что подтверждается лексическими параллелями: *in umbra – per nubila*; оба героя находятся в роще: *per lustra – nemus*. *Tertium comparationis* этого сравнения – красота. Доверяя комментаторской традиции [Maserius, 1519, CVII; Ravisius Textor, 1600, p. 178], считаем, что о красоте Эндимиона свидетельствуют слова *dignus amore deae*; о красоте Ясона автор сообщает прямо: *roseo honore* 'румяной красотой'.

Что касается Медеи и Луны, обе влюблены: о Медее это известно из текста поэмы, о Луне *expressis verbis* говорится в самом сравнении (*dignus amore deae*). Очевидно, что *tercium comparationis* здесь – влюбленность и стремление к возлюбленным.

В научной литературе [Burman, 1724, p. 649; Summers, 1894, p. 22; Gärtner, 1994, p. 333; Liberman, 2002, p. 348] в качестве источника этого сравнения приводится пассаж из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, где Луна, наблюдая за ищущей Ясона Медеей, говорит следующее (IV, 57–61):

(5) 'οὐκ ἄρ' ἐγὼ μοῦνη μετὰ Λάτμιον ἄντρον ἀλύσκω,
οὐδ' οἷη καλῶ περιδαίομαι Ἐνδυμίωνι:
ἧ θαμὰ δὴ καὶ σεῖο κίον δολίῃσιν αἰοδαῖς,
μνησαμένη φιλότῃτος, ἵνα σκοτίῃ ἐνὶ νυκτὶ
φαρμάσσης εὐκῆλος, ἃ τοι φίλα ἔργα τέτυκται.

‘Не я одна сбегая к Латмосской пещере, и не одна я сгораю от любви к красавцу Эндимиону: часто же я уходила из-за твоих коварных песен, помня о любви, чтобы темной ночью ты спокойно колдовала о том, что дела выйдут успешно’.

Что общего между этим пассажем и сравнением из поэмы Валерия Флакка? Во-первых, здесь наблюдаются лексические параллели: *Λάτμιον – Latmius*; *φιλότῃτος – amore*; *σκοτίῃ ἐνὶ νυκτὶ – in umbra, per nubila*; во-вторых, в них одинаковые действующие лица (Медея, которая идет к Ясону, Луна, Эндимион), следовательно, в этих пассажах трактуется один и тот же миф, и в плане содержания сравнение Валерия Флакка ориентировано на текст Аполлония Родосского.

Другим аспектом изучения сравнения является его форма, а именно способ ввода в текст. Развернутые сравнения вводятся определенными словами (союзами, местоимениями, прилагательными, наречиями), как правило, парными: *οἷν – ὥς; οἶος – τοῖος; ἦντε – ὥς; qualis – talis; qualis – sic; ut – haud aliter* и т.д.; есть случаи, когда сравнение вводится и одним словом: *ὥς; ut; velut; ceu* и т.д. В «Аргонавтике» Валерия Флакка большая часть эпических сравнений вводится с помощью прилагательных *qualis, quantus*, наречий *tantum, quam*, союзов *ut, velut(i), ceu, qualiter*.

Что касается способа ввода сравнения из восьмой книги «Аргонавтики» (ст. 27–31), здесь считаем важным отметить незафиксированное в комментаторской традиции литературное влияние Вергилия, а точнее – использованный им прием при описании Дидоны в первой книге «Энеиды»⁴ (ст. 498–504):

(6) *qualis in Eurotae ripis aut per iuga Cynthi
exercet Diana choros, quam mille secutae
hinc atque hinc glomerantur Oreades; illa pharetram
fert umero gradiensque deas supereminet omnis
(Latoniae tacitum pertemptant gaudia pectus):
talis erat Dido, talem se laeta ferebat
per medios instans operi regnisque futuris.*

‘Какой на берегах Эвроты или по хребтам Кинфа водит хороводы Диана, следуя за которой со всех сторон собирается тысяча Ореад; она несет на плече колчан и, выступая, возвышается над всеми богинями (молчаливая радость проникает в сердце Латоны): такой же была Дидона, такой же, радостной, шла среди толпы, устремляясь [мыслями] к делам, связанным с будущим царствованием’.

В пользу этого мнения выступает следующий довод: строго говоря, в поэме Валерия Флакка это сравнение – единственное, введенное словами *qualis... talis... talem*. Мы считаем необходимым сделать акцент на том, что по форме это сравнение Валерия Флакка повторяет модель из «Энеиды».

Вместе с этим, если у Вергилия *talis* и *talem* относятся к одному объекту – Дидоне, то у Валерия Флакка – к разным: *talis* – к Ясону, *talem* – к Медее, что делает сравнение в «Аргонавтике» более объемным. Валерий Флакк, усваивая опыт предшественника, творчески его переосмысливает и, переработав, вписывает в контекст своей поэмы.

⁴ Поддерживают связь пассажей в «Энеиде» Вергилия и «Аргонавтике» Валерия Флакка лексические переключки: *deas – deae; caterva – catervis*.

Схематично сравнения представлены на рис. 1 и 2.

Verg. Aen. I, 498–504		
<i>qualis</i>	<i>talis</i>	<i>talem</i>
O ₁	S ₁	S ₁
Диана	Дидона	Дидона

S – объект сравнения; O – образ сравнения.

Рис. 1. Схема сравнения Verg. Aen. I, 498–504

Val. Flacc. VIII, 27–31		
<i>qualis</i>	<i>talis</i>	<i>talem</i>
O ₁	S ₁	S ₂
Эндимион	Ясон	Медея

S – объект сравнения; O – образ сравнения.

Рис. 2. Схема сравнения Val. Flacc. VIII, 27–31

Таким образом, при внешнем сходстве схема сравнения Валерия Флакка отличается от вергилиевской: сохранив форму Вергилия, Валерий Флакк наполнил ее своим содержанием.

Итак, проанализированный материал позволяет нам установить в «Аргонавтике» Валерия Флакка важный аспект авторской техники создания сравнений: источником для содержательной части Val. Flacc. VIII, 27–31 послужил пассаж из поэмы Аполлония Родосского, тогда как с точки зрения формы сравнение сделано с опорой на стихи из «Энеиды» Вергилия. Все это создает новый образ, наполненный тем смыслом, который необходим поэту для общего художественного замысла.

Библиографический список / References

- Brunk, 1813 – Apollonii Rhodii Argonautica / Ex rec. et cum notis Rich. Fr. Phil. Brunkii. T. II. Lipsiae, 1813.
- Burman, 1724 – C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo / Curante P. Burmanno. Leidae, 1724.
- Gärtner, 1994 – Gärtner U. Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus. Stuttgart, 1994.
- Langen, 1897 – C. Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo. Pars post. cont. libros IV–VIII / Enarrav. P. Langen. Berolini, 1897.

Liberman, 2002 – Valerius Flaccus. Argonautiques. T. II: Chants V–VIII / Texte établi et traduit par G. Liberman. Paris, 2002.

Maserius, 1519 – C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo cum eruditissimis Aegidii Maserii Parrhisiensis commentariis. Vaenundantur in aedibus Ioannis Parvi & Iodoci Badii eorumdem impressoris. 1519.

Ravisius Textor, 1600 – Theatrum poeticum atque historicum sive Officina Io. Ravisii Textoris. Basileae: Sumptibus Andreae Cellarii, 1600.

Spaltenstein, 2005 – Spaltenstein F. Commentaire des Argonautica de Valérius Flaccus (livres 6, 7 et 8). Bruxelles, 2005.

Summers, 1894 – Summers W.C. A Study of the Argonautica of Valerius Flaccus. Cambridge, Bell, 1894.

Wendel, 1914 – Scholia in Theocritum vetera / Rec. C. Wendel. Lipsiae, 1914.

Статья поступила в редакцию 07.11.2017

The article was received on 07.11.2017

Котова Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук; доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

Kotova Anastasia V. – PhD in Philology; associate professor at the Department of Foreign Languages, Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine

E-mail: anastakot@gmail.com

С.М. Пронченко

Филиал Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове,
243020, г. Новозыбков Брянской области, Российская Федерация

Имена собственные в поэтической системе графа А.К. Толстого: парадигматический и синтагматический аспекты

В статье системно рассмотрены собственные имена из лирических и лиро-эпических произведений Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). Функционирование поэтонимов проанализировано с учетом парадигматического и синтагматического аспектов. В результате выявлены функциональные особенности поэтонимосферы толстовских имен, ее роль и значение в сатирических, юмористических, медицинских, детских и юношеских стихотворениях, балладах, былинах, притчах, одах, баснях, поэмах, стихотворных записках и др., конкретизированы такие важнейшие категории художественной речи, как эстетическая функция слов, семантико-стилистическая система писателя, индивидуально-авторское словоупотребление, художественное значение слова.

Ключевые слова: А.К. Толстой, поэтонимосфера, имя собственное в художественном тексте, лирические и лиро-эпические произведения А.К. Толстого, парадигматический аспект, синтагматический аспект.

S.M. Pronchenko

Branch of Bryansk State Academician I.G. Petrovski University in Novozybkov,
243020, Novozybkov, Bryansk Region, Russian Federation

Proper names in the poetic system of Count A.K. Tolstoy: paradigmatic and syntagmatic aspects

The article systematically considers the proper names from the lyrical and lyric-epic works of the prominent Russian author Alexei K. Tolstoy (1817–1875).

The functioning of the poetonyms is analyzed in respect to their paradigmatic and syntagmatic aspects. As a result, the functional features of the poetonymosphere of the names used by Tolstoy are identified, as well as the role and significance of the poetonymosphere in his satirical, humorous, and medical poems, juvenilia, ballads, epic songs, parables, odes, fables, narrative poems, poetic billets, etc. The following important categories of poetic speech are revealed: the aesthetic function of words, the author's individual semantic-stylistic system and the particulars of word usage, the meaning of the word in poetry.

Key words: A.K. Tolstoy, poetonymosphere, proper names in the poetic text, lyrical and lירו-epic works, paradigmatic and syntagmatic aspects.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием научных изысканий, рассматривающих как отдельные классы собственных имен, так и совокупность поэтонимов, функционирующих в лирических и лиро-эпических произведениях А.К. Толстого.

В работе применяются следующие методы и приемы: метод сплошной выборки, контекстный анализ, наблюдение, типологический метод, культурологический анализ, описательный и статистический методы.

Прежде чем анализировать поэтонимосферу толстовских лирических и лиро-эпических произведений, рассмотрим кратко отличительные черты его художественной поэтической системы, которые определяют и особенности имяупотребления.

1. Особенности художественной поэтической системы писателя

А.К. Толстого отличали «совершенно особый склад ума и очень оригинальный художественный темперамент», он «совершенно расходился с большинством своих прогрессивных современников в понимании общих основных философских начал жизни и, главным образом, во взгляде на культурную роль искусства» [Котляревский, 1907, с. 278]. «Европеец по образованию, русский по духу, певец удельновечевой Руси, Т[олстой] не отрицал лучших сторон европейской жизни, но не хотел поступаться национальными особенностями родины» [Круглов, 1910, с. 10].

Историк литературы, критик Н.А. Котляревский отмечал: «Его поэзия была для своего времени явлением настолько оригинальным, настолько необычным, что читатели тех годов, встречаясь с ней впервые, никак не хотели признать ее за самобытный продукт русской жизни и думали, что она – песнь с чужого иноземного голоса» [Котляревский, 1907, с. 279]. Для нее характерно «повышенное религиозное христианское настроение» [Там же, с. 283]; «живое, искреннее и пережитое чувство,

но всегда такая песнь (любовное стихотворение. – *С.П.*) пропета как бы несколькими октавами выше и оторвана от земли. <...> все земные звуки любви поэта в конце концов сливаются в хорал, в котором природа и человек славят Бога» [Котляревский, 1907, с. 290]; создание особого типа поэта – «служителя красоты в мире» [Там же, с. 291]; формирование другого мира – мира «таинственного и сокровенного», с «ароматом старины» [Там же, с. 295, 296].

Лирика А.К. Толстого – это «романтическая поэзия очень старого стиля. Все в ней полно символов и намеков; все отвлекается от жизни действительной, все говорит о будущем или прошедшем, почти не касаясь современного. А между тем общий смысл и основные общие духовные стремления современности проникают собою эту поэзию и придают ей историческое значение. Она старый романтический узор, но вышитый по новой канве. И в этом ее оригинальность» [Там же, с. 309].

«Как натура истинно художественная, А. Толстой искренно и сильно любил родную природу и глубоко понимал ее красоту. <...> Он, по его словам, “убегал” из чада столичной жизни, чтобы по целым неделям пропадать в глуши... лесов» [Александровский, 1901, с. 4].

В.С. Соловьев «назвал поэзию Толстого посредницей между небесным и земным и в этом определении уловил основной момент его творчества» [Айхенвальд, с. 3]. От «родной и незатейливой природы» читатель возвращается «в терема Владимира Красного Солнышка, в седую старину, к Змею Тугарину, и к Илье Муромцу, и в Италию XII века, где пролетает злоеший Дракон, и к живущему кровью Упырю» и наконец совсем покидает землю [Там же, с. 4]. Так мечта А.К. Толстого переносит читателя «от действительного к фантастическому», «от земного к небесному». По мнению Ю.И. Айхенвальда, «Толстой вблизи себя не находил удовлетворения своей мечтательности, и мысль его постоянно обращалась к прошлому <...> И Толстой воскрешал древние образы, древние уставы, вольное новгородское вече, киевские пиры и “Владимира вежливый двор” и с великою ненавистью, но и с великим любопытством всё возвращался к грозному Иоанну...» [Там же, с. 11]. И.Г. Ямпольский отмечал: «Толстой с молодых лет интересовался эпохой Ивана Грозного и непосредственно за ним следующих царствований и постоянно возвращался к ней в своем творчестве <...> При этом Ивана Грозного он рисовал лишь жестоким тираном, а лучших представителей боярства нередко идеализировал...» [Ямпольский, 1969, с. 14]. «...Его пленяла былинная старина; для него недостаточно было *России* (здесь и далее в цитате курсив Ю.И. Айхенвальда. – *С.П.*) – ему нужна была еще *Русь*, и он расцвечивал ее красками идеализации. Он любил эту Русь, одетую в *корзно*, в *мурмолку червленую*; он любил

ее богатырей и князей, умолкнувшую речь ее гуслей» [Айхенвальд, с. 10]. По мнению А.В. Круглова, А.К. Толстой «ушел в мир грез и в старь вечевой Руси, воспевая те времена, когда народ жил и чувствовал так, как и сам поэт...» [Круглов, 1910, с. 10].

«Для современности у него (А.К. Толстого. – *С.П.*) нередко оставались только присущий ему юмор и насмешка...» [Айхенвальд, с. 11]. «Толстому нелегко давалось это соприкосновение с житейской суетой; легко давалась ему только шутка над ней – юмористическое ее изображение, при помощи которого он любил иногда обходить трудность вопроса. Это была всегда необычайно остроумная и грациозная шутка, которая именно своей грацией показывала, как независим был поэт от тех частных явлений и знамений времени, которые он вышучивал» [Котляревский, 1907, с. 295].

Перейдем к рассмотрению поэтонимосферы лирических и лиро-эпических произведений А.К. Толстого. В настоящем исследовании применяется системный подход, складывающийся из двух аспектов – парадигматического и синтагматического. Первый аспект предполагает при изучении имен собственных художественного текста – поэтонимов – учитывать специфику референтивного значения, частотность употребления, способ художественной номинации, соотношение с национальным именем, способ преобразования формы, тип употребления, участие в развитии сюжета, морфологический состав, встречаемость в ономастическом пространстве произведений изучаемого автора. Рассмотрение имен во втором аспекте подразумевает выяснение их роли в речевой композиции художественных произведений, установление распространенных типов контекстов, в которых они употреблены, определение их семантико-стилистических функций в художественном тексте. Эти два аспекта, два критерия рассмотрения имен художественного текста выделила в своем учебном пособии О.И. Фонякова [Фонякова, 1990, с. 37–38]. Попутно заметим, что имя, по мысли украинского исследователя поэтонимов, представителя донецкой ономастической школы В.М. Калинкина, – это «виртуальный референт, существующий в творческом сознании автора, воссоздающийся им в тексте произведения и воспроизводимый творящим сознанием читателя» [Калинкин, 2006, с. 83]. И реально существующие, и вымышленные имена «в литературном тексте функционируют только в виде художественной эстетической (и вторичной семиотической) модели» [Там же]: «признание за миром реальным и миром художественным кардинальных различий и специфических свойств дает основание считать знаковые системы, обслуживающие эти миры, тоже различающимися» [Калинкин, 2008, с. 98].

2. Парадигматический аспект функционирования поэтонимов

По специфике референтивного значения в исследуемых произведениях можно выделить ономастические классы, приведенные на рис. 1 (их названия и дефиниции, за исключением библеизмов и контекстуальных имен, приводятся по «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [Подольская, 1978]).

Рис. 1. Типология имен собственных по специфике референтивного значения в лирических и лиро-эпических произведениях А.К. Толстого

1. Агионимы (имена святых): *Анастасия*; *Иоанн 3¹*, *Иоанне* и *Дамаскин* (Иоанн Дамаскин); *Кирилл*, *Мелодий* (создатели азбуки); *Максим Грек*; *Николай* (покровитель моряков, купцов, детей); *Пантелей-государь* и *Пантелей*; *Рафаил*; *Святой Георгий* и *Егорий*; *Jago Compostello* (Иаков Компостельский, покровитель Испании); *Anton* (святой; персонаж стихотворения «Der Heilige Anton von Novgorod» (1871)).

2. Антропонимы (имена, отчества, фамилии людей): *Александр Первый*; *Алексей 1* (второй русский царь из династии Романовых); *Алексей 2* (А.К. Толстой); *Алексей 3* (А.М. Жемчужников – поэт, сатирик, юморист, двоюродный брат А.К. Толстого); *Али*; *Алкивьяд*; *Амвросий*; *Андрей Курбский*; *Анна 1* (византийская царица); *Анна 2* (русская императрица); *Антонелли*; *Басманов* (опричник Ивана Грозного); *Батый*; *Бетховен*;

¹ Цифровые индексы разграничивают омонимичные имена.

Бирон; Бонапарт и Бонапарте; Боривой; Вильгельм; Василий 1 (император Византии); *Василий 2* (персонаж стихотворения «В награду дружеских усилий...» (1872)); *Василий 3* (русский царь); *Васька и Васька Волчок; Васька Грязной* (опричник Ивана Грозного); *Васька Шибанов и Шибанов; Владимир 1 и Владимир Солнышко* (Владимир Святославич, князь новгородский и киевский); *Владимир 2* (Владимир Мономах, князь ростовский, смоленский, черниговский); *Вольтер; Вяземский; Гакон и Слепой Гакон; Гаральд 1, Гаральд Гардрад и Гаральд-варяг; Гаральд 2 и Саксонец-Гаральд; Гаральды; Генрик Лев; Гёте; Гида и Гида Гаральдовна* (жена Владимира Мономаха); *Гомер; Грицко; Гудим-Бодай-Корова; Гуссейн; Де-Мероде и Де-Мерод; Дидерот* (Дени Дидро); *Екатерина; Елисавет; Иван, Иван Васильич, Иван Васильич Грозный, Иоанн 1 и Иван Четвёртый; Иван Третий и Третий; Изяслав; Кнут и Канут; Константин* (император Византии); *Кочубей; Кузьма Прутков; Курбский; Лессинг; Лисовский; Магнус; Мазепа; Малюта; Мария 1* (М.В. Волкова, двоюродная сестра А.К. Толстого); *Маруся 1* (персонаж стихотворения «Ты знаешь край, где всё обильем дышит...» (1840-е гг.)); *Маруся 2* (персонаж стихотворения «Цыганские песни» (1840-е гг.)); *Маркевич; Марфа; Мей; Милон; Мин; Минин; Михайло Репнин и Репнин; Мономах; Монферранд* (Огюст Монферран, архитектор); *Палей* (предводитель украинского казачества); *Педро и Педро Гомец* (персонаж стихотворения «Осада Памбы» (1854)); *Пётр Алексеевич и Пётр* (Пётр I); *Пий девятый; Пожарский; Попов, Тит Евсеич, Тит Евсеев сын Попов* (персонаж стихотворения «Сон Попова» (1873)); *Растрелли; Ричард Львиное Сердце; Рогнеда; Роман Мстиславич и Роман; Ростислав 1* (перемыславский князь); *Рюрик; Сагайдачный; Сапего; Стасюлевич; Тимашев и Timacheff; Феофиле, Феофил и Ростислав 2* (псевдоним Феофила Толстого); *Фидий; Фока* (византийский император); *Шекспир; Щербина; Яромир; Ярослав; Ярославна; Louis le Désiré* (Людовик Желанный – прозвище Людовика XVIII); *Veillot и Вельо* (И.О. Велю – барон, директор почтового департамента); *Barbarossa и Rote Bart* (= Рыжая Борода) (прозвища Фридриха I, короля Германии); *falschen Demetrius и Demetrius* (Дмитрий-самозванец) и др.

3. Библизмы (имена из Библии): *Голгофа; Ева; Иегова; Иоанн 2* (вероятно, Иоанн Креститель); *Иордань; Иуды; Мария 2* (Дева Мария); *Моисей; Юдифь* и др.

4. Геортонимы (названия праздников): *Иванов день; Новый год; Покров и Покрова; рождество Христово; Фомина неделя.*

5. Геральдические имена (имена геральдических эмблем): *Соломонова печать.*

6. Зоонимы (клички животных): *Полкан* (пес короля из «Сказки про короля и про монаха» А.К. Толстого).

7. Идеонимы (названия явлений духовной культуры): «*Вестник Европы*»; *Каббала*; *Коран*; «*Лаокоон*»; *Писание*; «*Проект*» («Проект постановки на сцену трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”» (1868) А.К. Толстого); *Талмуд*; «*Фауст*»; «*Феодор*» (трагедия А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» (1868)); «*Ave Maria*» (католическая молитва к Богородице); «*Casta diva*» («Пречистая дева» – ария из оперы В. Беллини «Норма» (1831); возможно, католическое песнопение); «*Lieber Augustin*» («Ах, мой милый Августин» – австрийская народная песня).

8. Имена из других произведений: *Инезилья* (персонаж стихотворения А.С. Пушкина «Я здесь, Инезилья...» (1830)); *Мальвина* (из поэм Оссиана); *Мишка* (из песни; см. «В борьбе суровой с жизнью душевной...» (начало 1860-х гг. (?))); *Фауст*; *Хромид* (вероятно, из «Дионеи» (1821) А.С. Пушкина, который заимствовал это имя из др.-гр. идиллий); *Цу-Кин-Цын* (на основе имени Дзун-Кин-Дзын из рецензии В.Г. Белинского 1840 г. «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия. Сочинение автора “Семейства Холмских”»).

9. Контекстуальные имена (ставшие онимами вследствие онимизации): эта группа представлена *отapelлятивными именами* (именами, имеющими в качестве исходной основы апеллативы): *Адольфина* (Лам-прима адольфина – жук из семейства Рогачи); *Брюхо* и *Звезда* (персонажи из произведения А.К. Толстого «Звезда и Брюхо (басня)» (1854)); *Глагол* (= ‘Бог’, см. «Слеза дрожит в твоём ревнивом зоре...» (1858)); *Слово* (= ‘Бог’, см. «Меня, во мраке и в пыли...» (1851 или 1852)); *Спесь* (см. «Ходит Спесь, надуваючись...» (1856)).

10. Космонимы (имена галактик и созвездий): эллиптированный оним *созвездье Пса*.

11. Мифонимы (имена персонажей из мифов и сказок, имена божеств любого пантеона): *Алкид*; *Аполлон* и *Apollo*; *Аристокитон*; *Брама*; *Вакх*; *Велес*; *Венера*; *Гармодий*; *Гелиос*; *Гимен*; *Диана*; *Добрыня Никитич*, *Добрыня* и *Добрынюшка*; *Дюк Степаныч* и *Дюк*; *Европа* (персонаж др.-гр. мифологии); *Зевс* и *Зевес*; *Илья* и *Муромец*; *Ифигения*; *Киприда* и *Цитеря* (эпитеты Афродиты); *Лаокоон*; *Лель*; *Лета*; *Лиляя*; *Магадев* (эпитет Шивы); *Неэра*; *Пазилая*; *Перун*; *Попович*, *Алёша-богатырь* и *Алёша*; *Посвист*; *Поток-богатырь* и *Поток*; *Приап*; *Ругевит*; *Садко*; *Святовит*; *Соловей*; *Стимфалиды* (в др.-гр. мифологии – хищные птицы; у А.К. Толстого – с заглавной буквы, см. «Рука Алкида тяжела...» (1869)); *Терпсихора*; *Трисмегист*; *Тугарин*; *Феб*; *Фортуна*; *Хирон*; *Церера*; *Чернобог*; *Чурило Плёнкович* и *Чурило*; *Эрос*; *Эрот*; *Янус*; *Jupiter* (Юпитер) и др.

12. Порейонимы (имена транспортных средств): «Тигр» (название парохода).

13. Топонимы (имена географических объектов):

– гидронимы (имена водных объектов):

- лимнонимы (имена озер, прудов): *Мёртвое море*;
- пелагонимы (имена морей, заливов): *Чёрное море*;
- потамонимы (имена рек, каналов): *Босфор*; *Волга* и *Волга-матушка*; *Гвадалquivир*; *Двина*; *Днепр*, *Днепр-река* и *Dnieperstrom*; *Днестр*; *Дон*; *Дунай*; *Иордан*; *Москва* и *Москва-река*; *Нева*; *Ольо*; *Сейм*; *Черторой*; *Elbe*;

– ойконимы (имена поселений):

- астионимы (имена городов): *Амстердам*; *Аркона*; *Астрахань*; *Афины*; *Балаклава*; *Бергамо*; *Берлин*; *Бонн*; *Брунзовик* (современное название – Брауншвейг); *Брянск*; *Варшава*; *Вильна* (современное название – Вильнюс); *Волин*; *Галич*; *Генуя*; *Дамаск*; *Еривань*; *Ерусалим*; *Иена*; *Йорк*; *Казань*; *Киев-град*, *Киев* и *Kiew*; *Кордова*; *Коринф*; *Кьявенна*; *Луга*; *Лугано*; *Мзлин*; *Мессина*; *Милан I*; *Монца*; *Москва* и *матушка-Москва*; *Новоржев*; *Париж*; *Питер*; *Ретра* (древний славянский город-крепость); *Роскильда* (современное название – Роскилле); *Рыльск*; *Севастополь*; *Тамбов*; *Тифлис*; *Херсонес* и *Корсунь*; *Царьград*; *Döbeln* (город в Германии); *Karlsbad* (Карловы Вары – город в Чехии); *Königgrätz* (Градец Кралове – город в Чехии); *Kursk* (город в России); *Novgorod* (город в России); *Plauen* (город в Германии); *Sadova* (город в Чехии) и др.;

- комонимы (имена сел): *Выгоничи*; *Красный Рог*; *Ладога*;

– оронимы (имена долин, гор, пиков, хребтов, полей): *Арапат*; *Аюдаг*; *Байдарская долина*; *Гастингское поле*; *Казбек*; *Кедронский поток*; *Кьявенские горы*; *Леньончино*; *Ливанские горы*; *Соловки*; *Чатырдах*; *Щековица*; *Этна*;

– урбанонимы (имена внутригородских объектов):

- агоронимы (имена городских площадей, рынков): *Царицын луг* (= Марсово поле в С.-Петербурге);
- годонимы (имена проспектов, улиц, линий, бульваров, набережных): эллиптированные имена *Невский* (проспект), *Садовая* (улица в С.-Петербурге);
- городские хоронимы (имена частей городов: районов, кварталов, парков, зданий): *Альямбра* (Альгамбра – архитектурно-парковый ансамбль в Гранаде); *Аничковский мост*; «*Берлин*» (название отеля); *Летний сад*; *Памбра*; *Пресня*; *Пять углов*; *Цепной мост*; *Эскурьял*; *Palazzo Geoli*; *Pillnitz* (резиденция саксонских монархов в Дрездене);

- хоронимы (имена территорий, областей, районов):
 - административные (названия государств, республик, краев, районов): *Авзония* (поэтическое название Италии) и *Италия*; *Австрия*; *Америка*; *Асти*; *Брешия*; *Британия*; *Византия*; *Галилея*; *Гранада* (испанская провинция); *Греция*, *Эллада* и *Griechenland*; *Египет*; *Житомирская губерния*; *Заднепровье*; *Израиль*; *Индия*; *Кампанья*; *Китай*; *Колико*; *Комо*; *Крема*; *Кремона*; *Лекко*; *Ливан*; *Литва*; *Лоди*; *Ломбардия*; *Мантуя*; *Марокка*; *Милан 2* (провинция в Северной Италии); *Норвегия*; *Нормандия*; *Павия*; *Понт*; *Пьяченца*; *Реджьо*; *Рим* (античное государство); *Россия*, *Русь*, *матушка-Русь*, *Червоная Русь*; *Сицилия*; *Тунис*; *Украина*; *Франция*; *Шотландия*; *Эллада*; *Эстремадура*;
 - природные (названия низменностей, возвышенностей, пустынь): *Крым* и *Таврида*; *Милос*; *Руга* и *Rügen* (остров в Балтийском море); *Salamis* (греческий остров Саламин);
- экклезионимы (имена мест обрядов, поклонений, церквей, соборов, часовен): *Софийский собор* и *Sophia-Dom*; *Kloster des heil'gen Anton* (монастырь святого Антона).

14. Фалеронимы (имена любых орденов, медалей, знаков отличия): генитивное имя *крест Калатравы*; эллиптированный оным *Станислав* (орден Святого Станислава) и *орден святого Станислава*.

15. Хремотонимы (имена предметов материальной культуры): *Милоская Венера* (др.-гр. скульптура).

16. Эргонимы (имена деловых объединений людей – союзов, организаций, учреждений, обществ и др.): *Дума*; *Комитет* (Главное управление по делам печати); *Консистерия* (учреждение при епископе по управлению епархией); *Контора* (почта); *Св. Синод* (Священный Синод); *Сечь* (Запорожская Сечь); *Третье отделение*; *Фебов синклит* (собрание людей искусства).

17. Этнотонимы (названия этнических групп, племен, народов, национальностей): *Емь* (финское племя).

В художественных произведениях Толстого употребляются ономастические перифразы и контекстуальные субституты (заместители): *светлый град* = Москва («Колокольчики мои...» (1840-е гг.)), *влюбленный бог* = Посейдон («Крымские очерки» (1856–1858)), *серебrolукий* = Аполлон (<К.К. Павловой> (начало 1860-х гг.)), *мальтийский кавалер* = Павел I (был гроссмейстером духовного ордена мальтийских рыцарей) («История государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868)), *Кориша ведомость* = газета «Санкт-Петербургские ведомости» («Мудрость жизни» (1870)), *мой омоним* = Д.А. Толстой, министр народного просвещения («Портрет» (1872–1873)),

низийский бог = Вакх («Вот он, низийский бог, смиритель диких стран...») (1856)) и др.

Частотность употребления. В лирических и лиро-эпических произведениях А.К. Толстого зафиксирована 1 тысяча 188 имяупотреблений. Частотны следующие имена: *Владимир I* (князь новгородский и киевский) (34²); *Русь* (26); *Поток* (богатырь, персонаж северно-русских былин) (24); *Гвидо* (персонаж поэмы А.К. Толстого «Дракон» (1875)) (18); *Попов* (персонаж стихотворения «Сон Попова» (1873)) (18); *Садко* (былинный герой) (16); *Киев* (15); *Эдвард* (король Шотландии, персонаж одноименной баллады А.К. Толстого 1871 г.) (14); *Таиров* («Ода на поимку Таирова» (1871) (?)) (13); *Гаральд I* (норвежский король) (12); *Днепр* (12); *Канут* (Кнуд Лавард – сын короля Дании Эрика) (12); *Иоанн 3* (Иоанн Дамаскин, святой, богослов, гимнограф) (10); *Маркевич* (писатель и публицист) (10); *Стасюлевич* (историк и публицист, редактор «Вестника Европы») (10); *Герасим* (см. «Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...») (9); *Ярославна* (дочь Я. Мудрого) (9); *Боривой* (первый чешский князь) (8); *Россия* (8); *Деларю* (поэт пушкинского периода) (7); *Илья* (былинный богатырь) (7); *Пётр Алексеевич* (Пётр I) (7); *Anton* (святой, персонаж стихотворения «Der Heilige Anton von Novgorod» (1871)) (7); *Амвросий* (персонаж стихотворения «Как филин поймал летучую мышь...» (1841)) (6); *Волга* (6); *Дарвин* (6); *Курбский* (6); *Москва* (6); *Пален* (К.И. Пален, государственный деятель, министр юстиции) (6); *Ругевит* (бог войны) (6); *Спесь* (персонаж стихотворения «Ходит Спесь, надуваючись...» (1856)) (6); *Шибанов* (стремянный князя А. Курбского) (6); *Ярослав* (князь ростовский, новгородский, киевский) (6); *Де-Мероде* (военный министр Папской области) (5); *Изяслав* (князь туровский и киевский) (5); *Катков* (публицист, издатель, критик) (5); *Кнут* (см. «Боривой (Поморское сказание)» (1870)) (5); *Кьявенна* (город в Италии) (5); *Миша* (литератор, писатель, поэт М.Н. Лонгинов) (5); *Попович* (былинный богатырь) (5); *Свен* (см. «Боривой (Поморское сказание)» (1870)) (5); *Царьград* (5); *Veillot* (И.О. Велио – барон, директор почтового департамента) (5); *Афины* (4); *Брюхо* (персонаж произведения А.К. Толстого «Звезда и Брюхо (басня)» (1854)) (4); *Вагнер* (4); *Гомер* (4); *Звезда* (персонаж произведения А.К. Толстого «Звезда и Брюхо (басня)» (1854)) (4); *Киев-град* (4); *Педро* (персонаж стихотворения «Осада Памбы» (1854)) (4); *Пётр* (Пётр I) (4); *Полкан* (пес короля из «Сказки про короля и про монаха» А.К. Толстого) (4);

² Указывается количество раз употребления имени.

Роскильда (4); *Аюдаг* (3); *Византия* (3); *Владимир 2* (Владимир Мономах) (3); *Гакон* (предводитель отряда варягов, см. «Гакон Слепой» (1869 или 1870)) (3); *Перун* (3); *Самарин* (публицист, славянофил) (3); *Фока* (византийский император) (3); *Франция* (3); *Херсонес* (3); *Алёша* (Алёша Попович, былинный богатырь) (2); *Альямбра* (2); *Бонн* (2); *Екатерина* (императрица) (2); *Зевс* (2); *Иордан* (2); *Кремона* (2); *Лука* (2); *Мессина* (2); *Пресня* (2); *Рим* (античное государство) (2); *Соллогуб* (прозаик, драматург, поэт) (2); *Софийский собор* (2); *Тит Евсеев сын Попов* (персонаж стихотворения «Сон Попова» (1873)) (2); *Тугарин* (2); *Феб* (2); *Эллада* (2); *Эстремадура* (2); *Fedor* (см. стихотворение <К.К. Павловой> («Nun bin ich hier angekommen...») (1870)) (2); *Plauen* (город в Германии) (2) и др.

Имена, связанные с Брянским краем, употребляются по одному разу: *Брянск*, *Выгоничи*, *Красный Рог*, *Мглин*, *Настасья* (А.Н. Мальцева, жена брянского помещика и заводчика).

Частотность имяупотребления по ономастическим разрядам представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Частотность употребления ономастических разрядов
в лирических и лиро-эпических произведениях А.К. Толстого**

№ п.п.	Ономастический разряд	Частотность употребления	% от общего количества употреблений (1188 раз)
1	Антропонимы	618	52
2	Топонимы, в том числе:	314	26
	астонимы	128	11
	административные хоронимы	95	8
	потамонимы	41	3
	оронимы	17	1
	городские хоронимы	14	1
	природные хоронимы	7	0,6
	экклезионимы	4	0,3
	комонимы	3	0,3
	годонимы	2	0,2
	агоронимы	1	0,1
	лимнонимы	1	0,1
	пелагонимы	1	0,1
3	Мифонимы	132	11

Окончание табл. 1

№ п.п.	Ономастический разряд	Частотность употребления	% от общего количества употреблений (1188 раз)
4	Агионимы	31	3
5	Библеизмы	24	2
6	Контекстуальные имена	19	2
7	Идеонимы	13	1
8	Имена из других произведений	9	1
9	Эргонимы	8	1
10	Геортонимы	6	1
11	Фалеронимы	5	0,4
12	Зоонимы	4	0,3
13	Геральдические имена	1	0,1
14	Космонимы	1	0,1
15	Порейонимы	1	0,1
16	ХреMATонимы	1	0,1
17	Этнонимы	1	0,1

По способу художественной номинации в поэтической системе А.К. Толстого выделяются собственно ономастические узуальные единицы и индивидуально-авторские. К первой группе относятся имена в общепринятом употреблении: *Боривой, Брянск, Варишава, Волга, Новый год, Яромир* и др., ко второй:

1) контекстуальные поэтонимы – отапельлятивны́е имена, образовавшиеся посредством онимизации, у которых заглавная буква указывает на то, что они:

- являются значимыми для художественной системы, возведены в ранг значимых: *Глагол, Слово*;
- (вследствие персонификации) называют персонажей: *Адо́льфина, Брюхо, Звезда, Спесь*;

2) имена семантически мотивированные, участвующие в создании сатиры и иронии (например, они́мы в стихотворении «Сон Попова» (1873)): *Ельпидифор Сергеич, Антипатор Васильевич, Тит Евсеев сын*

Попов, Шмидт, Шулаковы, Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах, Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова, Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драг, Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый, Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих, Бурдюк-Лишай и др. Приведем в качестве примера следующий фрагмент:

*Раздался в зале шепот одобренья,
Министр поклоном легким отвечал,
И тут же, с видом, полным снисхожденья,
Он обходить обширный начал зал:
«Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семёновна? Давно не заезжал
Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергееч!»*

*Стоял в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег:
Взял под руку его: «Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театр? <...>»*

[Толстой, 1969, с. 428].

По соотношению с национальным именником выделяются имена реальные и вымышленные. К условно реальным относятся такие имена в художественном тексте, которые соответствуют именам, называющим реалии действительности: *Альба* (Альварес де Толедо Фернандо Альба, испанский военачальник и государственный деятель), *Блудова* (А.Д. Блудова, писательница, представительница славянофильства); *Дунай*, *Израиль*; *Кант*; *Кордова*; *Мазепа*; *Мёртвое море*; *Невский* (проспект); *Пьяченца*; *Растрелли*; *Ричард Львиное Сердце*; *Софийский собор*; *Тимашев* (А.Е. Тимашев – начальник Третьего отделения, министр внутренних дел); *Цепной мост*; *Этна* и др., к вымышленным – имена, у которых нет соответствий в реальной действительности: *Бурдюк-Лишай*; *Грай-Жеребец*; *Гудим-Бодай-Корова*; *Попов*, *Тит Евсеич* и *Тит Евсеев сын Попов* (прототип – П.А. Валуев, министр внутренних дел) и др.

По способу преобразования формы выделяются модельные и внemodelные имена. Формы имен, относящихся к первой группе, соответствуют типовым языковым моделям. Таких имен в поэтической системе А.К. Толстого большинство:

1) одно-, двух- и трехчленные поэтонимы: *Байдарская долина*, *Вальтер Скотт*, *Васька Грязной*, *Гаральд Гардрад*, *Гида Гаральдовна*, *Грицко*, *Иван Васильич Грозный*, *Карп Семёнович*, *Пётр Алексеевич*, *Сагайдачный*, *Чёрное море*, *Я.П. Полонский* и др.;

2) поэтонимы, построенные по моделям «собств. одушевленное сущ. + нарицательное сущ.», «собств. неодушевленное сущ. + нарицательное сущ.», «нарицательное сущ. + собств. одушевленное сущ.» и «нарицательное сущ. + собств. неодушевленное сущ.»: *Алёша-богатырь, Волга-матушка, Гаральд-варяг, Днепр-река, Киев-град, матушка-Русь, матушка-Москва, Москва-река, Пантелей-государь, Поток-богатырь, саксонец-Гаральд*;

3) генитивные поэтонимы – имена собственные, представляющие собой в номинативе генитивные формы других имен, от которых они образованы [Подольская, 1978, с. 44] – построены по модели «сущ. + сущ. в родительном падеже»: *ведомость Корша* (газета «Санкт-Петербургские ведомости» под редакцией В.Ф. Корша), *дивный камень Трисмегиста* («философский» камень), *крест Калатравы* (крест испанского духовного рыцарского ордена, образованный цветками лилии), *орден святого Станислава* (орден Российской империи с 1831 по 1917 гг.), *созвездье Пса, шапка Мономаха*.

Ко второй группе следует отнести семантически мотивированные имена, употребление которых связано с задачей создания сатиры и иронии (фамилия *Гудим-Бодай-Корова*, *Тит Евсеев сын Попов*, имя китайца *Цу-Кин-Цын*) или обусловлено их иноязычным происхождением (*Де-Мероде* и *Де-Мерод*, *фон Бок*, *фон Бокт*, *Louis le Désiré*, *Sophia-Dom*).

Для художественной системы А.К. Толстого характерны следующие виды преобразования поэтонимов:

а) имена, взятые из реального именника: *Арапат, Аюдаг, Владимир I* (князь новгородский и киевский), *Днепр, Казань, Малюта, Мономах, Черторой* и др.;

б) общеупотребительные имена, перенесенные в тексте на новые объекты: *Мария I* (М.В. Волкова, двоюродная сестра А.К. Толстого), *Настасья* (А.Н. Мальцева, жена брянского помещика и заводчика), *Кузьма Прутков* (по одной из версий, прототипом мог быть калужский поэт Козьма Тимошури), *Попов* (прототип – министр внутренних дел П.А. Валуев) и др.;

в) имена из других произведений: *Инезиля, Мальвина, Мишка, Фауст, Хромид, Цу-Кин-Цын* (см. подробнее классификацию имен по специфике референтивного значения, пункт 8);

г) имена, соответствующие типовым языковым моделям с фонетическими отличиями от современной нам нормы: *Александр Первый, Алкивьяд* (Алкивиад, афинский государственный деятель), *Альямбра* (Альгамбра – архитектурно-парковый ансамбль в Гранаде), *Аничковский мост, Брунзовик* (др.-рус. название, современное название – Брауншвейг, город в Германии), *Волын* (Волинь – центр восточнослав.

племени волинян, столица Волынской земли), *Гаральд Гардрад* (Гаральд Гардрааде), *Генрик Лев* (Генрих Лев), *Зевес, Дидерот* (Дени Дидро), *Мантуа, Марокка, Монферранд* (Огюст Монферран, архитектор), *Поток* (Михайло Потык, богатырь), *Роскильда* (современное название – Роскилле), *Руга* (Рюген), *Сицилия, Украина, Черкасской* (В.А. Черкасский, общественный деятель) и др.

По типу употребления выделяются номинативные и обобщенно-символические имена. К номинативным относятся поэтонимы, называющие реальные или вымышленные лица и объекты. К обобщенно-символическим относятся: а) контекстуальные поэтонимы – отапеллятивные имена, образовавшиеся посредством онимизации (*Глагол, Слово*); б) имена, которые выражают обобщенно-символические смыслы и образы: агонимы *Максим Грек, Николай* (Николай Чудотворец), *Пантелей-государь* и *Пантелей* (великомученик Пантелеймон), *Святой Георгий* (Георгий Победоносец); библеизмы *Голгофа, Ева, Иегова, Иуды, Мария 2* (Богородица), *Моисей* и др.

По участию в развитии сюжета лирических и лиро-эпических произведений А.К. Толстого выделяются ключевые и упоминаемые имена. Первые нередко вынесены в заглавие, частотны: *Владимир 1* (князь новгородский и киевский), *Русь, Поток, Гвидо, Попов, Садко, Киев, Эдвард, Таиров, Гаральд 1* (норвежский король), *Днепр, Канут, Христос, Иоанн 3* (Иоанн Дамаскин, святой, богослов, гимнограф), *Маркевич* (писатель и публицист), *Стасюлевич* (историк и публицист, редактор «Вестника Европы») и др. Упоминаемые имена не участвуют в развитии сюжета, не выносятся в заглавия, не являются частотными: *Алкид, Антонелли, Балаклава, Вальтер Скотт, Вольтер, Гармодий, Гёте, Долгорукий, Еривань, Иеронимус Кох, Индия* и др.

По морфологическому составу выделяются поэтонимы простые (равны одному слову): *Алёша, Дюк, Магнус, Садко* и др., – и составные (имена-приложения, имена с приложениями, имена-словосочетания, представленные ономастическими адъективами и генитивными онимами): имена-приложения: *Волга-матушка, Днепр-река, Киев-град, матушка-Русь, матушка-Москва, Москва-река*; имена с приложениями: *Алёша-богатырь, Гаральд-варяг, Пантелей-государь, Поток-богатырь, саксонец-Гаральд*; ономастические адъективы – онимы в форме прилагательного или прилагательные, входящие в состав онимов: *Аничковский мост, Байдарская долина, Житомирская губерния, Иван Третий, Иванов день, Кедронский поток, Красный Рог, Къявенские стены, Летний сад, Ливанские горы, Милосская Венера, Новый год, Пий девятый, Понтийские Пилаты, Святой Георгий, Слепой Гакон, Софийский собор, Третье отделение, Фебов синклит, Цепной мост,*

Червонная Русь, Чёрное море и др.; генитивные имена (см. характеристику имен по способу преобразования формы). Простые имена представлены также именами-эллипсисами – формами собственных имен, образованными «в результате опущения одного из слов или одной основы, входящих в дву- или многословное или дву-, многоосновное имя» [Подольская, 1978, с. 165]: *Невский* ← Невский проспект, *«Проект»* ← «Проект постановки на сцену трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”» (1868) А.К. Толстого, *Садовая* ← Садовая улица (в С.-Петербурге), *созвездье Пса* ← созвездие Большого Пса, *Станислав* ← орден Святого Станислава, *Третий* ← Иван Третий, *«Феодор»* ← «Царь Фёдор Иоаннович» (1868) А.К. Толстого.

По встречаемости в ономастическом пространстве произведений Толстого выделяются *единичные* и *повторяющиеся* поэтонимы. К единичным, употребленным в одном произведении, онимам относятся, например, *Британия* («Сон Попова» (1873)), *Гелиос* («В дни златые вашего царенья...» (1867)), *Казбек* («К моему портрету (Который будет издан вскоре при полном собрании моих сочинений)» (1856)), *Магадев* («Бог и Баядера (индийская легенда)» (1867)), *Фет* («Элегия» (1870)), *Церера* («Коринфская невеста» (1867)), *«Ave Maria»* («Дракон. Рассказ XII века (с итальянского)» (1875)), *Jago Compostello* («Осада Памбы» (1854)) и др. Повторяющимися именами, к примеру, являются астионим *Афины* (имя употреблено в четырех произведениях А.К. Толстого: «Коринфская невеста» (1867), «Песня о Гаральде и Ярославне» (1869), «История государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), «Рука Алкида тяжела...» (1869)); антропоним *Владимир I* (князь новгородский и киевский) (употреблен в шести произведениях: «Змей Тугарин» (1867), «Песня о походе Владимира на Корсунь» (1869), «Поток-богатырь» (1871), «Илья Муромец» (1871), «Сватовство» (1871), «История государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868)) и др.

3. Синтагматический аспект функционирования поэтонимов

Теперь перейдем к рассмотрению синтагматического аспекта функционирования толстовских имен: выясним их роль в речевой композиции лирических и лиро-эпических произведений, установим типы контекстов, в которых они употреблены, и определим их семантико-стилистические функции.

В художественной поэтической системе А.К. Толстого по *роли в речевой структуре лирических и лиро-эпических произведений* можно выделить несколько центральных групп поэтонимов:

1) имена частотные, употребление которых обусловлено особенностями толстовской художественной поэтической системы, в частности,

моделированием фантастического мира; воскрешением былинной старины, новгородского вече и др.;

2) имена, обладающие значительным культурно-историческим фоном (в том числе агионимы, антропонимы, библеизмы, идеонимы, имена из других произведений, мифонимы, топонимы);

3) имена, участвующие в создании художественного пространства толстовских произведений (прежде всего топонимы).

По характеру контекста выделяются следующие продуктивные группы, отличающиеся характерными особенностями употребления поэтонимов.

Первая группа – это контексты с именами, участвующими в развитии сюжета. Приведем следующие примеры:

*Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой... <...>
Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен...*

[Толстой, 1969, с. 223]

(«Князь Михайло Репнин» (1840-е гг.));

*Умре Владимир с горя,
Поряда не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав... <...>
Настал Иван Четвёртый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.*

*Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек...*

[Там же, с. 375–377]

(«История государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868)) и др.

Вторую группу составляют контексты с поэтонимами-обращениями:

*Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?..*

[Там же, с. 61]

(«Ты помнишь ли, Мария...» (1840-е гг.));

*Гуссейн, послушай, помоги
 Стащить мне эти сапоги, <...>
 Да что ж не видно самовара?
 Сходи за ним; а ты, Али,
 Костер скорее запали... <...>
 И покрытый пеной белой,
 Утомясь, влюбленный бог
 Снова ляжет, онемелый,
 У твоих, Таврида, ног*

[Толстой, 1969, с. 97, 103]
 («Крымские очерки» (1856—1858));

*– Государь ты наш батюшка,
 Государь Пётр Алексеевич,
 Что ты изволишь в котле варить?*
 [Там же, с. 242]
 («Государь ты наш батюшка...» (1861));

*И шлет в Византию послов ко двору:
 «Цари Константин да Василий!
 Смирено я сватаю вашу сестру,
 Не то вас обоих припру. <...>»*
 [Там же, с. 270]
 («Песня о походе Владимира
 на Корсунь» (1869));

*Вкусив елей твоих страниц
 И убедившись в их силе,
 Перед тобой паду я ниц,
 О Феофиле, Феофиле!.. <...>
 В твоём письме, о Феофил,
 (Мне даже стыдно перед миром),
 Меня, проказник, ты сравнил
 Чуть-чуть не с царственным Шекспиром!*

*О Ростислав, такую роль,
 Скажи, навязывать мне к стати ль?
 Поверь, я понимаю соль
 Твоей иронии, предатель!..*

[Там же, с. 394–395]
 («Послания к Ф.М. Толстому»
 (1868–1869)) и др.

Третью группу составляют контексты с именами, моделирующие художественное пространство и время:

*Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег... <...>
Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В серебристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина...*

[Толстой, 1969, с. 97, 99]
(«Крымские очерки» (1856–1858));

*Поляки ночью темною
Пред самым Покровом,
С дружиною наемною
Сидят перед огнем...*

[Там же, с. 226]
(«Ночь перед приступом» (1840-е гг.));

*Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар...*

[Там же, с. 248] («Змей Тугарин» (1867));

*Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Лады жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!.. <...>
Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
Сикилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!..*

[Там же, с. 257–258]
(«Песня о Гаральде и Ярославне» (1869));

*Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей...*

[Там же, с. 276]
(«Песня о походе Владимира на Корсунь» (1869));

*Тихо над Альямброй,
Дремлет вся натура,
Дремлет замок Памбра,
Спит Эстремадура!..*

[Там же, с. 451]
(«Желание быть испанцем» (1854); и др.

Результаты проведенного анализа собственных имен позволяют теперь указать функции, которые они выполняют в толстовских лирических и лиро-эпических произведениях.

Семантико-стилистические функции имен. Прежде всего это универсальные функции, характерные для любых онимов, употребляющихся в художественном тексте: номинативно-изобразительная, эстетическая и текстообразующая. Среди функций, присущих толстовским именам: апеллятивно-экспрессивная, эмоционально-оценочная, культурно-историческая, локально-темпоральная, обобщенно-символическая, сатирико-ироническая.

4. Заключение

Итак, можно отметить следующие особенности употребления собственных имен в лирических и лиро-эпических произведениях А.К. Толстого. Для художественных, романтико-идеалистических творений писателя характерны оторванность от настоящего, обращенность к прошлому (ср.: *Русь, матушка-Русь, Червоная Русь*), к миру вымышленного, таинственного, фантастического. Поэта интересовали факты русской и мировой (скандинавской, английской, чешской, испанской) истории, былинная старина, славянская, древнегреческая, древнеримская и скандинавская мифологии. Поэтому в стихотворениях, балладах, былинах, притчах, одах, баснях, поэмах и в других произведениях в значительном количестве употребляются имена, обусловленные этой романтической направленностью художественной системы писателя. Неприятие современности выразилось у Толстого в насмешке над действительностью, в употреблении, в частности, сатирических, иронических и пародийных поэтонимов (*Цу-Кин-Цын, Тит Евсеев сын Попов, Кузьма Прутков*).

Специфика поэтонимосферы лирических и лиро-эпических произведений Толстого на *уровне парадигматики* проявляется в следующем:

- разнообразие представленных ономастических классов с неравномерным их наполнением, т.е. частотность антропонимов, топонимов и мифонимов, которые занимают ядерную зону ономастического пространства, и минимальная представленность ономастических классов, занимающих периферию ономастического пространства толстовских лирических и лиро-эпических творений (геортонимов, геральдических имен, зоонимов, фалеронимов, эргонимов и др.);
- употребление ономастических перифраз (*светлый град* = Москва, *мальтийский кавалер* = Павел I) и контекстуальных заместителей имен (*серебрулукий* = Аполлон);

- функционирование контекстуальных имен, переведенных Толстым в ранг особых для решения художественных задач: *Глагол, Слово, Брюхо, Спесь*;
- использование генитивных имен: *ведомость Корша, дивный камень Трисмегиста, крест Калатравы, шапка Мономаха*;
- употребление в художественном тексте имен, соответствующих типовым языковым моделям, но с фонетическими изменениями: *Альямбра, Аничковский мост, Еривань, Зевес, Дидерот, Мантуа, Марокка, Монферранд, Сицилия*;
- функционирование имен-эллипсисов: *Невский* ← Невский проспект, «*Проект*» ← «Проект постановки на сцену трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”», *созвездье Пса* ← созвездие Большого Пса;
- употребление имен-приложений и имен с приложениями: *Волга-матушка, Днепр-река, Киев-град, матушка-Русь, матушка-Москва, Москва-река; Алёша-богатырь, Гаральд-варяг, Пантелей-государь, Поток-богатырь, саксонец-Гаральд*;
- использование рядов с дублетными именами, обозначающими одного референта: *Иван, Иван Васильич, Иван Васильич Грозный, Иоанн I и Иван Четвёртый*;
- употребление имен-омонимов, значение которых устанавливается посредством контекстного анализа: *Алексей I* (второй русский царь из династии Романовых), *Алексей 2* (А.К. Толстой), *Алексей 3* (А.М. Жемчужников – поэт, сатирик, юморист).

На уровне синтагматики особенности толстовской системы имен проявляются в следующем:

- употребление онимов, обладающих культурно-историческим фоном (*Батый, Долгорукий, Кутузов, Максим Грек, Мономах, Святой Георгий*);
- использование топонимов, участвующих в моделировании художественного пространства (*Арарат, Асти, Афины, Бергамо, Брешья, Волга, Галич, Днепр, Киев, Колико, Крема, Кремона, Кьявенна, Лекко, Леньончино, Милан, Москва, Пьяченца, Реджьо*);
- наличие групп контекстов с онимами, участвующими в развитии сюжета (*Васька Шибанов, Курбский, Иван Васильич Грозный*), реализующими апеллятивно-эмоциональные интенции автора (*Владимир, Гуссейн, Мария, Ругевит, Садко, Таврида, Феб*), моделирующими художественное время и пространство текста (*Байдарская долина, Кордова, Мессина, Мёртвое море, Покров, Чатырдах*), служащими средством создания сатиры и иронии (*Гудим-Бодай-Корова, Бурдюк-Лишай, Грай-Жеребец*);

– выполнение онимами разнообразных семантико-стилистических функций: номинативно-изобразительной, эстетической, текстообразующей; апеллятивно-экспрессивной, эмоционально-оценочной, культурно-исторической, локально-темпоральной, обобщенно-символической, сатирико-иронической.

Перспективы дальнейшего использования системного подхода к рассмотрению особенностей поэтонимосферы А.К. Толстого видятся в изучении его прозаических и драматических произведений.

Библиографический список / References

Айхенвальд – Айхенвальд Ю.И. Несколько слов о поэзии гр. А.К. Толстого. М., б/г. [Aikhenval'd Yu.I. Neskol'ko slov o poezii grafa A.K. Tolstogo [Several words about poetry of the count A.K. Tolstoy]. Moscow.]

Александровский, 1907 – Александровский Г.В. Некоторые черты жизни, личности и мировоззрения графа А.К. Толстого: Литературный очерк. Киев, 1901. [Aleksandrovskii G.V. Nekotorye cherty zhizni, lichnosti i mirovozzreniya grafa A.K. Tolstogo: Literaturnyi ocherk [Some lines of life, personality and outlook of the count A.K. Tolstoy: Literary sketch]. Kiew, 1901.]

Калинкин, 2006 – Калинкин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος όνομαστική. 2006. № 1. С. 81–89. [Kalinkin V.M. From literary onomastics to a poetonimologiya. Λογος όνομαστική. 2006. № 1. Pp. 81–89.]

Калинкин, 2008 – Калинкин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // Λογος όνομαστική. 2008. № 2. С. 96–101. [Kalinkin V.M. Poetonimologiya: from notes about science metalanguage. Λογος όνομαστική. 2008. № 2. Pp. 96–101.]

Котляревский, 1907 – Котляревский Н.А. Старинные портреты: Е.А. Баратынский, Д.В. Веневитинов, кн. В.Ф. Одоевский, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев, гр. А.К. Толстой. СПб., 1907. [Kotlyarevskii N.A. Starinnye portrety: E.A. Baratynskii, D.V. Venevitinov, knyaz' V.F. Odoevskii, V.G. Belinskii, I.S. Turgenev, graf A.K. Tolstoi [Ancient portraits: E.A. Baratynsky, D.V. Venevitinov, prince V.F. Odoevsky, V.G. Belinsky, I.S. Turgenev, count A.K. Tolstoy]. St. Petersburg, 1907.]

Круглов, 1910 – Круглов А.В. Десять поэтов (Портреты, биографии, характеристики). М., [1910] [Kruglov A.V. Desyat' poetov: (Portrety, biografii, kharakteristiki) [Ten poets: (Portraits, biographies, characteristics)]. Moscow, [1910].]

Подольская, 1978 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. [Podol'skaya N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii [Dictionary of the Russian onomastic terminology]. Moscow, 1978.]

Толстой, 1969 – Толстой А.К. Собр. соч.: В 4-х т. / Под ред. И. Ямпольского. Т. 1. Лирические стихотворения. Баллады, былины, притчи. Сатирические и юмористические стихотворения. Поэмы. Переводы. М., 1969. [Tolstoi A.K. Sbranie sochinenii [Collected works]. Yampolsky I. (ed.). Vol. 1. Moscow, 1969.]

Фонякова, 1990 – Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие. Л., 1990. [Fonyakova O.I. Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste [Proper name in the art text]. Textbook. Leningrad, 1990.]

Ямпольский, 1969 – Ямпольский И. А.К. Толстой // Толстой А.К. Собр. соч.: В 4-х т. / Под ред. И. Ямпольского. Т. 1. Лирические стихотворения. Баллады, былины, притчи. Сатирические и юмористические стихотворения. Поэмы. Переводы. М., 1969. С. 3–50. [Yampol'skii I. A.K. Tolstoi. *Tolstoi A.K. Sobranie sochinenii*. Yampolsky I. (ed.). Moscow, 1969. Pp. 3–50.]

Статья поступила в редакцию 05.12.2017

The article was received on 05.12.2017

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук; доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, филиал Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове

Pronchenko Sergei M. – PhD in Philology; associate professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Branch of Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University in Novozybkov

E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

А. Терника

Воронежский государственный университет,
394018 г. Воронеж, Российская Федерация

Поэтика времени в повести И.С. Тургенева «Андрей Колосов»

В статье рассматривается временная организация повести И.С. Тургенева «Андрей Колосов». Автор делает акцент на характерологию, которая проявляется в системе отношений персонажей к окружающей действительности и тесно сопряжена с временной перспективой. Цель статьи – установить сюжетобразующую роль поэтики времени и выявить роль временных осей – «времени повествования» и «времени сюжета».

Ключевые слова: время, нарратив, повествование, повести И.С. Тургенева, поэтика времени, характерология повестей И.А. Тургенева, русская литература XIX в.

A. Ternika

Voronezh State University,
Voronezh, 394018, Russian Federation

The poetics of time in Turgenev's «Andrei Kolosov»

The article discusses the poetics of time in Ivan Turgenev's short novel titled "Andrei Kolosov" and is focused on the temporal organization of the text and its connection with characterology. The author establishes the plot-forming role of the poetics of time and considers the concepts that are fundamental to the subject of research. The role of two time axes – "the time of the narrative" and "the time of the plot" – is highlighted. And also our objective is to explain the time gap, which is largely determined by the weak position of the narrator.

Key words: Turgenev, Andrei Kolosov, time, short novel, poetics, narrative, characterology in short novels of I.S. Turgenev.

Творчество И.С. Тургенева в целом и каждое из его произведений по отдельности широко освещены в современном литературоведении. Существуют работы, касающиеся поэтики И.С. Тургенева, однако поэтика времени в них или не выделяется в специальный вопрос, или рассматривается на материале только отдельных произведений. Большинство исследователей, обращающихся к творческому наследию писателя, говорят об авторской позиции и о соотношении повествования и диалога. Наблюдения общего характера встречаются в работах отечественных исследователей: А.И. Батюто, Г.А. Бялого, Г.Б. Курляндской, П.В. Пустовойта, С.Е. Шаталова и др. Например, известный тургеновед А.И. Батюто связывает сюжетное развитие романов И.С. Тургенева с философскими представлениями писателя о мгновении человеческой жизни [Батюто, 1972, с. 86]. О символизме в романах И.С. Тургенева существует работа известного британского литературоведа Ричарда Писа [Pease, 2002]. Книга «The novels of Turgenev: symbols and emblems» охватывает широкий круг вопросов, в ней немало точных замечаний, связанных с течением времени и символической ролью пейзажа.

Из специальных работ по поэтике времени следует выделить диссертацию Н.В. Логутовой «Поэтика пространства и времени романов И.С. Тургенева», где анализируются особенности художественного пространства и времени, выявляются и осмысляются основные тенденции эволюции тургеньевского романа [Логутова, 2002]. Это исследование наиболее основательное и близко стоящее к теме нашей статьи.

Однако стоит отметить, что полноценных работ, посвященных поэтике времени в повести И.С. Тургенева «Андрей Колосов», не существует. Актуальность данной статьи определяется необходимостью восполнить недостаточную изученность повести писателя в указанном контексте.

«Андрей Колосов» (1844) – первый прозаический опыт И.С. Тургенева в области повествовательной прозы, текст опубликован в 1844 г. в «Отечественных записках». В этой повести писатель в некоторой мере обращается к актуальной для XIX в. теме «героя времени», которая обнаруживается через противопоставление людей обыкновенных и необыкновенных. В книге «Тургенев и русский реализм» Г.А. Бялый отмечал, что романтической натянутости нарратора противопоставлен естественный образ Андрея Колосова [Бялый, 1962, с. 248]. Таким образом, при рассмотрении временной организации данной повести и установлении сюжетообразующей роли поэтики времени необходимо учитывать характерологию, которая проявляется в системе отношений персонажей к окружающей действительности и тесно сопряжена с временной перспективой.

Для того чтобы определить временной разрыв и его функцию, отметим, что повесть «Андрей Колосов» – это повествовательный нарративный текст, имеющий двойную структуру коммуникативной системы, складывающейся из нарраторской и авторской коммуникаций, причем коммуникация повествователя входит в коммуникацию автора как компонент изображаемого мира, его составная часть. Иными словами, в повести «Андрей Колосов» история не только повествуется нарратором, но равным образом показывается акт повествования [Шмид, 2003, с. 312]. Цитата: *Один небольшой, бледный человек, который долго слушал, попивая чай и покуривая сигарку, разглагольствования своих товарищей, внезапно встал и обратился ко всем нам (я тоже был в числе споривших)* [Тургенев, 1980, с. 7].

Следовательно, в повести «Андрей Колосов» мы можем выделить две временных оси. Во-первых, это – «время повествования»: *В небольшой порядочно убранной комнате, перед камином, сидело несколько молодых людей. Зимний вечер только что начинался* [Там же]. Во-вторых, история излагается посредством нарратора, который повествует о событиях, имеющих временную отдаленность от «времени повествования»: *Десять лет тому назад... я был студентом в Москве* [Тургенев, 1980, с. 8]. Иными словами, время основного действия, или «время сюжета» [Женетт, 1998, с. 313–416], имеет десятилетнюю временную отдаленность.

Итак, мнемоническое повествование (термин Л.М. Ньюбиной) и временная отдаленность позволяет говорить об особой поэтике, которая представляет собой сплетение повествовательных, характеризующих, оценочных и описательных составных частей. Перед читателем события, самые обыденные, совершаются «под знаком вечности». Понятие «мнемоническое повествование» используется в самом широком смысле: под ним понимается автобиографичность текста, особенности тезауруса нарратора, его осознание прошлого и отбор информации, которая преподносится читателю [Ньюбина, 2000, с. 519]. В книге «Поэтика Достоевского» М.М. Бахтин отмечал, что нарратор в повести «Андрей Колосов» – это интеллигентный человека тургеневского круга: «Так рассказал бы и он сам, и рассказал бы о самом серьезном в своей жизни» [Бахтин, 2000, с. 87].

В основе концепции времени обнаруживается противопоставление двух планов: вечного неизменного прошлого, о котором повествует нарратор, и настоящего, которое не имеет никакого продолжения. Можно сказать, что прошлое держит нарратора, мыслится как неизменный ценностно-смысловой ориентир, тогда как настоящее необходимо лишь для передачи истории прошлого.

Отметим, что история рассказывается фрагментарно, с перемещением во времени, иногда с намеренным временным искажением или случайными авторскими неточностями. Это кажется нам особенно важным ввиду того, что организацию и характер построения внутреннего мира произведения определяет кругозор нарратора: объем поля зрения, способ и степень понимания действительности, а также временная отдаленность.

Повесть «Андрей Колосов» – это текст с типом внутренней фокализации, поэтому нам необходимо установить роль и значение нарратора. Нарратор – «небольшой, бледный человечек» [Тургенев, 1980, с. 7], склонный к глубокой рефлексии. Он рассуждает о людях обыкновенных и необыкновенных, а характеризуя себя, говорит: *я обыкновенный смертный* [Там же, с. 8]. Мы видим, что нарратор относится к определенному типу литературного героя, а именно: обыкновенный человек. Цитата: *Я нигде не ходил и в особенности боялся женщин; я также избегал знакомства с родителями* [Там же, с. 9].

Важно отметить, что нарратор – не «маленький человек», лишенный внимания других людей, он говорит о социальном статусе и о своей «независимости»: *отец мой изредка присылал мне небольшие пачки синих полинялых ассигнаций, а потому я не только наслаждался независимостью, но у меня постоянно были льстецы и прислужники...* [Там же].

В некоторой степени антиподом нарратора выступает Андрей Колосов – «действительно необыкновенный человек» [Там же]. Приезд Андрея Колосова – *великая новость* [Там же]. Но мы предполагаем, что симпатия к Андрею Колосову иррациональна, ведь описание героя строится на отрицании. Он не обладает магнетической волей, он не романтический герой. Андрей Колосов прост и естествен: *в нем не было ни той таинственности, которою щеголяют юноши, одаренные самолюбием, бледностью, черными волосами и «выразительным» взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы; нет: он весь был, как говорится, нараспашку* [Тургенев, 1980, с. 12]. Кроме того: *Профессора считали его малым неглупым, но «без больших способностей» и ленивым* [Там же, с. 11].

«Необыкновенность» Андрея Колосова заключается в том, что у него «ясный, простой взгляд на жизнь» [Там же, с. 33]. Иными словами, Андрей Колосов живет настоящим, его действия совпадают с ходом времени: разлюбив Варю, он вовремя разрывает с ней отношения. Примечательно, что утверждая разумный такт действительности и трезвый взгляд на происходящее, Андрей Колосов действует быстро и решительно.

Нарратору, напротив, свойственно выпадение из естественного хода времени, он не вписывается в природный цикл, более того, он пытается заместить Андрея Колосова, приняв на себя его роль.

Без Андрея Колосова время сюжета сжато: целая зима и два весенних месяца проходят под знаком ожидания перемен. Цитата: *В течение целой зимы мои отношения к Колосову не изменились ни на волос; я часто сравнивал себя с Гавриловым – и не мог понять, чем он лучше меня... Но вдруг все переменялось* [Тургенев, 1980, с. 12]. Больше того, нарратор словно не в состоянии совладать со временем, в его жизни ничего не происходит, он постоянно прибывает в ожидании свободной роли: *В один незабвенный вечер... я лежал один на диване и бессмысленно глядел в потолок...* [Там же, с. 13].

Внезапная смерть Гаврилова – это некое условие для перемены отношения Андрея Колосова к нарратору: *В половине апреля Гаврилов захворал и умер на руках Колосова, который не отлучался ни на миг из его комнаты и целую неделю после его смерти не выходил никуда* [Там же, с. 12]. Особое значение в связи с этим получает мотив замещения: нарратор замещает Гаврилова в поездках к господину Сидоренко. Правда, говоря об этой роли, следует привести цитату: *Вообще я не заменил ему Гаврилова... Гаврилов был в тысячу раз добрей и глупей меня* [Там же, с. 20]. Отожествляя себя с Гавриловым, нарратор не приравнивает себя ему и не идентифицирует себя в роли спутника Андрея Колосова. Именно поэтому мы можем предположить, что нарратор хотел бы занять место самого Андрея Колосова. Примечательна в этом контексте цитата, подтверждающая нашу мысль: *Я радовался за Колосова... А между тем мне было, черт возьми, завидно...* [Там же, с. 16]. Кроме того, будучи спутником Андрея Колосова, нарратор не может «справиться» со временем: *Между тем время шло да шло...* [Там же, с. 19]. Одним словом, нарратор последовательно примеряет чужие роли, проживая чужое время.

Особую радость испытывает нарратор, когда чувства Андрея Колосова к Варе остывают: *Колосов... понемногу... холодеет. Это открытие меня, признаюсь, обрадовало* [Там же]. Очевидно, нарратор сможет занять место Андрея Колосова, стать спутником Вари, жить его настоящим временем.

Отправившись к Ивану Семенычу, нарратор оказывается в глупом положении: Варя расстроена отсутствием Колосова, отставной поручик Иван Семеныч только острит насчет Колосова. Более того, встреча в саду с Варей тоже связана исключительно с разговором об Андрее Колосове. Нарратор не может совладать с движением времени. Безуспешные попытки занять чужое место наталкивают нарратора на мысль:

не я любим, не я заставляю страдать Варю [Тургенев, 1980, с. 23]. Теперь становится окончательно ясно, что нарратор не может занять чужое место в полной мере.

Кроме того, утренняя поездка к Андрею Колосову также подтверждает нашу гипотезу о тотальной неспособности нарратора жить настоящим временем: *Я чувствовал, что пришел не в пору, но делать было нечего* [Там же, с. 24]. Иначе говоря, даже для разговора с Андреем Колосовым нарратор не может выбрать подходящий момент.

Нарратор физически занимает место Колосова, но разговоры в доме Сидоренко «о Колосове, об одном Колосове» [Там же, с. 27] с этой точки зрения особенно показательны приверженность нарратора к замещению и неудачное отождествление себя с Колосовым: *Я чувствовал, что не в состоянии заменить Колосова; я чувствовал, что прошедшее Вари так полно, так прекрасно... а настоящее бедно...* [Там же].

Различия между нарратором и Андреем Колосовым проявляются и на физиологическом уровне. Например, в тексте неоднократно отмечается, что нарратор человек невысокий и бледный, тогда как Андрей Колосов «был роста довольно высокого, строен, ловок и весьма недурен собою» [Тургенев, 1980, с. 10].

Необходимо отметить, что нарратор обнаруживает в себе готовность размышлять о будущем. Не умея совладать со временем, он мечтает о женитьбе и представляет совместную жизнь с Варей: *я начал фантазировать: воображал себе наше тихое житье вдвоем, где-нибудь в теплом уголке южной России* [Там же, с. 28]. В сущности, будущее нарратора призрачно, его фантазиям не суждено стать реальностью.

Далее обратимся к локусу сада, который, прежде всего, выступает воплощением движения времени, а также выполняет амбивалентную семантическую функцию. С одной стороны, сад связан с мотивом любви, именно здесь вместе проводят время Андрей Колосов и Варя: *Колосов возвращался с Варей из сада и все лицо ее дышало восторженной преданностью, усталостью от избытка блаженства...* [Там же, с. 19]. С другой стороны, сад связан с мотивом памяти, хранящей смутные воспоминания об ушедшей любви. Например, Андрей Колосов вспоминает, как проводил время с Варей в саду: *Помнится, в мае и я сидел с ней на этой скамейке... Яблонь была в цвету, изредка падали на нас свежие белые цветочки, я держал обе руки Вари... мы были счастливы тогда... Теперь яблонь отцвела, да и яблоки на ней кислые* [Там же, с. 24].

В повести «Андрей Колосов» сад связан с образом яблони, который определяет любовную коллизию. Есть необходимость сказать, что

данный образ связан с нарушением временного цикла. «Природное», естественное чувство, красота первой влюбленности изображается на фоне весны и цветущего сада, но естественный ход романтических отношений нарушен, настало время «собирать плоды», а влюбленность не переросла в чувство любви, поэтому и «яблоки кислые». Показательно, что образ человека «необыкновенного» наилучшим образом проявляется в умении понять истинное положение дел: Андрей Колосов осознает, что не любит Варю и незамедлительно разрывает с ней отношения, не видя необходимости действовать по правилам природного цикла.

Нарушение временного цикла проявляется и через образ яблока, который может быть рассмотрен как символ брака. Если Андрей Колосов, как мы видим, говорит, что «яблоки кислые», то иным образом складывается ситуация у нарратора. Он «в одно зимнее ясное утро» [Тургенев, 1980, с. 28] признается Варе в любви и предлагает выйти за него замуж. Поспешно уезжая, не дождавшись ответа, нарратор встречает Ивана Семеныча, который «с приятной улыбкой предложил мне яблоко. <...> “Возьмите ж яблочко, хорошее яблочко, право!” – твердил Иван Семеныч. Я машинально взял, наконец, яблоко и доехал с ним до дома» [Там же, с. 28–29]. Замечая Андрея Колосова и проживая чужую историю, нарратор выбивается из естественного хода времени, он должен попробовать яблоко с опозданием, вне сезона, т.е. зимой.

Получив положительный ответ от Вари, нарратор так и не решается поговорить с ее отцом. Нарратор – человек обыкновенный и не может заместить необыкновенного Андрея Колосова: *Если она любила Колосова, – думал я, – как же это она так скоро согласилась?* [Там же, с. 31]. Добившись своей цели, нарратор неизбежно приходит к необходимости отказа от дальнейших действий, ведь он не имеет своего настоящего времени, а история Андрея Колосова и Вари закончена.

Для повести «Андрей Колосов» дейктическое наречие *завтра* примечательно, ведь оно совершенно лишено смысла, оно фиктивно. Для Вари и нарратора *завтра* так и не наступает: *Завтра я пойду к ней непременно, – говорил я самому себе – и отлично ел и спал сегодня* [Там же, с. 32]. Варя остается в неподвижном времени, нарратор не знает, как сложилась ее жизнь:

– *А что случилось с Варей? – спросил кто-то.*

– *Не знаю, – отвечал рассказчик.*

Мы все встали и разошлись [Там же, с. 33].

Кроме того, мы не знаем, как сложилась жизнь самого нарратора, ведь он лишен биографии. Вся повествовательная структура наталкивает нас на мысль, что эта история – странная проекция из прошлого, без

которого фактически нет настоящего. Иными словами, без времени сюжета нет времени повествования.

Рассказанная нарратором история не имеет продолжения, а финальные слова повести «Андрей Колосов» констатируют бессилие нарратора перед движением времени, демонстрируют временной разрыв. Нельзя сказать, что нарратор одержим тоской по прошлому, но объяснения с Варей не случилось, момент упущен. И то, что спустя десять лет подобная история рассказана в кругу посторонних, создает впечатление, что нарратор оказался в плену у прошлого, но, очевидно, его удерживают не чувства к Варе, а неспособность выйти из той роли, которую он на себя взял.

Библиографический список / References

Батюто, 1972 – Батюто А.И. Тургенев-романист. Л., 1972. [Batyuto A.I. Turgenev-romanist [Turgenev the Novelist]. Leningrad, 1972.]

Бахтин, 1975 – Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. [Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975.]

Бахтин, 2000 – Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2000. Т. 2. С. 5–175. [Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Creative Act]. *Bahtin M.M. Sbranie sochineniy*. Vol. 2. Moscow, 2000. Pp. 5–175.]

Бялый, 1962 – Бялый Г.А., Тургенев и русский реализм. М.-Л., 1962. [Byalyj G.A., Turgenev i russkij realizm [Turgenev and Russian realism]. Moscow–Leningrad, 1962.]

Женетт, 1998 – Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры I–II. М., 1998. [Genette G. Raboty po poetike. Figury I–II [Works on poetics. Figures I–II]. Moscow, 1998.]

Курляндская, 1972 – Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972. [Kurlyandskaya G.B. Hudozhestvennyj metod Turgeneva-romanista [The artistic method of Turgenev the novelist]. Tula, 1972.]

Логутова, 2002 – Логутова Н.В. Поэтика пространства и времени романов И.С. Тургенева. Кострома, 2002. [Logutova N.V. Poetika prostranstva i vremeni romanov I.S. Turgeneva [Poetics of space and time of novels by I.S. Turgenev]. Kostroma, 2002.]

Нюбина, 2000 – Нюбина Л.М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования. Смоленск, 2000. [Nyubina L.M. Poehtika i pragmatika mnemonicheskogo povestvovaniya [Poetics and pragmatics of the mnemonic narrative]. Smolensk, 2000.]

Падучева, 2010 – Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд. М., 2010. [Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative [Semantic research: Semantics of time and species in the Russian language; Semantics of narrative]. Moscow, 2010.]

Пустовойт, 1987 – Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М., 1987. [Pustovojt P.G. I.S. Turgenev – hudozhnik slova [Turgenev – artist of the word]. Moscow, 1987.]

Рикёр, 1998 – Рикёр П. Время и рассказ. Т. I–II. Интрига и исторический рассказ / Пер. с франц. Т.В. Славко; Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб, 1998. [Ricoeur P. Vremya i rasskaz. Vol. 1–2. Intriga i istoricheskiy rasskaz [Time and story. Vol. 1–2. Intrigue and historical story]. Moscow, St. Petersburg, 1998.]

Тургенев, 1980 – Тургенев И.С. Андрей Колосов // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 4: Повести и рассказы 1844–1854, Новь. М., 1982. С. 7–33. [Turgenev I.S. Andrey Kolosov. *Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy v dvenadtsati tomakh. T. 4: Povesti i rasskazy 1844–1854, Nov'.* Moscow, 1980. Pp. 7–33.]

Успенский, 1995 – Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 7–218. [Uspenskij B.A. A poetics of composition: The structure of the artistic text and typology of a compositional form. *Uspenskij B.A. Semiotika iskusstva.* Moscow, 1995. Pp. 7–218.]

Шаталов, 1979 – Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М., 1979. [Shatalov S.E., *Hudozhestvennyj mir I.S. Turgeneva* [The artistic world of Ivan Turgenev]. Moscow, 1979.]

Шаталов, 1969 – Шаталов С.Е. Проблемы поэтики И.С. Тургенева. М., 1969. [Shatalov S.E. *Problemy poetiki I.S. Turgeneva* [Problems of poetics of Ivan Turgenev]. Moscow, 1969.]

Шмид, 2003 – Шмид В. Нарратология. М., 2003. [Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, 2003.]

Peace, 2002 – Peace R. The Novels of Turgenev: Symbols and emblems. Bristol, 2002.

Статья поступила в редакцию 05.12.2017

The article was received on 05.12.2017

Терника Алина – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, Воронежский государственный университет

Ternika Alina – graduate student at the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology, Voronezh State University

E-mail: aternika@gmail.com

М.Д. Васильева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Задача постепенной демаскировки как метод исследования зрительного распознавания слов: случай падежных форм существительных¹

Роль падежа в восприятии существительных остается одной из нерешенных проблем в литературе, посвященной зрительному распознаванию слов. Так, например, идут споры о том, одинаковым ли образом устроена обработка различных падежных форм. В настоящей работе мы обращаемся к обработке падежного словоизменения русских существительных. Цель состояла в том, чтобы оценить совокупное влияние таких факторов, как падеж, неоднозначность и контекст, на зрительное восприятие существительных в единственном числе. Мы исследуем ранние стадии распознавания слова, используя метод постепенной демаскировки. Задача постепенной демаскировки дает результаты, сопоставимые с результатами, полученными ранее в задаче лексического решения. Это указывает на то, что различия в обработке словоформ разных падежей носят универсальный характер и не являются специфичными для конкретного задания.

Ключевые слова: зрительное распознавание слов, морфологическая обработка, задача постепенной демаскировки слов, русское словоизменение, падеж, омонимия.

¹ Автор выражает благодарность Л. Лычко и А. Кулаковой за помощь в сборе данных, а также М.В. Фаликман и О.В. Федоровой за ценные замечания и комментарии.

M.D. Vasilyeva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Progressive demasking task as a method to study visual word recognition: the case of inflected nouns²

The role of case in noun processing remains one of the unsolved issues in the visual word recognition literature. For instance, it is disputed whether different case forms have equal processing cost. The present work focuses on the processing of Russian nominal inflection. The goal is to assess how joint factors such as case, ambiguity and context affect visual recognition of nouns in the singular form. Here we explore the early stages of word identification using the progressive demasking task. Progressive demasking reveals comparable results to the lexical decision task, supporting the idea that case processing differences are general and not task-specific.

Key words: visual word recognition, morphological processing, progressive demasking task, Russian inflection, case, ambiguity.

1. Introduction

Research on morphological processing constitutes a vast domain in the visual word recognition literature. The core questions are how the morphological structure is encoded in the mental lexicon and how morphological complexity affects lexical access.

In the present study, we extend our work on the processing of Russian nominal inflection [Vasilyeva, to appear]. The prior study involved only the lexical decision task (LDT), a method that is widely employed in the visual word recognition literature (see, e.g. [Baayen, 2014]). In the LDT, the participant is presented with sequences of letters and has to judge whether they are legal words. Nevertheless, the LDT has several drawbacks. Response latencies measured in the LDT reflect not only the time course of the lexical access, but also the time spent for decision making [Diependaele et al., 2012]. Furthermore, the processing of word stimuli may

² The author would like to thank Leonora Lytchko and Anna Kulakova for their assistance with participant recruitment as well as Maria Falikman and Olga Fedorova for their comments on the earlier version of this paper.

be affected by the properties of constructed non-words (see, e.g. [Baayen, 2014]). Thus, Vasilyeva (to appear)'s findings might be confounded.

One way of moving beyond the LDT preponderance, as suggested in [Baayen, 2014], is to dispense with the investigation of isolatedly presented words and shift to the recognition of context-embedded words. We acknowledge the ecological validity of this approach, yet it is not particularly suitable for studying the role of case in word recognition. Effects observed for wordforms presented in isolation do not show up for wordforms embedded in sentences (e.g., [Hyönä, Vainio, 2002]). We believe that the traditional LDT research might still give considerable insight, if it is complemented with another method that also involves the presentation of the stimulus in isolation, but lacks the decision making component and does not require non-word construction.

One such task is the progressive demasking task (PDT) developed by Grainger and Segui (1990). The PDT is a variant of the continuous threshold latency identification [Feustel et al., 1983] and might be regarded as a visual modality analogue of the gating task [Grosjean, 1980] that is used in the auditory word recognition research. In the PDT, the stimulus (signal) and the mask (noise) are rapidly presented one after the other in cycles of constant length. With each successive cycle, the signal becomes more prominent (the presentation time of the stimulus increases), while the noise is slowly reduced (the presentation time of the mask gets shorter). Under these conditions, the participant has an illusion that the word is gradually emerging from the mask. The participant's task is to press a button as soon as s/he identifies the word.

Since the word recognition in the PDT is slowed down or rather stretched out, starting with [Grainger, Segui, 1990], this method was assumed to capture early stages of visual word recognition and, thus, to be particularly appropriate for the investigation of perceptual properties (such as length, surface (wordform) frequency, phonological and orthographic neighborhood). Subsequent research revealed its sensitivity to semantic characteristics of the word (e.g., [Yap et al., 2012]) and to its morphological complexity (e.g., [Laine et al., 1999]). Importantly, the PDT, unlike the LDT, is robust to postlexical (semantic) interference: for instance, the effect of the morphological family size (by a morphological family we understand all the words sharing the same root), which is usually interpreted as being semantic in nature, is present in the LDT, but absent in the PDT [Schreuder, Baayen, 1997].

Though word identification in the PDT happens in the visual modality, parallels to auditory word processing are also drawn [de Jong et al., 2000]: as in both cases the word unfolds over time, multiple candidates matching the incoming signal are activated and eventually only one competitor is chosen.

In this vein, when the results of the auditory and visual LDT diverge, the PDT patterns together with the auditory LDT [Baayen et al., 2003].

If we turn to nominal recognition, case forms of the same lexeme are the most likely competitors in the identification process. The nominative as the citation form is detected the fastest ([Laine et al., 1999] for Finnish), but whether other (*oblique*) case forms are identified with equal speed is so far unknown. The nominative superiority effect is also observable in the LDT (see, e.g. [Feldman, Fowler, 1987] for Serbian; [Laine et al., 1999] for Finnish; [Gor et al., 2017] for Russian), while comparisons of oblique case processing give contradictory results (see, [Feldman, Fowler, 1987] for a null effect in Serbian; [Clahsen et al., 2001] for an effect in German, etc.).

In [Vasilyeva, to appear], reproducing once more the nominative superiority effect, we argue for differences in Russian oblique case processing (here we will discuss only the data for singular). Two inflectional classes of Russian nouns (feminine *-a* and masculine *-Ø*) were considered in the LDT (case endings are provided in Table 1). According to our findings, oblique wordforms can be divided at least into two groups: instrumental and *-u* wordforms ('ACC.F'³ and 'DAT.M') are processed faster than *-e* wordforms ('DAT/LOC.F' and 'LOC.M'); feminine genitive belongs to the easier group, while masculine genitive – to the more difficult group. Moreover, feminine nouns are processed faster than masculine nouns in instrumental and the *-e* form ('DAT/LOC.F' and 'LOC.M').

Table 1

**Case endings of Russian feminine *-a* and masculine *-Ø* nouns
in the singular form**

	NOM	GEN	DAT	ACC	INS	LOC
Feminine	<i>-a</i>	<i>-y</i>	<i>-e</i>	<i>-u</i>	<i>-oj</i>	<i>-e</i>
Masculine	<i>-Ø</i>	<i>-a</i>	<i>-u</i>	<i>-Ø</i>	<i>-om</i>	<i>-e</i>

The objective of the present study is to explore the potential of the PDT in the investigation of the Russian case processing. Additionally, we want to estimate whether inflectional and relative entropy measures play the same role in the PDT as in the LDT. The inflectional entropy encodes the amount of information that is proper to the lexeme's paradigm, while the relative entropy shows how dissimilar two frequency distributions are – that of the target word and that of its inflectional class; the smaller this

³ Abbreviations: F – feminine, ACC – accusative, DAT – dative, GEN – genitive, INS – instrumental, LOC – locative, M – masculine, NOM – nominative.

dissimilarity is, the easier it is to process the noun (e.g., [Milin et al., 2009] for Serbian nouns; [Vasilyeva, to appear] for Russian feminine nouns). Formulas for calculating inflectional and relative entropy are provided in (1) and (2), respectively, where the wordform w_i belongs to the paradigm P of a lexeme w , f stands for frequency, e_i stands for the inflectional exponent, IC stands for the inflectional class.

$$(1) H(P) = - \sum_{w_i \in P} \frac{f(w_i)}{f(w)} \log_2 \frac{f(w_i)}{f(w)}.$$

$$(2) D(IP \| IC) = - \sum_{w_i \in P} \frac{f(w_i)}{f(w)} \log_2 \frac{f(w_i)/f(w)}{f(e_i)/f(e)}.$$

To our knowledge, the impact of these measures on continuous word identification was not investigated. In principle, both measures should be associated with later stages of word processing similarly to the morphological family size effect, and their influence, thus, will not emerge in the PDT.

2. Method

Participants. 48 undergraduate or postgraduate students (32 female, 16 male), aged 17–28 years old (mean age 20), all Russian native speakers, right-handed, with normal or corrected to normal vision, took part in the study.

Stimuli. We used the same stimulus set as in [Vasilyeva, to appear]: 54 feminine and 54 masculine base nouns matched for lemma frequency.⁴ All stimuli did not undergo any stem alternations and had fixed stress on the stem. Length in the nominative form differed from 4 to 6 letters (each group comprised one third of words with each length). Characteristics of the stimuli are presented in Table 2.

⁴ We used the following words in our experiment (lemma frequency counts are given in brackets):

- feminine nouns (mean: 47.39): *anketa* ‘questionnaire’ (14.4), *arfa* ‘hap’ (2.6), *astra* ‘aster’ (3.8), *aura* ‘aura’ (5.1), *beseda* ‘conversation’ (87.5), *bukva* ‘letter. character’ (63.5), *data* ‘date’ (49.5), *doza* ‘dose’ (22.4), *dyuna* ‘dune’ (2), *fleita* ‘flute’ (5.8), *gazeta* ‘newspaper’ (237.5), *gitara* ‘guitar’ (22.2), *kareta* ‘carriage’ (9.4), *karta* ‘map’ (103), *kassa* ‘cashier’s desk’ (20.9), *klumba* ‘flower-bed’ (8.7), *klyaksa* ‘blot’ (4.5), *kofta* ‘jacket’ (7.7), *lampa* ‘lamp’ (34), *lapa* ‘paw’ (39.7), *lenta* ‘ribbon’ (35.9), *lira* ‘lyre’ (8), *lyustra* ‘lustre’ (9.9), *mera* ‘measure’ (284.3), *minuta* ‘minute’ (344.2), *moneta* ‘coin’ (17.5), *norma* ‘norm’ (111.3), *orbita* ‘orbite’ (15), *pal'ma* ‘palm tree’ (14.3), *pasta* ‘paste’ (6.3), *pochva* ‘soil’ (56.2), *poza* ‘pose’ (29.8), *raketa* ‘rocket’ (62.9), *rama* ‘frame’ (21.2), *rana* ‘wound’ (29.4), *rasa* ‘race’ (5.9), *rifma* ‘rhyme’ (8.5), *roza* ‘rose’ (42.7), *shakhta* ‘pit’ (20.7), *shina* ‘tire’ (15.3), *shirma* ‘folding-screen’ (5.3), *shkola* ‘school’ (316), *shlyapa* ‘hat’ (34.2), *shuba* ‘furcoat’ (18.7), *shvabra* ‘mop’ (3.4), *summa* ‘sum’ (130.6), *trassa* ‘route’ (32.5), *travma* ‘trauma’ (19.6), *tsifra* ‘numeric’ (62.2), *tsitata* ‘citation’ (21.5), *tykva* ‘pumpkin’ (5), *vaza* ‘vase’ (14.3), *yakhta* ‘yacht’ (9.5), *yurta* ‘yurt’ (2.7);

Table 2

Word stimulus characteristics

	Feminine <i>M</i> (<i>SD</i>)	Masculine <i>M</i> (<i>SD</i>)
Length in letters		
nominative singular	5.0 (0.8)	5.0 (0.8)
all singular case forms	5.2 (0.9)	5.8 (1.1)
Length in syllables		
nominative singular	2.2 (0.4)	1.8 (0.6)
all singular case forms	2.2 (0.4)	2.4 (0.7)
Mean Levenstein distance to the nearest 20 lexeme-neighbors ⁵	2.0 (0.4)	2.2 (0.4)
Lemma frequency ⁶	47.4 (76.5)	47.4 (68.9)
Wordform frequency in singular	7.3 (19.3)	6.9 (16.7)
Inflectional entropy ⁷	2.5 (0.2)	2.5 (0.3)
Relative entropy	0.3 (0.2)	0.3 (0.3)

Nouns were presented in all six cases in singular. A latin-square design was employed with the number of lists corresponding to the number of case forms, so that no participant saw the same lexeme twice. As our words were presented without context, case labels for ambiguous endings (-y and -e for feminine

- masculine nouns (mean: 47.37): *al'bom* 'album' (23.7), *ananas* 'pineapple' (3.6), *aromat* 'aroma' (22.9), *aspect* 'aspect' (35.6), *atom* 'atom' (20.5), *banan* 'banana' (7.3), *baton* 'loaf (of bread)' (5.3), *bufet* 'buffet' (20), *buton* 'bud' (4.6), *desert* 'dessert' (4), *diplom* 'diploma' (25.8), *divan* 'sofa' (60.1), *dzhip* 'jeep' (14.7), *fontan* 'fountain' (18.4), *frukt* 'fruit' (21.6), *gimn* 'hymn' (14.8), *ideal* 'ideal' (36), *kanat* 'rope' (9), *kapriz* 'caprice' (7.1), *kedr* 'cedar' (6.1), *khalat* 'bathrobe' (36.1), *klad* 'treasure' (7.5), *komod* 'dresser' (5.2), *kontur* 'contour' (15.3), *kostyum* 'costume. suit' (81.3), *kurort* 'resort' (12.8), *metall* 'metal' (57.5), *moment* 'moment' (306.8), *nrav* 'temper' (17.8), *ofis* 'office' (34.1), *period* 'period' (204.2), *plan* 'plan' (235.3), *pled* 'plaid' (4.8), *reis* 'flight. voyage' (22), *remont* 'reparation' (64.2), *ritm* 'rhythm' (30.6), *romb* 'rhombus' (1.8), *rulon* 'roll' (4.3), *servis* 'service' (14.6), *sezon* 'season' (69.2), *shram* 'scar' (10.7), *shtraf* 'forfeit' (32.3), *simvol* 'symbol' (46.4), *sous* 'sauce' (10.8), *syuzhet* 'storyline' (56.6), *teatr* 'theater' (305.3), *tekst* 'text' (146.2), *temp* 'tempo' (49), *tovar* 'item of goods' (115.5), *tsikl* 'cycle' (43.6), *virus* 'virus' (106.5), *vulkan* 'volcano' (6), *yarus* 'tier. layer' (6.5), *zhanr* 'genre' (36).

⁵ It was calculated in the *vwr* package [Keuleers, 2013].

⁶ The source of lexeme frequency counts was the frequency dictionary [Lyashevskaya, Sharoff, 2009]. Wordform frequency was measured in the Russian national corpora (www.ruscorpora.ru). To avoid zero frequencies, before the statistical analysis, we added one to all counts, as proposed in [Brysbaert, Diependaele, 2013].

⁷ In order to calculate these measures, we took exponent frequency from the database [Slioussar, Samojlova, 2014].

nouns, $-\emptyset$ for masculine nouns) are somewhat arbitrary. Hence, we do not expect any differences between locative and dative $-e$, nor nominative and accusative $-\emptyset$, and we use the mean over the two conditions in the subsequent analyses of contrasts.

Procedure. Each participant was tested individually and completed only one of the six experimental lists. Stimuli were presented using the PsychoPy software [Peirce, 2009]. In each trial, the mask (a row of hash marks) and the target stimulus were presented sequentially in cycles. The duration of the cycle was held constant (210 ms). In the first cycle the duration of the mask was 195 ms, and the duration of the stimulus was 15 ms. In subsequent cycles, the duration of the mask decreased by 15 ms, and the duration of the stimulus increased by 15 ms. The cycles continued until the participant hit the spacebar indicating that s/he has recognized the word. After that, s/he had to type the word so that we could check the accuracy of identification.

3. Results

Accuracy data were not analyzed (incorrect responses constituted less than 5% of the data). Prior to the analysis of reaction times (RTs), incorrect and too slow (> 3000 ms) responses were removed. We applied log-transformation to reduce the positive skew. Remaining outliers were cut off via interquartile trimming by participants, items (lexemes), gender and case.⁸ Raw RTs to nouns in different cases are provided in Table 3.

Linear mixed-effects modeling for the RT analysis was implemented in the package lme4 [Bates et al., 2014] in the statistical software R [R Core Team, 2014]. *T*-values, *p*-values and standard errors were determined in the package lmerTest [Kuznetsova et al., 2015]. Fixed and random effects were included only if they significantly improved the model's fit in a backward stepwise model selection procedure. The best model was selected by applying Chi-square log-likelihood ratio tests with regular maximum likelihood parameter estimation.

Subject and lexeme were treated as random effects. Trial order (*z*-transformation on log numbers) was included to account for longitudinal task effects such as fatigue or habituation; experimental list was included to rule out potential counterbalancing issues. Log-transformed lexeme and wordform frequency, length in letters and syllables, mean Levenstein distance to the nearest 20 lexeme-neighbors, inflectional and relative entropy measures were additionally included as covariates. We transformed all counts except for trial into five principal components explaining 93.5% of the variance,

⁸ This method presupposes that only those RTs are kept which fall in the following range: $Q1 - (2.5 \times IQR) < RT < Q3 + (2.5 \times IQR)$, where $Q1$ stands for first quartile, $Q3$ for third quartile, and $IQR = Q3 - Q1$ for interquartile range.

in order to avoid potential multicollinearity [Baayen, 2008]. The first principal component (PC1) captured orthographic characteristics of the stimulus. The second component (PC2) is inversely related to frequency. The third component (PC3) is inversely related to the relative entropy and positively related to the inflectional entropy.

Table 3

**Mean RTs to feminine and masculine nouns in different cases
(SD is provided in brackets)**

	Feminine	Masculine
Nominative	1518 (247)	1536 (256)
Accusative	1561 (284)	
Genitive	1539 (279)	1602 (297)
Instrumental	1559 (270)	1611 (311)
Dative	1611 (290)	1592 (269)
Locative		1642 (314)

Paired contrasts for case and gender were effectuated in the package *lsmeans* [Lenth et al., 2016], *p*-values were FDR-adjusted [Benjamini, Hochberg, 1995].

The final model included subject and lexeme as random effects and the following fixed effects: trial ($\chi^2(1) = 71.47$, $p < 0.001$), PC2 ($\chi^2(1) = 8.11$, $p = 0.004$), case ($\chi^2(10) = 142.63$, $p < 0.001$), gender ($\chi^2(6) = 32.26$, $p < 0.001$) and a case by gender interaction ($\chi^2(5) = 29.99$, $p < 0.001$) (see Table 4). All other predictors and interactions turned out to be insignificant. Trial had a facilitative effect on RTs ($B = -0.016$, $t(4819) = -8.48$, $p < 0.001$). PC2 (inversed frequency) had an inhibitory effect on RTs ($B = 0.008$, $t(148) = 2.86$, $p = 0.005$, respectively).

Paired contrasts analysis (Table 5) revealed significantly lower RTs to nominative wordforms than oblique wordforms of both noun types (this is not confirmed for feminine genitive wordforms) and several differences between oblique case forms, see (3).

(3) a. feminine nouns:

genitive $\approx$ accusative $\approx$ instrumental $< -e$ 'DAT/LOC.F'

b. masculine nouns:

dative $\approx$ instrumental $\approx$ genitive,

instrumental $\leq$ locative,

dative, genitive $<$ locative

Table 4

Final model for RTs

Random effects:					
Groups	Name	Variance	SD		
Subject	(Intercept)	0.001	0.036		
Lexeme	(Intercept)	0.013	0.113		
Residual		0.016	0.127		
Fixed effects:					
	<i>B</i>	<i>SE</i>	<i>df</i>	<i>t-value</i>	<i>Pr (> t)</i>
(Intercept)	7.311	0.018	69	403.95	<.001
Trial	-0.016	0.002	4819	-8.48	<.001
PC2	0.008	0.003	148	2.86	.005
Case[ACC]	0.026	0.009	4871	2.96	.003
Case[DAT]	0.061	0.009	4811	6.89	<.001
Case[GEN]	0.017	0.009	4835	1.94	.052
Case[INS]	0.023	0.009	4789	2.63	.009
Case[LOC]	0.053	0.009	4812	5.98	<.001
Gender[M]	0.014	0.011	439	1.26	.210
Case[ACC] : Gender[M]	-0.030	0.013	4838	-2.39	.017
Case[DAT] : Gender[M]	-0.028	0.013	4854	-2.22	.026
Case[GEN] : Gender[M]	0.020	0.013	4835	1.58	.114
Case[INS] : Gender[M]	0.017	0.012	4782	1.37	.171
Case[LOC] : Gender[M]	0.006	0.013	4811	0.51	.611

Feminine *-e* wordforms ('DAT/LOC.F') are identified significantly later than feminine genitive, accusative and instrumental wordforms; the latter do not differ between each other.

Masculine locative wordforms are identified later than genitive and dative wordforms; there is only a tendency for the masculine locative to be identified later than the instrumental. Masculine genitive, dative and instrumental wordforms, similar to the respective feminine wordforms do not differ among themselves.

Participants identified feminine instrumental wordforms significantly earlier than masculine instrumental wordforms; all other contrasts for gender were non-significant.

Table 5

Results of the paired contrasts analysis
(analyses with $p \leq 0.05$ are given in bold)

			Δ	df	t	p
F	NOM vs.	GEN	-0.017	4835	-1.94	0.090
		ACC	-0.026	4871	-2.95	0.008
		INS	-0.023	4789	-2.63	0.018
		-e 'DAT/LOC'	-0.057	4821	-7.45	< 0.001
	GEN vs.	ACC	-0.009	4819	-0.10	0.411
		INS	-0.006	4879	-0.63	0.596
		-e 'DAT/LOC'	-0.040	4881	-5.08	< 0.001
	ACC vs.	INS	0.003	4839	0.35	0.739
		-e 'DAT/LOC'	-0.031	4818	-3.98	< 0.001
	INS vs.	-e 'DAT/LOC'	-0.034	4789	-4.39	< 0.001
M	-Ø 'NOM/ACC' vs.	GEN	-0.039	4834	-5.10	< 0.001
		DAT	-0.035	4846	-4.54	< 0.001
		INS	-0.042	4779	-5.51	< 0.001
		LOC	-0.061	4785	-7.97	< 0.001
	GEN vs.	DAT	0.004	4880	0.47	0.694
		INS	-0.003	4817	-0.33	0.739
		LOC	-0.022	4848	-2.49	0.026
	DAT vs.	INS	-0.007	4839	-0.80	0.499
		LOC	-0.026	4808	-2.96	0.008
	INS vs.	LOC	-0.019	4788	-2.17	0.056
	feminine vs. masculine		-0.012	105	-1.49	0.200
	-oj 'INS.F' vs. -om 'INS.M'		-0.031	449	-2.77	0.014
	-e 'DAT/LOC.F' vs. -e 'LOC.M'		-0.016	330	-1.59	0.173
	-u 'ACC.F' vs. -u 'DAT.M'		-0.021	441	-1.84	0.108
	-e 'DAT/LOC.F' vs. -u 'DAT.M'		0.010	324	0.97	0.411
	-a 'NOM.F' vs. -Ø 'NOM/ACC.M'		-0.012	315	-1.19	0.321

4. Discussion

The results of the current PDT experiment largely replicate the LDT data [Vasilyeva, to appear]. As in the prior study, we observe differences between case forms in the presence of the frequency effect. In line with Finnish PDT data [Laine et al., 1999], Russian nominative wordforms are identified earlier than oblique case forms.

Apart from the nominative superiority effect, oblique differences arise in the PDT. As in the LDT [Vasilyeva, to appear], locative wordforms trigger longer processing time than *-u* forms ('DAT/LOC.F' and 'LOC.M') and instrumental forms; in instrumental, feminine nouns are identified earlier than masculine nouns.

In contrast to the LDT data, the masculine locative identification is not hindered in comparison to the feminine locative. In [Vasilyeva, to appear], we hypothesize that the two *-e*-s ('DAT/LOC.F' and 'LOC.M') share a grammatical feature representation (as suggested in some formal accounts of Russian morphology, e.g. [Wiese, 2004]). During the lexical access stage, context and case frequency serve as conflicting cues: the frequency cue points to the locative [Slioussar, Samojlova, 2014], while the context cue (absence of a preposition) points to the dative. The competition between the two candidates triggers longer processing time compared to other oblique wordforms. In the LDT, the context cue appears to win over the frequency cue and lure the participant into the erroneous analysis of masculine *-e* wordforms as datives and a subsequent reanalysis. In the PDT, this is not so, thus appealing to the context must belong to the decision making stage of the LDT.

Another discrepancy with the LDT results concerns genitive processing. In the LDT, these wordforms, similar to locatives, yield the slowest responses among masculine nouns. In the PDT, the masculine genitives behave differently: they are identified faster than the locative and do not entail additional processing cost compared to other masculine obliques. In [Vasilyeva, to appear], we propose an analysis for the *-a* endings that mirrors the analysis for ambiguous *-e*-s, namely a shared representation for feminine nominative and masculine genitive. Yet this analysis fails to capture the finding that according to the error analysis, masculine genitives turn out to be recognized more accurately than masculine locatives. As the PDT results resemble the LDT accuracy data in this respect and run counter to the LDT analysis of response latencies, the shared representation hypothesis for two *-a*-s is questionable. Another explanation is to be sought. The LDT as a decision making task implies recurrence to certain strategies (e.g., [Baayen, 2014]), and the processing cost associated with masculine genitives in the LDT could be strategic-based. According to word gender studies (e.g., [Holmes, Segui, 2004]), sublexical cues play a substantial role in the decision-making process,

for instance nouns having word endings typical for their gender are classified as words faster and more accurately than nouns having gender atypical endings. In the nominative, *-a* is a strong indicator of feminine gender. Processing of masculine genitive wordforms, also ending in *-a*, might be hindered due to this mismatch between the gender of the noun and the gender supplied by the sublexical cue.

Parallel to the auditory LDT [Gor et al., 2017], but in contrast to the visual LDT [Vasilyeva, to appear], phonologically overt feminine nominatives do not differ from phonologically zero masculine nominatives. This goes in line with Baayen et al. (2003)'s idea that the PDT, despite its visual modality, is closer to speech recognition.

As predicted, in contrast to the LDT data, effects of the inflectional and relative entropy are absent in the PDT (analogously to the absence of the morphological family size effect in the PDT, as reported in [Schreuder, Baayen, 1997]), supporting our claim that they operate at later stages of word processing.

The PDT allows to rethink the data obtained in the LDT for Russian case inflected nouns.

References

Baayen, 2014 – Baayen R.H. Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation. *Handbook of derivational morphology*. Lieber R., Štekauer P. (eds.). Oxford, 2014. Pp. 95–117.

Baayen et al., 2003 – Baayen R.H., McQueen J., Dijkstra T., Schreuder R. Frequency effects in regular inflectional morphology: Revisiting Dutch plurals. *Morphological structure in language processing*. Baayen R.H., Schreuder R. (eds.). Berlin, 2003. Pp. 355–390.

Bates et al., 2014 – Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. lme4: Linear mixed-effects models using Eigen and S4. R package version 1.1-7.2014. URL: <http://CRAN.R-project.org/package=lme4>.

Benjamini, Hochberg, 1995 – Benjamini Y., Hochberg Y. Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing. *Journal of the royal statistical society. Series B (Methodological)*. 1995. Vol. 57. No. 1. Pp. 289–300.

Brysbaert, Diependaele, 2013 – Brysbaert M., Diependaele K. Dealing with zero word frequencies: a review of the existing rules of thumb and a suggestion for an evidence-based choice. *Behavior research methods*. 2013. Vol. 45. No. 2. Pp. 422–430.

Clahsen et al., 2001 – Clahsen H., Eisenbeiss S., Hadler M., Sonnenstuhl I. The mental representation of inflected words: an experimental study of adjectives and verbs in German. *Language*. 2001. Vol. 77. Pp. 510–543.

De Jong et al., 2000 – De Jong N.H., Schreuder R., Baayen H.R. The morphological family size effect and morphology. *Language and cognitive processes*. 2000. Vol. 15. No. 4–5. Pp. 329–365.

Diependaele et al., 2012 – Diependaele K., Brysbaert M., Neri P. How noisy is lexical decision? *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. Pp. 348.

Feldman, Fowler, 1987 – Feldman L.B., Fowler C.A. The inflected noun system in Serbo-croatian: lexical representation of morphological structure. *Memory & Cognition*. 1987. Vol. 15. Pp. 1–12.

Feustel et al., 1983 – Feustel T.C., Shiffrin R.M., Salasoo A. Episodic and lexical contributions to the repetition effect in word identification. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1983. Vol. 112. No. 3. Pp. 309–346.

Gor et al., 2017 – Gor K., Chrabaszcz A., Cook S. Processing of native and nonnative inflected words: Beyond affix stripping. *Journal of Memory and Language*. 2017. Vol. 93. Pp. 315–332.

Grainger, Segui, 1990 – Grainger J., Segui J. Neighborhood frequency effects in visual word recognition: A comparison of lexical decision and masked identification latencies. *Attention, Perception, Psychophysics*. 1990. Vol. 47. No. 2. Pp. 191–198.

Grosjean, 1980 – Grosjean F. Spoken word recognition processes and the gating paradigm. *Attention, Perception, Psychophysics*. 1980. Vol. 28. No. 4. Pp. 267–283.

Holmes, Segui, 2004 – Holmes V.M., Segui J. Sublexical and lexical influences on gender assignment in French. *Journal of Psycholinguistic Research*. 2004. Vol. 33. No. 6. Pp. 425–457.

Hyönä et al., 2002 – Hyönä J., Vainio S., Laine M. A morphological effect obtains for isolated words but not for words in sentence context. *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. Vol. 14. No. 4. Pp. 417–433.

Keuleers, 2013 – Keuleers E. Vwr: Useful functions for visual word recognition research. R package version 0.3.0. 2013. URL: <http://CRAN.R-project.org/package=vwr>.

Kuznetsova et al., 2015 – Kuznetsova A., Brockhoff P.B., Christensen R.H.B. Package 'lmerTest'. R package version 2. 2015. URL: <http://cran.uib.no/web/packages/lmerTest/lmerTest.pdf>

Lainie et al., 1999 – Laine M., Vainio S., Hyönä J. Lexical access routes to nouns in a morphologically rich language. *Journal of Memory and Language*. 1999. Vol. 40. Pp. 109–135.

Lenth, 2016 – Lenth R.V. Least-squares means: the R package lsmeans. *Journal of statistical software*. 2016. Vol. 69. No. 1. Pp. 1–33.

Lyashevskaya, Sharoff, 2009 – Ляшевская О., Шаров С. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. [Lyashevskaya O., Sharoff S. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (on the base of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, 2009.]

Milin et al., 2009 – Milin P.P., Đurđević D.F., Moscoso del Prado M.F. The simultaneous effects of inflectional paradigms and classes on lexical recognition: evidence from Serbian. *Journal of Memory and Language*. 2009. Vol. 60. No. 1. Pp. 50–64.

Peirce, 2009 – Peirce J.W. Generating stimuli for neuroscience using PsychoPy. *Frontiers in Neuroinformatics*. 2009. Vol. 2. No. 1–8.

Schreuder, Baayen, 1997 – Schreuder R., Baayen R.H. How complex simplex words can be. *Journal of Memory and Language*. 1997. Vol. 37. No. 1. Pp. 118–139.

R Core Team, 2014 – R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria, 2014. URL: <http://www.R-project.org/>

Samojlova, Slioussar, 2014 – Samojlova M., Slioussar N. Frequencies of different grammatical features and inflectional affixes of Russian nouns: A database. URL: <http://www.slioussar.ru/freqdatabase.html>.

Vasilyeva, to appear – Vasilyeva M.D. Russian case inflection: Processing costs and benefits. *Advances in formal Slavic linguistics 2016*. D. Lenertová, R. Meyer, R. Šimík, L. Szucsich (eds.). Language Science Press, to appear.

Wiese, 2004 – Wiese B. Categories and paradigms. On underspecification in Russian declension. *Explorations in nominal inflection*. G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonum (eds.). Berlin, 2004. Pp. 321–372.

Yap et al., 2012 – Yap M.J., Pexman P.M., Wellsby M., Hargreaves I.S., Huff M.J. An abundance of riches: cross-task comparisons of semantic richness effects in visual word recognition. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2012. Vol. 6. Article 72.

Статья поступила в редакцию 09.11.2017

The article was received on 09.11.2017

Васильева Мария Дмитриевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Vasilyeva Maria D. – postgraduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: linellea@yandex.ru

Э. Пинелли

Павийский университет,
27100 г. Павия, Италия

Представление прошлого и будущего в новогодних обращениях: на материале поздравлений В.В. Путина

В статье анализируется представление прошлого и будущего в новогодних обращениях Президента Российской Федерации В.В. Путина в течение трех сроков на президентском посту. Для анализа принимаются во внимание контексты ключевых слов *прошлое* и *будущее*. Кроме того, определяется представление прошлого и будущего на основе рассмотрения контекстов, в которых встречаются глагольные формы прошедшего и будущего времени.

Ключевые слова: политический дискурс, фрейм, прошлое, будущее, русский язык.

E. Pinelli

University of Pavia,
Pavia, 27100, Italy

Presentation of the past and the future in New Year's addresses: on the data of V. Putin's speeches

In this paper I analyze how time is framed in New Year Addresses by the Russian President V.V. Putin during his three terms in office. The analysis of key words (KWIC) such as *prošloe* 'past' and *buduščee* 'future', of past and future verb forms and of the contexts in which they occur make it possible to understand how the past and the future are conceptualized in discourse.

Key words: political discourse, frame, past, future, Russian.

1. Введение

В последние десятилетия политический дискурс оказался в центре внимания исследователей, работающих в рамках различных теоретических дисциплин, таких как риторика, лингвистика текста, дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика и др.

Многочисленные исследования показывают, что дискурс может не только влиять на восприятие и понимание реальности, но еще и создавать, возможно, и иллюзорную, но подходящую для адресанта репрезентацию мира. Использование различных языковых элементов позволяет моделировать интерпретацию события и даже создавать или укреплять определенное представление о мире. В политической речи больше, чем в других типах дискурса, представление прошлого и, особенно, будущего страны становится ключевым элементом убеждения: главы государств представляют свои достижения в прошлом, свои цели, а также пути и способы их реализации в будущем.

Представление прошлого и будущего наиболее интересно в новогодних обращениях к гражданам. Именно момент выступления (конец старого и начало нового года) делает представление о прошлом и будущем в новогодних обращениях главы государства чрезвычайно интересным для анализа компонентом дискурса.

В данной статье рассматривается представление прошлого и будущего в новогодних обращениях Президента Российской Федерации В.В. Путина в течение трех сроков на президентском посту (2000–2003; 2004–2007; 2012–2017).

Статья включает пять разделов. Во втором разделе новогоднее обращение представляется как жанр политического дискурса, его особенности и цели. В третьем разделе обсуждается роль фреймов в дискурсе, в частности политическом. В четвертом разделе интерпретируется концептуализация времени, в частности прошлого и будущего, и ее роль в политической речи. В пятом разделе описаны данные, используемые для анализа. В шестом разделе анализируется концептуализация времени, а также представление о прошлом и будущем в новогодних обращениях В.В. Путина, при этом особое внимание обращается на употребление ключевых слов *прошлое* и *будущее* (раздел 6) и глагольных форм прошедшего и будущего времени (разделы 6.1, 6.1.1, 6.1.2, 6.1.3). В седьмом разделе резюмируются результаты анализа.

2. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политической речи

В последние годы некоторые лингвисты стали обращать пристальное внимание на политическую речь и ее различные жанры. По мнению

некоторых ученых [Кондратенко, 2007; Варавкина, 2011], новогодние обращения глав государств являются особым жанром политического дискурса, который приобретает ритуальный характер.

А.П. Чудинов пишет, что политическая коммуникация имеет две основные противопоставленные характеристики: ритуальность и информативность. Исследователь отмечает, что, хотя в политической речи информативная функция должна быть основной, т.е. речь должна передавать как можно больше информации, политический дискурс нередко оказывается ритуальным [Чудинов, 2012, с. 53]. Новогодние обращения относятся к ритуальному дискурсу на основании четырех критериев: «событийность (торжественное событие – празднование Нового года), временная локализованность (телевизионное выступление, транслируемое государственными телерадиокомпаниями за десять минут до наступления Нового года), закреплённая форма и перформативный характер» [Кондратенко, 2007, с. 302]. Следует отметить, что ритуальность проявляется в разной степени. Политическая жизнь организована по регулярным и структурированным событиям, которые создают необходимые предпосылки для ритуального характера политического дискурса. Кроме того, существуют такие события, как, например, российские новогодние обращения президента страны, где степень ритуальности чрезвычайно высока и структура дискурса четко зафиксирована, доведена до стереотипа.

По словам А.П. Чудинова, основное назначение публичной (и, естественно, политической) ритуальной коммуникации – «фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли» [Чудинов, 2006, с. 53]. В.Ю. Варавкина выделяет следующие коммуникативные цели ритуального дискурса, в том числе поздравления:

а) усилить положительное эмоциональное состояние адресата (слушателей) (см. также [Федосюк, 1997]);

б) сообщить народу свое мнение и эмоции по поводу недавних событий и представить, какие действия требуются от адресанта или адресата для решения той или иной проблемы;

в) подчеркнуть единство народа, основываясь на общих ценностях и идеях [Варавкина, 2011, с. 47].

В свете вышесказанного можно рассматривать новогодние обращения главы Российской Федерации как высокоритуальный жанр политического дискурса. Проанализируем, какими языковыми средствами адресант создает и представляет реальность.

3. Роль фреймов в дискурсе

Анализ политического дискурса осуществляется различными методами исследования, включая как методы, используемые в риторике и лингвистике текста, так и методы социолингвистики и когнитивной лингвистики.

Известно, что употребление и выбор тех или иных языковых элементов в дискурсе может поддерживать определенную интерпретацию реальности. Например, в политическом дискурсе употребление личных местоимений, в частности местоимений первого лица множественного числа, которые разрешают эксклюзивную или инклюзивную интерпретацию глагольных форм, может повлиять на представление реальности. Чередование эксклюзивного и инклюзивного прочтения и, более всего, неоднозначная референция местоимения *мы* являются важным способом убеждения, оказывающим определенное эмоциональное воздействие на адресата [Santulli, 2005; Гранева, 2008; Pinelli, 2014].

В последние годы когнитивная лингвистика предоставила в распоряжение исследователей новые инструменты лингвистического анализа, в том числе и для анализа политического дискурса. Одним из базовых понятий в когнитивной лингвистике является понятие фрейма. А.Н. Баранов определяет фрейм как концептуальную структуру «для декларативного представления знаний о типизированной ситуации, содержащей слоты, связанные между собой определенными семантическими отношениями» [Баранов, 2001, с. 16]. Исследования в данной области показали, что анализ активизированных фреймов в дискурсе позволяет раскрывать концептуализацию действительности. Фреймы активизируются словами, и поэтому выбор и употребление тех или иных слов может влиять на представление реальности.

В политическом дискурсе анализ фреймов может раскрыть представление о политических событиях и политических деятелях, участвующих в этих событиях. Это, безусловно, порождает когнитивные последствия, связанные с представлением действительности у адресата. Проводя фреймовый анализ образа адресата в новогодних обращениях советских и российских глав государства, В.Ю. Варавкина демонстрирует, как структура образа адресата меняется под влиянием идеологии [Варавкина, 2011]. Фреймовый анализ Варавкиной служит отправной точкой для анализа концептуализации прошлого и будущего в новогодних обращениях президента Путина (раздел 6.1).

4. Концептуализация времени: прошлое и будущее

В свете когнитивного подхода многие ученые [Lakoff, Johnson, 1980; Boroditsky, 2000; Núñez et al., 2006 и др.] детально проанализировали метафору «время-пространство» и ее концептуальные свойства.

Хотя исследования показали, что структура концептуализации времени является весьма сложной [Boroditsky, 2000; Núñez et al., 2006], в рамках данного исследования мы считаем необходимым выделить две модели: «модель временной последовательности» и «эгоцентрическую модель».

В «модели временной последовательности» считается невозможным обозначение дейктических понятий, таких как «здесь» и «сейчас», а точкой отсчета для одного события является другое событие, как показано в примере (1).

(1) *Вторник следует за понедельником.*

В отличие от «модели временной последовательности», в «эгоцентрической модели» обозреватель, т.е. Эго, является дейктическим центром. Существуют два типа такой эгоцентрической модели: модель «движущегося времени», где время движется относительно неподвижного дейктического центра Эго, как показано в примере (2), и модель «движущегося Эго», где, наоборот, Эго движется относительно времени, являющегося неподвижным дейктическим центром, как показано в примере (3).

(2) *Приближается Рождество.*

(3) *Оставить прошлое позади и вступить в новую жизнь.*

В исследованиях последних лет [Boroditsky, 2000; Boroditsky, Ramscar, 2000 и др.] делается попытка доказать, что концептуализация времени тесно связана с реальным или вымышленным движением и что концептуализация пространства может влиять на концептуализацию времени.

В данной статье, в частности в разделе 6, мы попытаемся определить возможные последствия определенной концептуализации времени в новогодних обращениях главы государства. Иными словами, попробуем показать, каким образом выбор определенной модели концептуализации времени в дискурсе, в том числе политическом, может играть ту или иную роль в представлении реальности.

4.1. Прошлое и будущее в политической речи

Представление о прошлом и будущем играет центральную роль в политическом дискурсе.

Представлению о прошлом в дискурсе посвящено довольно мало исследований. Тем не менее, считается важным признание роли воссоздания прошлого в политическом дискурсе. Прошлые события уже прошли, но их можно представить в дискурсе по-разному. Дж. Мартин и Р. Водак считают анализ дискурса о прошлом «процессом пере-контекстуализации событий»¹ [Martin, Wodak, 2003, p. 2]. Действительно, с помощью дискурса адресант может пересоздавать и оценивать прошлое; кроме того, его/ее представление о прошлом проявляется естественным образом. Обсуждая прошлое страны или государства, Дж. Мартин и Р. Водак утверждают, что оно не имеет устойчивого характера, его постоянно реконструируют в дискурсе, в школьных учебниках, в СМИ и выступлениях политических деятелей² [Martin, Wodak, 2003, p. 8].

Процесс формирования представления о будущем не менее важен, во многих случаях даже важнее формирования представления о прошлом. Некоторые исследователи в своих работах утверждают, что представление о будущем является важным способом убеждения для различных типов дискурса, например, в дискурсе туризма [Sambre, 2017; Benckendorff, 2008], в молодежном дискурсе [McGinnis, 2009] и, конечно, в политическом дискурсе [Dunmire, 2011; Солопова, 2016 и др.]. По этому поводу следует отметить, что будущее является по своей природе чем-то неизвестным и предоставляет большое количество потенциальных возможностей. Именно по этим причинам контроль над представлением будущего в политическом дискурсе необходим, поскольку это весьма мощное средство убеждения. П. Дунмайер считает, что власть и ее представители чувствуют угрозу такой широты возможностей, представленной будущим, и поэтому пытаются контролировать и ограничивать потенциал будущего в дискурсе [Dunmire, 2011, p. 4]. Рассуждая о известном будущем, власть представляет себя авторитетом, способным предсказывать будущее и, кроме того, обладающим контролем над адресатом [ср. Fairclough, 2003, p. 166–167].

С лингвистической точки зрения, с будущим временем тесно связана категория модальности. Как отмечает Дж. Лайонс, «будущность никогда не является чисто временным понятием. Она обязательно включает элементы предсказания или другие близкие модальные понятия»³

¹ “Our basic strategy has been to treat discourse on the past as involving a serial recontextualisation of events.”

² «The history of nations, of people, of groups is not a given fact but is constantly discursively constructed anew, in schoolbooks, in the media, by politicians in their commemorative speeches at important events, by administrators, and by laypeople relating their own life-stories».

³ «Futurity is never a purely temporal concept; it necessarily includes an element of prediction or some related modal notion.»

[Lyons, 1977, с. 677]. Это значит, что, рассказывая о будущем и предлагая политические действия, политические деятели одновременно дают представление будущей реальности [Edelman, 1988]. По справедливому замечанию Н. Фейрклоу, предсказания о будущем довольно значимы, потому что легитимируют контроль над действиями людей и предписывают действовать определенным образом [Fairclough, 2003, p. 167]. Кроме того, давая определенное представление будущего, политические деятели могут повлиять на интерпретацию настоящих, возможно, не совсем ясных, фактов и событий [Edelman, 1988, p. 8].

5. Новогоднее обращение Президента Российской Федерации: между прошлым и будущим

Традиция новогодних обращений к народу существовала еще в Советском Союзе, но начиная с 1991 г. выступить с поздравлениями возлагается исключительно на главу государства.

Каждый год, за несколько минут до наступления нового года, по радио и по телевидению Президент Российской Федерации обращается к гражданам страны. После выступления главы государства в эфире транслируется бой курантов на Спасской башне Кремля, который уже стал символом Нового года в России. В конце трансляции звучит гимн Российской Федерации.

Новый год – самый любимый праздник в России. В это время все собираются с родными, друзьями и родственниками, дарят друг другу подарки, и это вызывает у каждого положительные эмоции и чувства. Кроме того, Новый год является моментом перехода от старого года, т.е. настоящего или уже прошлого, в новый год, т.е. будущее. Временной аспект Нового года всегда имеет место в новогодних обращениях президента России и повышает эмоциональную значимость праздничного момента.

По этой причине образ прошлого и будущего оказывается центральным компонентом для дискурсивного анализа.

5.1. Данные и методология

Объектом анализа данной статьи является концептуализация прошлого и будущего в новогодних обращениях Президента РФ В.В. Путина с 2000 до 2017 г. Корпус для анализа состоит из четырех субкорпусов, определяющих каждый срок на президентском посту:

- а) субкорпус новогодних обращений с 2000 до 2003 г. – первый срок;
- б) субкорпус новогодних обращений с 2004 до 2007 г. – второй срок;
- в) субкорпус новогодних обращений с 2012 до 2017 г. – третий срок.

В целом объем корпуса – 4034 словоупотреблений (первый срок – 1073 слова; второй – 983 слова; третий – 1978 слов). Несмотря на ограниченный объем данных, корпус содержит в себе все новогодние обращения Путина. Следовательно, выводы о представлении прошлого и будущего относятся только к этому специфическому жанру.

Для анализа лингвистических данных используется программа AntConc, позволяющая получить результаты поиска одного ключевого слова в контексте (KWIC, Key word in context) и вывести количественные (частотные) данные. Для углубления и расширения возможности анализа концептуализации времени в дискурсе каждому глаголу была вручную добавлена аннотация с морфологическими характеристиками, в том числе такими, как вид, залог, время и лицо.

6. Представление прошлого и будущего в новогодних обращениях

Первая часть анализа о представлении прошлого и будущего в новогодних обращениях основывается на исследовании контекста ключевых слов *прошлое* и *будущее*. При анализе контекста этих лексем можно определить существенные особенности концептуализации прошлого и, особенно, будущего в дискурсе.

В корпусе новогодних обращений слово *прошлое* встречается только 5 раз. В трех вхождении *прошлое* сопоставляется с *будущим*. Следует отметить, что прошлое понимается как необходимая основа для развития в будущем, например, как показано ниже:

- (4) *Но сейчас, не забывая о прошлом, мы думаем, конечно, о будущем.* (31.12.2002)

Следует также отметить, что более далекое прошлое сопоставляется с успешным недавним прошлым:

- (5) *Особенно отрадно, что в уходящем году у нас родилось больше новых граждан России, больше чем в прошлом, и это хороший знак.* (31.12.2003)

Более интересным является анализ слова *будущее*. Показательно, что в корпусе встречаются 16 вхождений слова *будущее*, что в три раза больше вхождений слова *прошлое*. Анализ конкордансов показывает, что в большинстве случаев (14 из 16), адресант представляет себя и адресата как действующих лиц, играющих активную роль в создании будущего.

- (6) *Сегодня мы встречаем Новый 2007 год, мы уже уверенней смотрим в будущее, мы существенно расширяем горизонты наших планов ...* (31.12.2006)

- (7) *Мы об этом обязаны помнить и когда подводим итоги, и когда строим планы на будущее.* (31.12.2001)

Хотя степень агентивности не всегда одинаковая, в большинстве случаев действующие лица играют роль агенса: такие глаголы действия, как *смотреть* (пример (6)) и *строить* (пример (7)), указывают на большое включение действующих лиц. Даже когда встречается глагол *думать* (3 раза), который не предусматривает наличие агенса, подразумевается активный процесс создания какого-то плана в будущем. В отрывках дискурса, где упоминается будущее, чаще всего (в 15 из 16 случаях) время концептуализируется по «эгоцентрической модели», т.е. Эго является дейктическим центром. В одном случае будущее является ориентиром, к которому адресант и адресат приближаются (модель «движущегося Эго»).

- (8) *Через несколько минут мы **шагнем** из настоящего в будущее.* (31.12.2013)

В примере (8) с помощью глагола *шагнуть* изображается движение Эго к будущему. Даже когда время концептуализируется по модели «движущегося времени», Эго не является абсолютно пассивным участником (2 случая из 3).

- (9) *И Россия, страна с тысячелетней историей, достойно **встречает** свое будущее.* (31.12.2002)

Как показано в примере (9), время приближается к Эго, т.е. к России: хотя Эго не может выбрать свое будущее, он готов его (*достойно*) *встретить*.

6.1. Глагольные формы и представление прошлого и будущего в дискурсе

Одним из языковых средств выражения временных отношений является глагольная форма. Глаголы обозначают действия и события, которые могут быть представлены как факты в момент речи, в прошлом или в будущем. Выбор и употребление глаголов в прошедшем и будущем времени в определенных контекстах в дискурсе могут способствовать созданию желаемого образа прошлого и будущего.

В таблице 1 представлена частотность употребления глаголов прошедшего и будущего времени в корпусе новгодних обращений В.В. Путина. Для анализа прошлого принимаются во внимание прошедшие формы совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида; для анализа будущего – формы сложного будущего (НСВ) и простого будущего (СВ).

Результаты разделены на три субкорпуса, относящихся к трем срокам на президентском посту В.В. Путина.

Таблица 1

Количество глагольных форм прошедшего и будущего времени в корпусе новогодних общений В.В. Путина

Сроки Формы глаголов	Первый, 2000–2003 гг.	Второй, 2004–2007 гг.	Третий, 2012–2017 гг.	Итого
Прошедшее время	46 (13,64%)	18 (5,34%)	32 (9,49%)	96 (28,48%)
Будущее время	8 (2,37%)	20 (5,93%)	33 (9,79%)	61 (18,1%)

Процент рассчитан от общего количества финитных форм глаголов.

В новогодних обращениях второго и третьего срока частотность глаголов в прошедшем времени (приблизительно) равна частотности глаголов в будущем времени (см. табл. 1). Исключением являются тексты первого срока, в которых глаголы в прошедшем времени гораздо более частотны, чем глаголы в будущем времени.

Если рассматривать тексты новогодних общений первого срока более детально, можно заключить, что формы прошедшего времени весьма частотны в 2001 и в 2003 гг., т.е. во второй и последний годы срока (таблица 2). Это, по нашему мнению, объясняется тем, что главе государства нужно подчеркнуть уже достигнутые результаты после первого года на президентском посту и в конце срока своих полномочий, перед новыми президентскими выборами. Показательно, что глаголы будущего времени более частотны, чем глаголы прошедшего времени, только в 2000 г., в первый год президентского срока. Путин стал Президентом России в марте 2000 г. и, поскольку не мог говорить о результатах своей политики, ему нужно было представить возможность перемены к лучшему.

Таблица 2

Количество глагольных форм прошедшего и будущего времени в новогодних обращениях первого срока на президентском посту В.В. Путина

Год Формы глаголов	2000	2001	2002	2003
Прошедшее время	4	20	7	15
Будущее время	5	1	0	2

Анализ использования глагольных форм прошедшего и будущего времени, а также контекстов, в которых они чаще всего встречаются, способствует выявлению особенностей концептуализации и представления прошлого и будущего в новогодних обращениях к гражданам.

В первую очередь мы проанализировали все контексты и выделили ключевые темы, затрагиваемые в новогодних обращениях В.В. Путина. Мы частично воспользовались фреймовым анализом В.Ю. Варавкиной, в котором определяются такие слоты, как «семья» и «государство» [Варавкина, 2011]. Анализируя выбор лексических средств в речах президента, мы выделили такие слоты разных фреймов, которые играют важную роль в формировании представления прошлого и будущего. В частности, фрейм «групповая организация» содержит значимые для настоящего анализа слоты «семья» и «страна», фрейм «деятельность» содержит слоты «результат» и «трудности», а фрейм «характерные черты» содержит слоты «эмоции» и «единство». Мы будем называть эти слоты концептами, с которыми ассоциируются лексемы в тексте:

- а) «семья»; все лексемы, относящиеся к семье, такие как *дети, родители* и т.д., и к близким отношениям, такие как *друзья, близкие* и т.д.;
- б) «страна»; лексемы типа *страна, государство, Россия, граждане*;
- в) «результат»; с этим концептом ассоциируются все лексемы, относящиеся к достижению какого-нибудь результата, в частности позитивного, например *успех, результат, достичь* и т.д.;
- г) «трудности»; с этим концептом ассоциируются лексемы *проблема, трудность, испытание* и т.д.;
- д) «эмоции»; с этим концептом ассоциируются лексемы типа *любовь, счастье* и т.д.;
- е) «единство»; с этим концептом ассоциируются лексемы *единый, вместе* и т.д.

Каждая глагольная форма прошедшего и будущего времени ассоциируется с одним или более активными в контексте концептами. Связь между глагольной формой и концептом основывается на анализе контекста, т.е. на присутствии слов, относящихся к тому или иному концепту в данном предложении в контексте.

6.1.1. Прошлое в новогодних обращениях

Для изучения представления о прошлом проанализируем употребление глагольных форм прошедшего времени в новогодних обращениях В. В. Путина в течение трех сроков на президентском посту. Если проанализировать частотность употребления глаголов СВ и НСВ в прошедшем времени (таблица 3), можно вывести несколько наблюдений.

Таблица 3

**Количество глагольных форм прошедшего времени
совершенного и несовершенного видов**

Формы глаголов \ Сроки	Первый, 2000–2003 гг.	Второй, 2004–2007 гг.	Третий, 2012–2017 гг.
Несовершенный вид	16	2	9
Совершенный вид	29	16	23

Как видно из таблицы 3, глаголы прошедшего времени в большинстве случаев используются в форме СВ. Некоторые исследователи в своих работах детально рассмотрели категорию вида и ее семантические и прагматические последствия. Как отмечает Е.В. Падучева, «для СВ достижение предела – коммуникативный центр высказывания» [Падучева, 2010, с. 21]. При анализе связи между лексической семантикой глагола и семантикой видового противопоставления, она также отмечает, что глаголы СВ прежде всего обозначают действия, действия с акцентом на результате, предельные процессы и происшествия. Отсюда делается вывод, что формы прошедшего времени СВ позволяют подчеркнуть (а) достижение результата и (б) переход в новую ситуацию [Падучева, 1994, с. 12].

Действительно, такие глаголы, как, например, *сделать* (6 форм), *стать* (6 форм) и *достичь* (2 формы), встречаются в форме СВ в прошедшем времени: все эти глаголы обозначают «действия с акцентом на результате» и указывают на достигнутые результаты:

- (10) *Для этого мы вместе многое **сделали**, мы вместе **работали**, чтобы жизнь наша стала более предсказуемой, **достигли** хотя и небольших, но видимых результатов.* (31.12.2001)

В примере (10) с помощью глаголов СВ *сделали* и *достигли* показывается, что результаты уже достигнуты и что произошел переход в новую и лучшую ситуацию. Что же касается использования глагольных форм НСВ, глагол *работали* в примере (10) подчеркивает длительность неопредельного процесса⁴.

Для того чтобы выявить, каким образом представляется прошлое в дискурсе, можно проанализировать, в каких контекстах встречаются глаголы прошедшего времени. Принимая во внимание концепты,

⁴ Следует подчеркнуть, что мы предлагаем только общие высказывания о значениях и употреблении глаголов НСВ. Более детальное рассмотрение семантики глаголов НСВ нуждается в дополнительном анализе.

перечисленные в разделе 6.1, проанализируем контекст каждой глагольной формы. Результаты анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4

Анализ контекста, в котором встречаются глагольные формы прошедшего времени

Концепты Сроки	Семья		Страна		Эмоции		Результаты	
	Ч	%	Ч	%	Ч	%	Ч	%
Первый, 2000–2003 гг.	1	2,17	20	43,47	0	0,00	28	60,86
Второй, 2004–2007 гг.	1	5,55	11	61,11	0	0,00	10	55,55
Третий, 2012–2017 гг.	9	28,12	13	40,62	10	31,25	9	28,12
Итого	11	11,45	44	45,83	10	10,41	48	50,00

Ч – частота употребления. Процент рассчитан от общего количества глагольных форм прошедшего времени.

Глагольные формы прошедшего времени чаще встречаются в текстах дискурса, в которых речь идет о результатах (см. табл. 4). Это не удивительно, если принимать во внимание, что президент намерен представить успехи своей политики. В примере (10) В.В. Путин подчеркивает, что, *хотя не большие*, уже есть осязаемые результаты. Тема о достигнутых результатах особенно важна в новогодних обращениях первого срока, когда необходимо было подчеркнуть эффективность политики государства и настоящую возможность перемен к лучшему. Когда речь идет о результатах в прошлом, в 27 случаях из 48 упоминается Россия и целая страна как главное действующее лицо. Из таблицы 4 также видно, что почти 46% глаголов прошедшего времени встречаются в контекстах, где упоминается концепт «страна».

- (11) *Мы не только **восстановили** территориальную целостность России, но и вновь **почувствовали** себя единым народом. И все эти годы мы **работали** для того, чтобы сохранить страну, превратить ее в современное, свободное, сильное государство – удобное и комфортное для жизни граждан.*
(31.12.2007)

Пример (11) наглядно иллюстрирует, как упоминания об успехах и о России взаимодействуют, чтобы создать определенный образ

прошлого. Глаголы *восстановить, работать, сохранить, превратить* подчеркивают стремление не только адресанта, но и адресата к переменам к лучшему, к успеху; такие существительные, как *Россия, народ, страна, государство и граждане*, ясно определяют, кому принадлежит успех. Кроме того, благодаря использованию местоимений первого лица множественного числа, Россия как страна, т.е. государство и граждане, является самым главным участником процесса и представляется творцом своего успеха: инклюзивная интерпретация глагольной формы *(мы) почувствовали* позволяет дать также инклюзивную или, по крайней мере, неоднозначную интерпретацию других глаголов в предложении, предполагая эмоциональное воздействие на адресата. Следует отметить, что в 14 случаях глаголы в прошедшем времени появляются в контекстах, где эмоциональность усиливается благодаря присутствию элементов, относящихся к концепту «единство». Это видно из примера (11), где выражения *единый народ, территориальная целостность* подчеркивают единство России. В примере (10) повтор наречия *вместе* акцентирует идею единства народа и государства. Высокочастотность элементов, относящихся к концепту единства народа, способствует увеличению эмоциональной нагрузки дискурса.

Таким образом, проведенный анализ глаголов в прошедшем времени показал, что в новогодних обращениях прошлое представляется как время успехов, которые создают необходимые предпосылки для лучшего будущего. Кроме того, глаголы прошедшего времени встречаются, когда речь идет о России: представляя единую страну, адресант вызывает патриотические чувства и усиливает эмоциональный эффект дискурса.

6.1.2. Будущее в новогодних обращениях

В этом разделе обсуждается представление о будущем в новогодних обращениях В.В. Путина в течение трех сроков на президентском посту. Предметом настоящего анализа являются глагольные формы будущего НСВ (сложное будущее) и будущего СВ (простое будущее)⁵.

Если в качестве критерия рассматривать категорию вида, можно сделать вывод, что глагольных форм будущего времени СВ вдвое больше, чем НСВ. Как уже было отмечено в разделе 6.1.1., СВ фокусируется на результате действия. В случае будущего времени результаты достигаются в будущем. Поскольку в политическом дискурсе представление о будущем является средством убеждения адресата (см. раздел 4.1),

⁵ Хотя интерес для анализа репрезентации будущего представляет также использование модальных глаголов и глаголов других наклонений, в настоящей работе принимаются во внимание только формы будущего времени СВ и НСВ.

можно предположить, что употребление СВ позволяет спроектировать будущее как более известное и определенное время, когда, безусловно, цели будут достигнуты.

Таблица 5

**Количество глагольных форм будущего времени
совершенного и несовершенного видов
в новогодних обращениях В.В. Путина**

Сроки Форма глаголов	Первый, 2000–2003 гг.	Второй, 2004–2007 гг.	Третий, 2012–2017 гг.	Итого
Несовершенный вид	1	9	11	21 (34,42%)
Совершенный вид	7	11	22	40 (65,57%)

Хотя некоторые формы употребляются для пожелания (*Пожелаем друг другу...*) и для побуждения к действию (*И обязательно произнесем тост...*), в новогодних обращениях будущее время СВ играет центральную роль в создании образа конкретного будущего.

- (12) ...**сделаем** все, что было запланировано, **восстановим** и **построим** все, что намечено восстановить и построить.
(31.12.2013)

В примере (12) ряд трех глагольных форм будущего времени СВ позволяет представить светлое будущее благодаря гарантированным адресантом действиям. Глаголы будущего времени в форме НСВ создают фон будущей ситуации, представляя, прежде всего, состояния, как показано в примере (13).

- (13) И тогда обязательно **придет** время, когда мы **будем** спокойны и за наших стариков, и за наших детей. (31.12.2000)

Следует отметить, что в примере (13) глагол СВ *придет* предвещает безусловную установку на будущее, закрепленную наречием *обязательно*. Далее описывается будущее с помощью глагола НСВ *будем* (*спокойны*), который представляет длительное и положительное состояние в будущем.

Для того чтобы проанализировать представление о будущем, необходимо рассмотреть, в каких контекстах встречаются глаголы будущего времени (таблица 6).

Таблица 6

**Анализ контекста, в котором встречаются глагольные формы
будущего времени**

Концепты Сроки	Семья		Страна		Эмоции		Результаты	
	Ч	%	Ч	%	Ч	%	Ч	%
Первый, 2000–2003 гг.	4	50	0	0	0	0	2	25
Второй, 2004–2007 гг.	9	45	10	50	9	45	6	30
Третий, 2012–2017 гг.	13	39,39	6	18,18	13	39,39	18	54,54
Итого	26	42,62	16	26,22	22	36,06	26	42,62

Ч – частота употребления. Процент рассчитан от общего количества глагольных форм будущего времени.

Из таблицы 6 видно, что глагольные формы будущего времени, а не только прошедшего (см. табл. 3), часто встречаются в дискурсе, когда речь идет о достижениях. Это значит, что президент не только подчеркивает успехи в прошлом, а еще и предусматривает их в будущем (пример (14)).

- (14) *Чем больше **будет** доброты и любви, тем увереннее и сильнее мы **будем**, а значит, и успеха обязательно **добьемся**.*
(31.12.2014)

В примере (14) будущее представляется несомненно (*обязательно*) успешным. Несмотря на то, что представление успехов и достижений имеет место в речи в прошедшем и в будущем времени, можно указать основные различия и их последствия в дискурсе. Если дискурс о прошлых достигнутых результатах доказывает эффективность адресанта, когда речь идет о будущих достижениях и переменах, адресант, представляя себя в роли авторитета, предсказывает светлое определенное будущее.

Из таблицы 6 видно, что глагольные формы будущего времени больше всего встречаются в отрывках дискурса, когда речь идет о семье (42,62%).

- (15) *В этом празднике – любовь к близким, тепло домашнего очага, надежда и вера, что все **сложится**, что мы **будем жить** лучше, что дети наши **будут** счастливы, что старшие **будут** здоровы и благополучны, и тогда страна наша **будет крепнуть и процветать**.* (31.12.2007)

В примере (15) глава государства говорит о семье и употребляет ряд глаголов в будущем времени. Слова *близкие, домашний очаг, дети и старшие* помогают создать образ светлого будущего. Связь с концептом «семья» усиливает эмоциональное воздействие дискурса: здесь еще называются эмоции и чувства (такие как любовь, надежда и счастье). В дискурсе о будущем часто (36%) упоминаются положительные эмоции (в речи в прошедшем времени только 10%) и, как показано в примере (15), особенно когда речь идет о семье.

Следует отметить, что в примере (15) только в конце высказывания упоминается страна, т.е. Россия. В отличие от того, что происходит в речи в прошедшем времени (см. табл. 3), концепт «страна» не играет такой важной роли в дискурсе о будущем и представлен только в 26% употреблений форм будущего времени (см. табл. 6).

- (16) *Пусть в каждом доме, в каждой нашей семье царит радость и согласие. Тогда и Россия **будет стоять** прочно и нерушимо* (31.12.2012)

Разумеется, образ России также присутствует в представлении будущего (как в примере (16)), но не является для него доминантным. Несмотря на это, стоит отметить, что в дискурсе существует прямая связь между ролью семьи и ролью страны. Если опираться на примеры (15) и (16), можно обнаружить, что речь идет об успехах и процветании страны только в конце предложения, после ряда упоминаний о семье. Логическая связь создается с помощью союза *тогда*: президент связывает процветание страны с счастьем в семейных отношениях. Как уже замечала В.Ю. Варавкина, президент также связывает успех страны с работой и усердием каждого гражданина [Варавкина, 2011, с. 110–125].

- (17) *...и год **будет** таким, каким мы сами его **сделаем**, насколько эффективно, творчески, результативно **будет трудиться** каждый из нас. Других рецептов просто нет. И мы должны выполнить, реализовать все намеченное – ради себя, ради наших детей, ради России.* (31.12. 2014)

- (18) *Мы отмечаем его (праздник), как было в детстве: с подарками и сюрпризами, с особой теплотой, с ожиданием важных перемен. И они обязательно **придут** в нашу жизнь, если каждый из нас всегда **будет помнить** о своих родителях, беречь их, ценить каждую минуту, проведенную с ними, если **будем** больше **понимать** своих детей, их устремления и мечты, поддерживать тех, кто рядом, кто нуждается в нашем участии и душевной щедрости.* (31.12.2017)

Благодаря союзу *насколько* в примере (17) работа каждого россиянина представляется мерой успеха России. Аналогично в примере (18) с помощью союза *если* выражается идея, что забота в семье является необходимым условием успеха целой страны.

Анализ глаголов в будущем времени показал, что адресант создает положительный образ успешного будущего, рассказывая о семье. Таким образом, адресант сближается с адресатом и усиливает эмоциональный эффект дискурса. Образ успешного будущего в дискурсе часто связывается с образом счастливой семейной жизни: это значит, что каждый гражданин несет ответственность за свою личную жизнь и, следовательно, за судьбу страны.

6.1.3. Успехи и трудности

Как показал анализ, проведенный в разделах 6.1.1 и 6.1.2, в дискурсе как прошлое, так и будущее представляются успешными. Интересно отметить, что, несмотря на это, упоминаются еще и трудности (таблица 7).

Таблица 7

Анализ контекста. Концепт «трудности» в новогодних обращениях В.В. Путина

Формы глаголов	Количество употреблений
Прошедшее время	19 (19,79%)
Будущее время	3 (4,91%)

Трудности упоминаются, когда речь идет почти исключительно о прошлом (19,79%):

- (19) *В минувшем году нам пришлось столкнуться с проблемами и принять вызов серьезных испытаний. <...> В дни испытаний Россия всегда **становилась** единой и сплоченной.* (31.12.2013)

Хотя почти 20% глагольных форм в прошедшем времени встречается в этом контексте, следует отметить, что в этих случаях играют важную роль концепты «страна» и «единство». Действительно, в примере (19) трудность почти теряет свою отрицательную природу и становится способом укрепления страны и ее единства. Это значит, что хотя трудности могут, вероятно, иметь место, Россия знает, как превращать их в преимущества и использовать их для своего дальнейшего развития. Взаимодействие концептов «трудности» и «единство» страны в одном

и том же контексте создает положительный и еще раз успешный образ прошлого.

- (20) *2016 год уходит. Он был непростым, но трудности, с которыми мы **столкнулись, сплотили нас, побудили** открыть огромные резервы наших возможностей для движения вперед. Главное – мы верим в себя, в свои силы, в свою страну.* (31.12.2016)

Следует еще отметить, что хотя трудности играют определенную роль в представлении о прошлом, за ними всегда последует дискурс об успешном будущем, как показывают глаголы *сплотили* и *побудили* и выражение *движения вперед* в примере (20).

7. Заключение

В данной статье мы рассмотрели представление прошлого и будущего в новогодних обращениях В.В. Путина к российским гражданам.

В первую очередь мы проанализировали употребление ключевых слов *прошлое* и *будущее*. Мы обнаружили, что в новогодних обращениях чаще всего президент подчеркивает свою активную роль и роль всех граждан России в создании будущего.

Кроме того, мы провели анализ контекстов, в которых встречаются глаголы прошедшего и будущего времени. Полученные данные показали, что, когда речь идет о прошлом, в контексте упоминаются достигнутые результаты: акцент на прошлые успехи и достижения выражается также с помощью глаголов СВ и глаголов, обозначающих действия и действия с акцентом на результате. Основным элементом представления прошлого является образ России как страны и ее единства. Кроме того, в дискурсе о прошлом появляются упоминания о трудностях: адресант использует их, чтобы показать способность России к преодолению проблем и чтобы укрепить концепт «единство».

В новогодних обращениях В.В. Путина будущее также представляется успешным. Будучи политическим деятелем, обладающим контролем над судьбой страны, адресант уверенно представляет светлое и определенное будущее с помощью глаголов СВ, которые подчеркивают достижение результата. В формировании образа будущего центральную роль играет концепт «семья». Включение личной сферы в новогодние поздравления приближает адресанта к адресату и усиливает положительное эмоциональное воздействие на адресата.

Библиографический список / References

Баранов, 2001 – Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001. [Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku [Introduction to applied linguistics]. Textbook. Moscow, 2001.]

Варавкина, 2011 – Варавкина В.Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. [Varavkina V.Yu. Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva: zhanrovaya spetsifika i lingvokognitivnoe modelirovanie obraza adresata [New Year's address of the head of state: genre specificity and linguocognitive modeling of the addressee's image]. PhD manuscript. Omsk, 2011.]

Гранева, 2008 – Гранева И.Ю. Местоимение *мы* в аспекте проблемы языкового манипулирования сознанием // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Лингвистика». 2008. Вып. 2 (2). С. 16–19. [Graneva I.Yu. Russian pronoun “my” in terms of actual for modern linguistics problem of “language manipulation with mind”. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. 2008. No. 2(2). Pp. 16–19.]

Кондратенко, 2007 – Кондратенко Н.В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Труды международной конференции «Диалог 2007». М., 2007. С. 302–306. [Kondratenko N.V. The New Year address as a ritual genre of political discourse: the main macro-structural component and its representation. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog 2007”*. Moscow, 2007. Pp. 302–306.]

Ласица, 2017 – Ласица Л.А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. Вып. 1. С. 19–24. [Lasitsa L.A. New Year's address of the head of state: semantic features of the ritual genre of political discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 1. Pp. 19–24.]

Маслов, 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. [Maslov Yu.S. Ocherki po aspektologii [Essays in aspectology]. Leningrad, 1984.]

Падучева, 1994 – Падучева Е.В. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34. С. 7–31. [Paducheva E.V. Taxonomic categories of verbs and semantics of aspectual oppositions. *Semiotika i informatika*. 1994. No. 34. Pp. 7–31.]

Падучева, 2010 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010. [Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic studies. The semantics of time and tense in Russian. The semantics of narrative]. Moscow, 2010.]

Солопова, 2016 – Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. [Solopova O.A. Lingvopoliticheskaya

prognostika: сопоставительное исследование модели будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. [Linguopolitical prognostication: a comparative study of models of the future of Russia in the political discourses of Russia, the United States and Britain of the 19th century (1855–1881) and the 21st century (2000–2014)]. PhD manuscript. Ekaterinburg, 2016.]

Федосюк, 1997 – Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 66–88. [Fedosyuk M.Yu. The research of means of speech impact and the theory of speech genres. *Zhanyr rechi*. 1997. No. 1. Pp. 66–88.]

Чудинов, 2006 – Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. М., 2006. [Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Textbook. Moscow, 2006.]

Benckendorff, 2008 – Benckendorff P. Envisioning sustainable tourism futures: An evaluation of the futures wheel method. *Tourism and Hospitality Research*. 2008. Vol. 8. No. 1. Pp. 25–36.

Boroditsky, 2000 – Boroditsky L. Metaphoric structuring: Understanding time through spatial metaphors. *Cognition*. 2000. Vol. 75. Pp. 1–28.

Boroditsky, Ramscar, 2000 – Boroditsky L., Ramscar M. The roles of body and mind in abstract thought. *Psychological Science*. 2000. Vol. 13. No. 2. Pp. 185–189.

Dunmire, 2011 – Dunmire P.L. Projecting the future through political discourse. Amsterdam/Philadelphia, 2011.

Edelman, 1988 – Edelman M. Constructing the political spectacle. Chicago, 1988.

Fairclough, 2003 – Fairclough N. Analyzing discourse: Textual analysis for social research. London, 2003.

Lakoff, Johnson, 1980 – Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

Lyons, 1977 – Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge, 1977.

Martin, Wodak, 2003 – Martin J.R., Wodak R. Introduction. *Re/Reading the Past: Critical and Functional Perspectives on Time and Value*. Martin J.R., Wodak R. (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2003. Pp. 1–16.

McGinnis, 2009 – McGinnis T.A. Seeing Possible Futures: Khmer youth and the discourse of the American Dream. *Anthropology & Education Quarterly*. 2009. Vol. 40. No. 1. Pp. 62–81.

Núñez et al., 2006 – Núñez R.E., Motz B.A., Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-reference-point distinction in metaphorical construals of time. *Metaphor and Symbol*. 2006. Vol. 21. No. 3. Pp. 133–146.

Pinelli, 2014 – Pinelli E. L'uso dei pronomi nel discorso politico russo. Putin e Medvedev a confronto. *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*. 2014. No 3. Pp. 423–448.

Santulli, 2005 – Santulli F. Le parole del potere, il potere delle parole: retorica e discorso politico. Milano, 2005.

Sambre, 2017 – Sambre P. The experiential future: socio-cognition and multisensory marketing in Matera European Capital of Culture 2019. *Cognitive Modeling in Language and Discourse across Cultures*. Baicchi A., Pinelli E. (eds.). Cambridge, 2017. Pp. 213–227.

Wodak, Chilton, 2005 – A new agenda in (critical) discourse analysis. Theory, methodology and interdisciplinarity. Wodak R., Chilton P. (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2005.

Статья поступила в редакцию 13.03.2018

The article was received on 13.03.2018

Пинелли Эрика – докторант, исследователь и преподаватель факультета гуманитарных наук, Павийский Университет, Италия

Pinelli Erica – post-doc researcher and lecturer at the Department of Humanities, University of Pavia, Italy

E-mail: erica.pinelli@unipv.it

Н.В. Сердобольская

Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация;
Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Прямое цитирование при глаголе *думать* в русском языке¹

Актантные предложения с финитной предикацией без союза представляют интерес для теории и типологии языка в силу того, что они допускают целый ряд трактовок: вводная конструкция (*Это интересный, я думаю, вопрос*), актантное предложение (*Я-то, дурак, думал, сегодня выходной*) или конструкция прямого цитирования (*Он думал: «Кто же на меня напал?»*). В работе исследуется конструкция прямого цитирования с глаголом *думать*. Мы показываем, во-первых, что выражение содержания мысли при *думать* содержит все характерные признаки прямого цитирования, которые обычно выделяются в работах по цитированию при глаголах речи. Во-вторых, в работе доказывается, что такая конструкция (почти) не предполагает редукцию синтаксических свойств главной клаузы, как это происходит в случае бессоюзной конструкции предположения. Это выражается в том, что при прямом цитировании клауза с *думать* может присоединять имена нарицательные в позиции субъекта, модифицироваться обстоятельством, деепричастным оборотом, эпистемическими выражениями и средствами синтаксической неподчинимости. Эти свойства сохраняются вне зависимости от позиции клаузы с *думать* по отношению к сентенциальному актанту: начальной, срединной или конечной.

Ключевые слова: актантные предложения, сентенциальные актанты, чужая речь, бессоюзное сложное предложение, прямое цитирование, прямая речь, средства синтаксической неподчинимости.

¹ Работа поддержана грантом РФФ № 16-18-02003. Автор глубоко признателен анонимным рецензентам за глубокие и содержательные комментарии и замечания.

N.V. Serdobolskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation;

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Direct quotation construction with the verb *dumat'* ('think') in Russian²

Finite asyndetic complement clauses present an interesting phenomenon to the theoretical and typological works, considering that they allow a number of different interpretations: a parenthetical clause (*Eto interesnyj, ya dumayu, vopros*, lit. 'This is an interesting, I think, question'), a complement clause (*Ya-to, durak, dumal, segodnya vyhodnoj*, lit. 'I, as a fool, thought there is a holiday today') or a direct speech construction (*On dumal: «Kto zhe na menya napal?»*, 'He was thinking: «Who assaulted me then?»'). The paper is devoted to the direct speech construction with the verb *dumat'* 'think' in Russian. First, I show that the clause that conveys the matter of thought actually has all the properties of the direct speech constructions in Russian, see the list of the direct speech properties in works. Second, I argue that the direct speech construction with *dumat'* (almost) does not show clause reduction, as it happens with the asyndetic constructions of supposition. Namely, the direct speech construction with *dumat'* can have common nouns as subject of thought, the matrix clause can host adverbials, converbal clauses, epistemic expressions and main clause phenomena. All these properties are attested with both initial, medial and final clauses with *dumat'* (i.e. irrespective of the linear position of the matrix clause to the dependent clause).

Key words: complementation, complement clauses, clausal arguments, asyndetic subordination, citation, direct speech, main clause phenomena.

1. Введение

Актантные предложения без союза представляют интерес для типологии и теории языка в силу того, что они допускают целый ряд трактовок. В частности, в работе [Noonan, 1985] рассматривается ряд конструкций (которые автор обозначает термином «паратаксис»), где две клаузы, формально не имеющие никаких признаков связи, оказываются связаны

² The work is supported by the RSF grant № 16-18-02003. I would like to thank the anonymous reviewers for their in-depth comments and suggestions.

семантически и фонетически. Например, предложения с глаголом каузации вида 'Женщина заставила его украсть цыпленка' оформляются так, что обе клаузы могут выступать изолированно друг от друга; наиболее морфосинтаксически адекватный перевод данной конструкции «Женщина заставила мужчину. Он украл цыпленка». Однако семантически и фонетически они оказываются связанными: вторая клауза заполняет валентность первой; две клаузы обладают единым интонационным контуром и допускают на стыке клауз морфонологические преобразования, невозможные в двух отдельных предложениях [Noonan, 1985, p. 39–41].

Что касается ментальных глаголов, они довольно часто образуют вводные сочетания без союза, формально похожие на бессоюзные конструкции с сентенциальным актантом. Ср. (1) и (2) ниже: я *думаю* в (1) разрывает именную группу, в то время как в (2) клауза с *думать* выступает в препозиции к содержанию мысли, что характерно для союзных клауз с *думать*:

- (1) [Андрей Сахаров, муж] *Итáк / пёрвой составляющей / я́ думáю / нáшей дипломáтии в ётой связи нáдо считáть / конёчно / конёчно / революциóнно-мессиáнскую составляющую.*
(НКРЯ: Андрей Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов.
Проект Academia. ГТРК Культура. 2011)
- (2) *Вообще-то 2я кат[егория] стоила у нас всего-то штуку.
Но я – же принципиальный придурок – думал еще скажут:
вот имеет 2ю кат.[егию], а выступает как колхоз.*
(<http://wap.trotting.forum24.ru/?1-1-20-00000002-000-10001-0>)

При глаголе *думать* также распространены полипредикативные конструкции без союза, содержащие конструкцию прямой речи (прямого цитирования) [Апресян, 2015, с. 23–24; Апресян, 2018, с. 280]:

- (3) *Они не думали: могу – не могу. Они делали.*
(НКРЯ: Георгий Бовт, Валерий Волков. Нас не поставит
на колени. «Известия», 2002.10.27)

В [Русская грамматика, 1980, с. 650] конструкции, аналогичные (2), характеризуются термином «бессоюзные сочетания с изъяснительным значением» (в отличие от союзных изъяснительных предложений вида *Я думаю, что Иван дома*); в [Грамматика..., 1954] – «бессоюзные сложные предложения пояснительного типа». Е.В. Падучева пишет о разграничении вводных конструкций вида (1) и бессоюзных предложений вида (2) [Падучева, 1996, с. 322]. Действительно, клауза я *думаю* в (1) занимает линейную позицию внутри именной группы *первой составляющей нашей дипломатии*, и соответственно, является вводной

по определению, данному в [Dehé, Kavalova, 2007]: «структурно независимые от ассоциированной клаузы единицы, которые не включаются в основной просодический контур, не входят в коммуникативное членение (топик, фокус и т.п.) ассоциированной клаузы и не имеют истинностного значения»³. Напротив, в (2) клауза, возглавляемая *думать*, находится строго в препозиции к клаузе, выражающей содержание мысли. Некоторые элементы этой клаузы – частица *же* и наличие оценочной аппозиции – невозможны во вводной конструкции [Сердобольская, 2017], ср.:

(2)* *Первой составляющей, я же думаю/думал, нашей дипломатии надо считать революционно-мессианскую составляющую.*

(Сконструированный пример)

(2)* *Первой составляющей, я, убежденный социалист, думаю/думал, нашей дипломатии надо считать революционно-мессианскую составляющую.* (Сконструированный пример)

Таким образом, начальные клаузы с *думать* могут быть как частью бессоюзной конструкции, так и вводного сочетания; срединные и конечные клаузы с *думать* однозначно классифицируются как вводные [Падучева, 1996, с. 322; Сердобольская, 2017].

В [Сердобольская, 2017; Сердобольская, в печ.] показано также, что конструкции в (2) и (3) неодинаковы по своим синтаксическим свойствам. В частности, в (3) главная клауза включает отрицание, а клауза, выражающая содержание мысли, имеет признаки прямого цитирования: 1-е лицо глагола в ее составе отсылает не к реальному говорящему, а к субъекту главной предикации (*они*). Отрицание в (2), как кажется, невозможно:

(3)* *Но я же не думал, еще скажут: вот имеет вторую категорию, а выступает, как колхоз.*

(Сконструированный пример)

Отрицание, как показано в упомянутых работах, возможно в том случае, если глагол *думать* присоединяет конструкцию прямого цитирования (прямой речи), как в (3), или союзное придаточное:

(3)" *Я же не думал, что они скажут: вот имеет вторую категорию, а выступает, как колхоз.*

(Сконструированный пример)

³ "Parentheticals are expressions that are linearly represented in a given string of utterance (a host sentence), but seem structurally independent at the same time... interrupt the prosodic flow of an utterance... are outside the focus-background structure of their host utterance and are usually associated with non-truth conditional meaning." [Dehé, Kavalova, 2007, p. 1].

Таким образом, конструкция прямого цитирования по своим морфосинтаксическим свойствам отличается от бессоюзной конструкции. Кроме способности включать отрицание, она также допускает императив⁴ глагола *думать* (4) и не налагает ограничений на линейную позицию главной клаузы относительно зависимой [Грамматика..., 1954, с. 409], ср. (3) и (5)–(6); см. подробнее [Сердобольская, в печ.]. Как отмечается в работах Ю.Д. Апресяна, конструкция прямого цитирования может использоваться при различных значениях *думать*: *думать* 1 (значение «размышлять, обрабатывать информацию»⁵) и *думать* 2.1 «иметь мнение» [Апресян, 2015, с. 23; Апресян, 2018: с. 280–282], в то время как бессоюзная конструкция допустима только для значения мнения (*думать* 2.1), см. [Сердобольская, в печ.].

- (4) *Пей по глоточку и думай: сейчас поможет, сейчас полегчает – оно и вправду полегчает.* (НКРЯ: И. Меттер. Врача вызывали? (1979))
- (5) *В конце концов, – думала Аля, – сейчас я, если на Хитровке буду играть, сразу брошу эту чертову «Терру»...* (НКРЯ: Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005))
- (6) *Васька подстрелил ворона, оципал и бросил. Ворон жрал мертвечину. «Я не людоед», – думал Васька. Прошла ночь, никакое чудище не пожаловало.* (НКРЯ: Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000))

Однако если сопоставить свойства начальных и срединных/конечных клауз с *думать* при прямом цитировании, можно видеть, что они неоднородны по своим свойствам. Срединные и конечные клаузы, по-видимому, не склонны включать отрицание и императив, как и начальные клаузы в бессоюзной конструкции и вводные клаузы:

- (3)' * *Могу – не могу, они не думали.* (Сконструированный пример)
- (4)' * *Сейчас поможет, сейчас полегчает, думай.* (Сконструированный пример)

Данные параметры обобщены в таблице 1. Видно, что конструкции прямого цитирования при глаголе *думать* неоднородны по своим свойствам⁶: начальные клаузы с *думать* очевидным образом отличаются

⁴ При этом происходит некоторое изменение значения *думать* [НОСС, 2003, с. 1133].

⁵ Сокращенные толкования из цитируемых работ: *думать* 1: «обрабатывать в сознании информацию»; синонимы: *размышлять, раздумывать, и др.*; *думать* 2.1: «думая 1 о некоторой ситуации, считать, что верно Р»; синонимы: *считать, полагать, и др.*

⁶ Автор глубоко признателен анонимному рецензенту за эту идею.

от срединных/конечных. Начальные клаузы ведут себя, как главные клаузы в конструкции с сентенциальным актантом (далее: КСА; СА – сентенциальные актанты), в то время как срединные/конечные демонстрируют ограничения на полярность и модальные характеристики, что сближает их с вводными сочетаниями (ср. *я думаю* в (1)). Заметим, что такая же зависимость морфосинтаксических свойств от линейной позиции отмечается в случае с бессоюзной и вводной конструкцией: бессоюзная конструкция допускает только начальную линейную позицию клаузы с *думать*, а при изменении позиции клаузы с *думать* становится вводной.

Таблица 1

Морфосинтаксические свойства начальных и срединных/конечных клауз с *думать* при прямом цитировании, в бессоюзной и вводной конструкциях

Тип конструкции	Позиция клаузы с <i>думать</i> по отношению к клаузе, выражающей содержание мнения	Отрицание	Императив
1. Конструкция прямого цитирования	Начальная (4)	+	+
	Срединная (5)	–	–
	Конечная (6)	–	–
2. Бессоюзная конструкция	Начальная (2)	–	–
3. Вводная конструкция	Начальная, срединная, конечная (1)	–	–

Таким образом, возникает вопрос о том, насколько срединные/конечные клаузы с *думать* при прямом цитировании демонстрируют «редукцию» морфосинтаксических свойств. Настоящая статья представляет собой попытку ответить на данный вопрос. Более частная задача – определить, насколько в принципе можно говорить о прямом цитировании при глаголе *думать*, не являющимся глаголом речи⁷.

Уточним, что мы не рассматриваем конструкции косвенного вопроса при глаголе *думать*, а также союзные придаточные с *что* и *будто*.

Исследование базируется на примерах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ; ruscorpora.ru) и примерах, полученных поиском

⁷ Мы благодарны анонимному рецензенту за то, что он обратил наше внимание на эту задачу.

в Интернете. Примеры, взятые из устного подкорпуса и из текстов неформального электронного общения (чаты, форумы и т.п.), мы приводим, полностью сохраняя пунктуацию источника.

В разделе 2 мы показываем, что конструкции с *думать* (3) в полной мере способны демонстрировать свойства прямого цитирования. Далее (раздел 3) мы обращаемся к противопоставлению начальных и срединных/конечных клаузов с *думать* в бессоюзных конструкциях вида (2). Перечисленные признаки мы используем в разделе 4, где ставится вопрос, верно ли, что конструкции прямого цитирования при *думать* демонстрируют редукцию морфосинтаксических свойств. Раздел 5 представляет собой обобщение полученных результатов.

2. Прямое цитирование и актантные предложения при глаголе *думать*

Конструкция прямого цитирования, или прямой речи, включается в более широкий класс конструкций чужой речи, или цитирования, которые обозначают передачу речи или мысли в дискурсе [Валгина и др., 2006; Грамматика..., 1954; Падучева, 1996, с. 337–343; Литвиненко и др., 2009; Подлесская, 2017а, б]. Вслед за [Литвиненко, 2009, и др.] мы принимаем термин «цитирование» в силу аргументов, приводящихся в этой работе: не всегда искомые конструкции включают речь (это может быть передача мысли, как в случае глагола *думать*) и не всегда именно чужую (иногда говорящий передает собственные высказывания или мысли). Исследователи выделяют два основных типа цитирования: конструкции прямой или косвенной речи (или прямое и косвенное цитирование), – а также различные промежуточные типы, включая полупрямую и несобственно прямую речь [Валгина и др., 2006], свободный косвенный дискурс [Падучева, 1996, с. 335–354].

Среди характерных средств прямого цитирования приводят отсутствие подчинительного союза и согласования времен (в языках, для которых это релевантно), наличие экспрессивно-диалогических элементов и обращений, а также дейктическую стратегию референции личных местоимений (см. обсуждение примера (3) во введении), наречий времени и места в зависимой предикации [Пешковский, 2001, с. 430–432; Грамматика..., 1954; Гвоздев, 1965; Кручинина, 1990/1998; Падучева, 1996, с. 337–343; Валгина и др., 2006; Литвиненко и др., 2009, с. 296; Подлесская 2017а, б]. Отсылка к субъекту и моменту речи производится, исходя из координат текстового (*Он_i сказал: Я_i приду завтра*), а не реального речевого акта (*Он_i сказал, что он_i приходил на следующий день*). Кроме того, при прямом цитировании возможны различные иллокутивные типы в СА, в то время как косвенное цитирование

предполагает перевод в повествовательный тип, ср.: *Он сказал сыну: «Перестань стучать!» – Он сказал, чтобы сын перестал стучать.*

В [Пешковский, 2001; Подлесская, 2017а] предлагается также рассматривать наличие цитативных частиц (*мол, дескать*), аппроксиматоров (*вроде, типа, как бы*, местоимения на *-то*) и средств синтаксической неподчинимости (*main clause phenomena*). Аппроксиматоры, или средства неточной номинации (*вроде, типа*, местоимения на *-то* и подобные: *Она говорила, что придет тогда-то*), маркируют тот факт, что речь или мысль передается не дословно, а в редакции говорящего, т.е. используются при косвенном цитировании [Пешковский, 2001, с. 430–432; Литвиненко и др., 2009, с. 297; Подлесская, 2017а, с. 360]. Средства синтаксической неподчинимости обычно недопустимы в зависимых предикациях различного вида (см. [Hooper, Thompson 1973]; для русского языка – [Падучева, 1990; Кобозева, 1999б]) и, соответственно, сигнализируют о прямом цитировании [Подлесская, 2017а, с. 357]. Например, частица *же* допустима при прямом цитировании (*Он подумал: «Я же знаю эту историю из первых рук»*) и недопустима при косвенном (**Он подумал, что он же знает эту историю из первых рук*).

Соответственно, исследователи выделяют следующие признаки прямого цитирования:

- 1) действительная референция личных местоимений и наречий;
- 2) присутствие экспрессивно-диалогических элементов и обращений;
- 3) отсутствие подчинительного союза;
- 4) допустимость повествовательного иллокутивного типа в СА;
- 5) отсутствие аппроксиматоров и цитативных частиц;
- 6) допустимость средств синтаксической неподчинимости.

Задача, которую мы ставим в настоящей работе, – определить, в какой степени конструкции прямого цитирования при *думать* различны в зависимости от линейной позиции клаузы с *думать* – начальной vs. срединной/конечной. Для того, чтобы ответить на этот вопрос (он будет рассматриваться в разделе 4), мы должны уточнить, верно ли, что конструкции с *думать* проявляют свойства прямого цитирования в той же мере, что и глаголы речи. Это будет сделано в настоящем разделе.

Разберем несколько примеров. Предложение (3) из введения, которое мы повторяем ниже под номером (7), содержит конструкцию прямой речи, в нем происходит смещение референции личных форм: 1-е лицо глагола отсылает не к реальному говорящему, а к текстовому, т.е. к субъекту главной предикации (*они*). Аналогичным образом, в (8) местоимение 1-го лица отсылает к субъекту главной предикации *этот болван*. Такое смещение референции соответствует дейктической (пряморечной) стратегии кодирования аргументов. В (9) СА содержит

обращение, в (8) – междометие *ах* и средства субъективной оценки, ориентированных не на реального говорящего, а на субъекта главной предикации (*такой несчастный, какого-то пьяного бомжа*); в (10) СА имеет вопросительную иллокутивную силу (с частицей *ну*, в данном случае вводящей вопрос) при утвердительной главной клаузе. Таким образом, КСА при *думать* демонстрируют основные признаки прямого цитирования, перечисленные выше под номерами 1–4. Обратим внимание, что в этих примерах отсутствуют средства косвенного цитирования, такие как цитативы и аппроксиматоры *мол, типа, как бы* и др.⁸

- (7) *Они не думали: могу – не могу. Они делали.*
(НКРЯ: Георгий Бовт, Валерий Волков. Нас не поставить на колени (2002). «Известия», 2002.10.27) (= 3)
- (8) *Этот болван наверное думает, ах, я такой несчастный из-за какого-то пьяного бомжа страдаю...*
(<http://www.dni.ru/regions/2016/1/12/325304.html>)
- (9) *Ну, наши лопухи-то, шоферня, уши развесили, хлопают, как сумасшедшие, ну, а я-то сижу думаю: нет, брат, врешь, не может быть...*
(НКРЯ: Виктор Драгунский. Сегодня и ежедневно (1964))
- (10) [В., жен] *Костра перестала бояться // ждет пока хозяева пойдут спать // Ей правда классно / я сначала думала / ну как она будет здесь?* (НКРЯ: Разговоры в компании у костра. Из коллекции Саратовского университета, 2002)

Средства синтаксической неподчинимости возможны не только в конструкции прямого цитирования, но и в бессоюзной конструкции (см. во введении о разграничении этих двух конструкций). Это происходит в силу того, что средства синтаксической неподчинимости необязательно свидетельствуют о прямом цитировании: они допустимы также в некоторых типах зависимых клауз (см. [Aelbrecht, Haegeman, Nye, 2012]; для русского языка – [Кобозева, 1999б]).

Сделаем небольшое отступление относительно временной интерпретации зависимых клауз при *думать*. Как известно, в языках с согласованием времен при прямом цитировании используются те же временные формы, что и в простом независимом предложении (например,

⁸ В целом, они допустимы при глаголе *думать* в том же значении, ср.:

- (i) *Потом я решила ничем не пользоваться, думала это [прыщи] мол из-за подросткового возраста.* (<http://kachestvo.ru/interesno/kak-izbavitsja-ot-pryshhej.html>).
- (ii) *А она думала это типа штатный фотограф Максима ей устроил импровизированную бесплатную фотосессию?* (<http://www.yaplakal.com/forum23/topic1431412.html>).

He said: I live in Moscow ‘Он сказал: Я живу в Москве’), в то время как при косвенном цитировании необходимо «адаптировать» временную форму в зависимой предикации к временному плану в главной (*He said he lived in Moscow* ‘Он сказал, что живет/жил в Москве’). То есть при косвенном цитировании временные формы в косвенной речи получают абсолютную интерпретацию (относительно точки отсчета в текущем речевом акте), а при прямом цитировании – относительную (относительно точки отсчета в описываемом речевом акте, т.е. в главной предикации). В русском языке, где нет обязательного правила согласования времен в двух частях сложного предложения, для передачи идеи одновременности в прошедшем (как в приведенном выше примере) может быть использовано как настоящее, так и прошедшее время (см. подробнее [Сай, 2016]), что соответствует абсолютной и относительной интерпретации временной формы, соответственно.

Можно было бы ожидать, что при прямом цитировании возможна только относительная интерпретация, в то время как в бессоюзной конструкции (где недопустимо прямое цитирование [Сердобольская, в печ.]) будут возможны обе. Однако это предположение не подтверждается. Мы рассматривали выборку примеров из НКРЯ на СА при прошедшем времени глагола *думать* без союза (как показано в [Сай, 2016], наиболее информативным контекстом для русского языка является контекст одновременности в прошедшем, ср. английские примеры выше). По нашим данным, как при прямом цитировании, так и в бессоюзной конструкции наиболее частотная интерпретация – относительная, ср. (3) с прямым цитированием и пример на бессоюзную конструкцию: *...я ошибочно думал это так двигатель из салона слышно* (www.octaviarussia.ru/forum/showthread.php?t=213&page=45). Примеры абсолютной интерпретации единичны и не вполне ясны; нами обнаружен ровно один такой пример для бессоюзной конструкции из 45 релевантных контекстов (из 200 случайно взятых примеров 45 релевантны для определения типа временной референции):

- (11) [Валентина Кудымова, жен] *И оні [дети в школе] не меша́ют / о́казывае́тся. Я́ ду́мала / оні́ мнѣ́ си́льно меша́ли / а́ я прихо́жу́ из шко́лы / я́ сажу́сь / рису́ю. Никто́ не меша́ет.* (НКРЯ: Полесск (Калининградская область). Д/ф из цикла «Письма из провинции». ТК «Культура». 2010)

Уточним, что трактовка временной референции бессоюзной конструкции затрудняется тем, что формула «а я думал» закрепляется в речи как сигнал несогласия и зачастую используется, даже если говорящий продолжает сохранять то же мнение на момент речи (такая интерпретация возможна и для примера (11)).

Для контекстов прямого цитирования обнаружено два примера, которые могут трактоваться и с относительной, и с абсолютной временной референцией, из 15 релевантных примеров (из 1000 случайно взятых предложений на запрос «думать без союза») лишь 15 контекстов релевантны для определения типа временной референции). Остальные примеры содержат относительную референцию. Таким образом, относительная референция возможна и широко представлена для обоих конструкций, хотя, чтобы судить о возможности абсолютной временной референции, необходимо привлекать более широкую выборку.

Преобладание относительной интерпретации для *думать* зафиксировано в работе [Сай, в печ.] и типологически ожидаемо согласное источникам, цитируемым в данной работе. В нашем случае, однако, это не дает возможности использовать временную интерпретацию как надежный критерий разграничения типов цитирования.

Итак, мы показали, что СА при *думать* могут в полной мере демонстрировать свойства прямого цитирования. Обратимся теперь к противопоставлению морфосинтаксических свойств начальных и срединных/конечных клауз с *думать*. Так как в этом смысле «пряморечные» конструкции обнаруживают то же противопоставление, что и бессоюзная конструкция vs. вводная, в следующем разделе мы сделаем небольшое отступление относительно синтаксических свойств последних двух конструкций.

3. Вводные и бессоюзные конструкции при *думать* в значении мнения⁹

В работе [Сердобольская, 2017] показано, что бессоюзные конструкции с глаголом *думать* неоднородны: часть из них представляет собой КСА, возглавляемые данным глаголом (12), в то время в других глагол *думать* имеет вводное употребление (13):

- (12) [Старшина милиции, Владимир Капустин, муж, 38, 1971]
А я думал / ты за назначением поехал. У нас должность начальника до сих пор свободная. (НКРЯ: Николай Досталь, Михаил Кураев. Петя по дороге в Царствие Небесное, к/ф (2009))
- (13) *Из общего числа людей, которые занимаются сравнительным языкознанием в мире, думаю, около 90 процентов занимаются индоевропейскими языками.* (НКРЯ: Сергей Старостин, Григорий Зеленко. У человечества был один праязык. «Знание – сила», 2003)

⁹ Уточним, что обе рассматриваемые конструкции возможны только для одного значения глагола *думать*, классифицируемого в [Апресян, 2015; Апресян, 2018] как *думать* 2.1 (значение мнения), см. подробнее данные работы, а также [Сердобольская, в печ.].

Данные конструкции достаточно сложно разграничить, учитывая, что более 90% примеров в корпусе содержит клаузу вида «личное местоимение + думать в индикативе» без каких-либо других элементов. Тем не менее, они демонстрируют целый ряд различий синтаксического плана.

Во-первых, вводные конструкции характеризуются свободой линейной позиции в составе включающего их предложения [Зализняк, 1992; Падучева, 1996, с. 321–334]:

(13)' а. *(Я) думаю, около 90 процентов компаративистов занимаются индоевропейскими языками.*

(Сконструированный пример)

б. *Около 90 процентов компаративистов, (я) думаю, занимаются индоевропейскими языками.*

(Сконструированный пример)

в. *Около 90 процентов компаративистов занимаются индоевропейскими языками, (я) думаю.*

(Сконструированный пример)

Как и в английском языке [Urmson, 1963; Thompson, Mulac, 1991; Thompson, 2002], вводные клаузы могут занимать любую позицию в составе предложения: начальную (в препозиции к содержанию мысли), конечную (в постпозиции) или срединную (в том числе она может разрывать именные группы и адъективные обороты, входящие в состав содержания мысли, как, например, *неизбежная в истории Людей* в предложении (14)). Напротив, бессоюзные КСА требуют начальной позиции клаузы с *думать* [Сердобольская, 2017].

(14) *«Запрет – центральная тема этой легенды, – пишет Толкин, пересказывая его сюжет в письме к М. Валдману, – неизбежная, я думаю, в истории Людей».*

(НКРЯ: Наталья Прохорова. Добродетели мира Толкина: деяние и недеяние. «Знание – сила», 1998)

Во-вторых, вводные конструкции накладывают запрет на ряд пространителей, которые свободно употребляются в СА (подробнее см. [Сердобольская, 2017]; дальнейшее изложение опирается на эту работу). Бессоюзные клаузы с *думать* вида (12) обладают свойствами простого независимого предложения: субъект в них может быть именем нарицательным, они могут включать различного вида обстоятельства¹⁰,

¹⁰ В отличие от бессоюзных конструкций, вводные клаузы с *думать* могут содержать обстоятельства только из закрытого списка, включающего *так, сейчас, порой, часто, невольно* и некоторые другие.

частицы, оценочные аппозиции, выделительные элементы или конструкции, а также средства синтаксической неподчинимости (в терминах [Падучева, 1990]). Например, главная клауза в (12) содержит частицу *а*, главная клауза с *думать* в (15) содержит обстоятельство времени *иной раз* и деепричастный оборот:

- (15) *Там, в дровозаготовительном морхлом бараке, я доходил до того, что **иной раз, боясь себя, думал**, не выдержу и зарублю, застрелю иль зарежу папу.*

(НКРЯ: Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991))

При перестановке клаузы с *думать* в срединную и конечную позицию данное предложение становится неграмматичным:

- (15)' * *Не выдержу и зарублю папу, **я иной раз думал**, боясь себя*¹¹.
(Сконструированный пример)

Вводные конструкции также не могут содержать средства синтаксической неподчинимости в терминах [Падучева, 1990], или явления главного предложения [Кобозева, 19996] (main clause phenomena [Emonds, 1970; Hooper, Thompson, 1973]). В число таких средств входят лексемы и конструкции, недопустимые в подчиненной предикации:

- (16) * *Бобби понял, что **честно говоря**, ему не на что рассчитывать.* [Падучева, 1990, с. 304]
(17) * *Иван просил вас напомнить, что **вон** книга, которая ему нужна.* [Там же, с. 316]
(18) * *Я сам знаю, что Иван-**то** справится.* [Там же]

Неграмматичность (16)–(18) связана с наличием в СА выделенных полужирным слов и сочетаний. Если их опустить или перефразировать, данные предложения (например, *Иван просил вас напомнить, что у вас на столе лежит книга, которая ему нужна для (17)*), данные примеры станут грамматичными. Между тем, в независимом предложении или в главной предикации в составе сложного предложения выделенные выражения вполне допустимы.

Как было показано рядом исследователей ([Aelbrecht, Naegeman, Nye, 2012]; для русского языка – [Кобозева, 19996]), средства синтаксической неподчинимости, тем не менее, возможны в некоторых типах зависимых клауз (например, *Иван давно занимается танцами, так что*

¹¹ Уточним, что такое предложение становится возможным при прямом цитировании, где субъект мысли находится в постпозиции к *думать* (*Не выдержу и зарублю папу, иной раз думал я, боясь себя*), см. далее раздел 4.

уж Иван-то справится), что обычно связывают с их способностью входить в ассерцию, обладать самостоятельной иллокутивной силой и т.п. (например, *так что* допускает различия в иллокутивной силе двух предикаций в одном предложении, ср.: *Иван – один из лучших танцоров, так что нужно ли ему идти на этот мастер-класс для новичков?*).

В работе [Сердобольская, 2016] показано, что вводные клаузы с *думать* в значении мнения не допускают средства синтаксической неподчинимости, а бессоюзная конструкция с *думать*, напротив, может включать такие средства. Например, начальная клауза с *думать* в (19а) звучит вполне естественно, в то время как при перестановке в срединную или конечную позицию (и тем самым, смены конструкции с бессоюзной на вводную) эта естественность теряется:

(19) а. *Так вот почему он думает, я виноват в его проблемах!*
[Сердобольская, 2016]

б. * *Я виноват, так вот почему он думает, в его проблемах!*

в. * *Я виноват в его проблемах, так вот почему он думает!*

Итак, вводные конструкции с *думать* (в отличие от бессоюзной конструкции) в значении мнения не могут содержать временные обстоятельства и деепричастные обороты, частицы, оценочные аппозиции, выделительные элементы или конструкции, а также средства синтаксической неподчинимости. Это согласуется с представлениями, согласно которым вводные конструкции с ментальными глаголами не вносят новой информации в дискурс, а служат для выражения субъективной и эпистемической оценки [Urmson, 1963; Thompson, Mulac, 1991; Падучева, 1996, с. 321–334; Thompson, 2002]. Из этого следует невозможность средств выражения информационной организации высказывания, оценочных аппозиций и других перечисленных выше элементов.

Таким образом, сочетания с *думать* в значении мнения, кроме конструкций цитирования, могут представлять собой бессоюзные КСА (12), (19а) или вводные конструкции (13). Начальные клаузы с *думать* могут быть отнесены и к первым, и ко вторым, в то время как срединные и конечные клаузы однозначно являются вводными и характеризуются значительной «редукцией» синтаксических свойств. Встает вопрос, как кластеризуются морфосинтаксические свойства конструкций прямого цитирования, рассмотренных в разделе 2. Верно ли, что они проявляют одни и те же свойства, вне зависимости от линейной позиции? Или же – что кажется вероятнее, исходя из невозможности императива и отрицания (ср. (3)'–(4)' во введении) – они также противопоставляют начальные клаузы срединным/конечным? Для ответа на этот вопрос

мы анализируем те свойства, которые оказались релевантны для бессоюзной и вводной конструкций.

Вводные конструкции, анализируемые в настоящем разделе, обозначают предположение [НОСС, 2003, с. 1130]. В [Сердобольская, в печ.] показано, что бессоюзная конструкция, анализируемая в настоящем разделе, может иметь значение предположения (*А я думаю, ты не прав*) или ложного мнения (*А я думал, ты еще на работе*). Ниже мы будем для краткости отсылать к обеим конструкциям как к конструкциям предположения.

4. Морфосинтаксические свойства и линейная позиция клаузы с *думать* при прямом цитировании

В разделе 2 показано, что *думать* может вводить конструкции прямого цитирования, как и глаголы речи. В языках мира клауза с глаголом, вводящим конструкцию цитирования, довольно часто служит для передачи «фоновой» информации и тяготеет по своим свойствам к парентетикам. Например, во многих языках глагол речи в конструкции цитирования может выступать в редуцированной форме¹² или опускаться полностью [Aikhenvald, 2004, p. 123]; СА при этом выступает в эвиденциальной форме, способной возглавлять независимое предложение. Полученная конструкция является не сложным предложением с СА, а простым независимым предложением.

Можно было бы ожидать, что конструкции прямого цитирования в русском языке способны проявлять такие же свойства. В частности, это наблюдается в хорошо известных примерах с редуцированной формой глагола речи *грит* (см., например, [Грамматика..., 1954, с. 409; Лаптева, 1976; Кобозева, 1999а и др.]):

- (20) *Он grit их grit в глину сунуть и они grit им grit ничего не будет.* [Лаптева, 1976, с. 138]

Данная форма не образует самостоятельной клаузы, где может быть выражено подлежащее, обстоятельства и другие зависимые глагола речи; она может повторяться несколько раз, что характерно для цитативных частиц (*мина, мол*) и некоторых типов дискурсивных маркеров. Содержание речи представляет собой простое независимое предложение и обнаруживает все свойства такового, в частности, способность включать средства синтаксической неподчинимости, ср. топиализацию *они* с местоименной копией *им* в (20).

¹² Например, в арчинском языке глагол речи редуцируется до морфологического показателя цитации, который, однако, способен приписывать падеж субъекту речи, см. [Daniel, 2006].

Общие свойства срединных клауз с глаголом речи и вводных конструкций отмечаются также в «Грамматике русского языка» под редакцией В.В. Виноградова: «Наибольшее интонационное единство вводящих слов и прямой речи создается при включении вводящих слов (слов автора – *Н.С.*) в прямую речь; в этом случае вводящие слова, в особенности, когда они представляют собой малораспространенную конструкцию, по своей синтаксической роли приближаются к вводному предложению» [Грамматика..., 1954, с. 410].

Встает вопрос, насколько клаузы с *думать* при прямом цитировании сохраняют клаузальные свойства (способность содержать обстоятельства, вложенные клаузы, фокусные частицы, средства синтаксической неподчинимости и т.п.). Как было показано в разделе 3, срединные и конечные клаузы с *думать* в конструкциях предположения кардинальным образом отличаются от начальных клауз (начальные могут представлять собой и бессоюзную, и вводную конструкции, а срединные и конечные однозначно классифицируются как вводные). Верно ли, что такое же противопоставление наблюдается для конструкции прямого цитирования?

Как известно, при прямом цитировании клауза с *думать* может находиться как в препозиции к содержанию мысли, так и в срединной или конечной позиции:

- (21) *Возвращаясь домой, **рейхссоветник** думал: «Шеф, вероятно, читает по-английски.»* (НКРЯ: Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964))
- (22) *«Я люблю его так, – **думала** тем временем **женищина**, – что не могу с ним расстаться.* (НКРЯ: Алан Черчесов. Венок на могилу ветра. «Знамя», 2000)
- (23) *«Интересно, за кого она меня принимает?» – **думает** **Женя**.* (НКРЯ: Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. «Новый Мир», 2000)

Во введении показано, что морфосинтаксис начальных клауз с *думать* устроен не так, как в срединных/конечных клаузах. Начальные клаузы допускают отрицание и императив, как и союзные клаузы с *что*. В срединных/конечных клаузах и отрицание, и императив не допускаются. При запросах «тире + императив глагола *думать*» и «тире + не + *думать*» в НКРЯ не находится ни одного примера искомой конструкции (из 227 найденных контекстов на императив и 317 контекстов на не *думать*). И наоборот, при запросе на императив глагола *думать* и на отрицание при *думать* (из 1000 предложений, случайно

выбранных системой) находятся только примеры начального расположения клаузы с *думать* перед прямой речью или иные конструкции.

Можно предположить, что срединные и конечные клаузы с *думать* демонстрируют и другие отличия от начальных клауз. Это предположение будет проверено ниже. Уточним, что речь идет именно о взаимном расположении клаузы с *думать* и клаузы с цитируемым материалом, а не об абсолютном начале/конце предложения. Далее, мы не учитываем случаи, когда клауза с *думать* предваряется частицей *а* или внешне-ситуационными обстоятельствами и вводными конструкциями (например, *в самом деле*), которые могут трактоваться как относящиеся к обем клаузам.

Во всех трех позициях клауза с *думать* может содержать имена нарицательные (в отличие от вводных конструкций в разделе 2). При срединной и конечной позиции субъект обычно находится в постпозиции к глаголу *думать*, как в (22)–(23), см. [Грамматика..., 1954, с. 410; Валгина, 1991, с. 404]. Обратный порядок встречается крайне редко: в частности, среди 300 случайно взятых примеров из НКРЯ на запрос «тире + существительное или местоименное существительное + *думать* без союза» лишь один пример (причем XIX в.) представляет собой искомую конструкцию:

- (24) *«Но ему незначем в магазин, – я подумал, – верно, это его дочка».* (НКРЯ: Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835))

Напротив, для бессоюзной конструкции характерен порядок «субъект + глагол *думать*». Из приблизительно 1000 примеров на бессоюзную конструкцию из НКРЯ нам не встретилось ни одного такого примера.

Клауза с *думать* при прямом цитировании может включать разного вида распространители, например деепричастные обороты, выражения эпистемической оценки и различные обстоятельства. Ср. (25), (27) и (28) с выражениями эпистемической оценки в разных позициях, (26), (27) и (28)–(29) – с деепричастными оборотами, (26) и (28) – с обстоятельствами времени.

Начальная позиция:

- (25) *Муж **наверное думает** ишь ты понавыставляла!* (Instagram photos)

- (26) ***Иногда, теряя равновесие**, я думал – вот, вот прыгну, чтобы не сорваться, но все-таки каждый раз удерживался и шел дальше.* (НКРЯ: Фазиль Искандер. Мой кумир (1965–1990))

Срединная позиция:

- (27) «Тоже ведь и я человек, – **может быть**, думал он или чувствовал, **подавая**, – перед богом-то все равны...»
(НКРЯ: Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862))

Конечная позиция:

- (28) «А это что еще за зверь и чем он может грозить мне здесь, в моей родной стихии?», – **вероятно**, думает он в **это время**, не **подозревая**, что в любую секунду может сделаться жертвой своего сверхлюбопытства.
(НКРЯ: Ю. Еврейский. Подводная охота в озерах Северного Казахстана. «Спортсмен-подводник» (1964))
- (29) «Или они нас, или мы – их!» – **думал** он голосом Зуры, **сомневаясь** теперь, не правильнее ли пойти поговорить с ним, прежде чем что-то делать.
(НКРЯ: Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007))

С точки зрения семантики и роли в структуре дискурса, клаузы с *думать* при прямом цитировании не похожи на вводные. Вводные конструкции с ментальными глаголами характеризуются как не обладающие коммуникативной значимостью в терминах [Крейдлин, 1983; Падучева, 1996, с. 325], т.е. неспособные входить в сферу утверждения/вопроса в утвердительно/вопросительном предложении, нести новую информацию и содержать логический акцент. Обычно вводные клаузы с ментальными глаголами содержат информацию об эпистемической или субъективной оценке истинности ассоциированной клаузы, а собственно новой информацией является предложение, включающее вводную конструкцию [Thompson, 2002; Dehé, Wichmann, 2010]. Например, в предложении *Отец, думаю, сегодня не придет* основная сообщаемая информация заключена в пропозиции *Отец сегодня не придет*. Сочетание *я думаю* является субъективной оценкой вероятности данной пропозиции. При этом клауза с *думать* лишена коммуникативной значимости в терминах [Крейдлин, 1983, Падучева, 1996, с. 321–334] и находится вне синтаксической и информационной организации высказывания, в соответствии с определением вводных конструкций в [Dehé, Kavalova, 2007].

В отличие от данных примеров с конструкциями предположения, клауза с прямым цитированием при *думать* во всех позициях – начальной, срединной и конечной – входит в нарративную цепочку и несет новую в данном дискурсе информацию:

- (30) *Лучшие бы запятую поставила вместо этих милли, а то я пока полностью пост не прочел все думал – бывают же такие девушки с ручным тормозом)))*
(<http://forum.mariupol.ru/lofiversion/index.php/t925p9837.html>)
- (31) А я **кивал и думал**: далась ей эта Африка?
(vk.com/topic-41296779_27581383)
- (32) *«Так, так! – думал он словами и слышал их в голове. – Мать-природа ведет все твари, каждую к своему пределу...»*
(НКРЯ: П.Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892))
- (33) *Вот и все, думал он, пока старательные стюардессы возили столики на колесах и раскладывали подносы с убогим по международным, но шикарным по отечественным меркам завтраком.*
(НКРЯ: Александр Кабаков. Очень сильный пол (2010))

Например, в (30) и (33) клауза с *думать* присоединяет обстоятельство предложение с союзом *пока*; в (31) и (32) она сочиняется с другим элементом нарративной цепочки.

Далее, клауза с *думать* при прямом цитировании может содержать логический акцент, ср. примеры, где лексемы *уже, совсем, даже, почти* и *самый* выделяют различные элементы в составе предикации с *думать* в начальной (34)–(35), срединной (36)–(37) и конечной позиции (38)–(39):

- (34) *Уже потом я стал думать, на что же гуси реагировали. На запах не могли...* (2045.ru/forum/67/406/)
- (35) *...я должен был вести их в атаку. и в самый ответственный момент я подумал а нафиг мне это все и пошел в другую сторону.*
(<http://forum.dreamhackers.org/lofiversion/index.php?t83-200.html>)
- (36) *«Кажется, я знаю, где встречу следующее утро, – подумала она, почти не пряча улыбку, – в его номере».* (Linn L. Бокал шампанского. 2015. Книга фанфиков. <https://ficbook.net/>)
- (37) *«А кушают его, – подумал Николай Демьянович и даже засмеялся, – с женой вместе.»*
(НКРЯ: Ю.В. Трифонов. Долгое прощание (1971))
- (38) *...и думал, ехать ли им домой или дождаться жены. Дождаться, думал он, совсем уже забыв, что твердо решил уезжать.* (НКРЯ: Ирина Богатырёва. Вернуться в Итаку (2012))

- (39) *«А как прогонят со службы и Семен Гаврилович не пошлет подачки, то через месяц с голоду помру»*, – **думал** он, нарочно в **самых унижительных** для себя выражениях, как будто кто-то с ним спорил и он вынужден был в ответ употреблять самые настоящие слова, полные неприкрытой жизненной правды. (НКРЯ: М.А. Алданов. Чертов мост (1925))

Таким образом, можно сделать вывод, что при прямом цитировании *думать* вне зависимости от позиции клаузы – начальной, срединной или конечной – сохраняет коммуникативную значимость.

Далее, рассматриваемая конструкция вне зависимости от линейной позиции допускает средства синтаксической неподчинимости (см. подробнее раздел 3). Во-первых, это дейктические элементы *вон* и *вот*: при цитации они возможны как для клауз начальной позиции, так и для клауз срединной и конечной позиции:

- (40) *Что-то у меня с походкой, небось **вон та девушка** думает – какой неуклюжий...*
(<http://forum.pickup.ru/index.php?/topic/20279-о-конгруэнтности>)
- (41) *Ладно, – кажется, **думает вон тот парень** с чубом и портативным мегафончиком, – начнем, помолясь, как научили в Киеве.*
(Игорь Найденов. Была такая Украина.
«Русский репортер». 11.08.2017)
- (42) – *Улыбайся улыбайся – **думает вон тот человек** на заднем плане.* (<http://www.pictaram.org/hashtag/матвейкабатарейка>)

Во-вторых, это средства выражения иллюкутивной силы высказывания и лексемы/конструкции, привязанные к конкретному иллюкутивному типу, например, сочетание *честно говоря, конечно*, наречие-интенсификатор *действительно* (ср. также выше примеры (40) и (41) с показателями субъективной модальности *небось* и *кажется*):

- (43) ***Честно говоря** думаю – зачем жениться, если отношения меня уже не устраивают.*
(<http://www.svadbaspb.ru/forum/razdel25/tema24297/skip30/>)
- (44) *И когда эта любовь тебе дорого стоит, тогда **действительно** думаешь: да, пожалуй это может помочь...*
(НКРЯ: Митрополит Антоний (Блум). О некоторых категориях нашего тварного бытия (1966))

- (45) *«Замечают и в России эту мою инсинуационную фразу о социализме, – тут же думает он, конечно, про себя, – надо и Россию пугнуть».* (НКРЯ: Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876))
- (46) *«Откуда он знает, что я от самого Туруханска не спал?.. – подумал он, действительно проваливаясь в полудрему. – Неужели тот конвоир следил и передал?»* (НКРЯ: Андрей Ерпылев. «Слуга царю...» (2017))

Уточним, что в (46) рассматриваемое сочетание относится к клаузе, вложенной в главную клаузу с *думать*. Тем не менее, это говорит о том, что клауза *подумал он* здесь не является вводной, т.к. во вводных клаузах с *думать* такая конструкция недопустима.

Далее, при прямом цитировании клауза с *думать* допускает эмфатические частицы, которые обычно невозможны в зависимых клаузах, ср. частицу *же* при *думать* в начальной (47), срединной (48) и конечной (49) позиции.

- (47) *И вот в Астрахани, первый раз придя в храм, на иконе замечаю те самые три фигуры из детского видения! И сразу же подумал: «Я пришел к себе. К себе домой...»* (НКРЯ: Андрей Клочков. Грозы и солнце мая. «Православная Москва», 12.05.2017)
- (48) *Но это, тут же подумал Колян, Байщик, может, даже специально для распускания паники рассказывает, а они ему за это консервы сбрасывают...* (НКРЯ: Сергей Булыга. Правило правой руки (2016))
- (49) *Валентина Афанасьевна обернулась на крик. «Не может быть!» – подумала она сразу же. Чутьем поняла, что обхода не может быть.* (НКРЯ: Петр Павленко. Валентина Плющ. «Правда», 9.02.1940)

Итак, срединные и конечные клаузы с *думать* проявляют те же синтаксические свойства (наличие различного рода распространителей, фокусных частиц, вложенных клауз, средств синтаксической неподчинимости), что и начальные. Следовательно, можно сделать вывод, что они, так же, как и начальные клаузы, не являются вводными и (за исключением допустимости императива и отрицания) не демонстрируют редукцию главной клаузы. Этим конструкции прямого цитирования отличаются от конструкций предположения: в последних

срединные и конечные клаузы с *думать* однозначно классифицируются как вводные и включают «синтаксически редуцированные» клаузы (см. подробнее [Сердобольская, 2017]).

Конечно, это не означает, что *думать* при прямом цитировании не может употребляться вводно. Такая возможность зафиксирована в работе [Кобозева, 1999а], где обсуждаются различные лексикализованные формы ментальных и речевых глаголов (такие как *грит*, *знаешь*, ср. англ. *you know, I guess* [Thompson, 2002]), например, *думаю* в составе предложения *Дай, думаю, посплю часок*. Такие конструкции отличаются от описанных выше по ряду параметров (см. подробнее [Кобозева, 1999а]). В частности, в них представлена не вся глагольная парадигма: например, невозможно прошедшее время и совершенный вид:

(50) * *Дай, подумал, посплю часок*. (Сконструированный пример)

В таких случаях в быстрой речи наблюдается фонетическая редукция (*Дай*, [*дум*], *схожу за сигаретами*). Наблюдается также синтаксическая редукция главной клаузы: в частности, невозможно выражение субъекта, обстоятельств, частиц, ср.:

(50)' ?? *Дай, сразу думаю, посплю часок*.

(Сконструированный пример)

Уточним, что добавление субъекта не приведет к неграмматичности; однако если вставить в данный пример субъект, получится другая конструкция, в которой нет фонетической редукции и возможны любые обстоятельства, частицы и другие средства, перечисленные выше. Более того, интуитивно кажется, что более естественно пример будет звучать, если изменить позицию клаузы с *думать*, например:

(50)" *Я подумал, дай посплю часок*. (Сконструированный пример)

(51) *Я сразу думаю, дай попробую игру закачать*. (<https://forums.drom.ru/novosibirsk-life/t1151309636-p44.html>)

То есть, конструкция с лексикализованной формой меняется на конструкцию прямого цитирования, способную содержать все возможные распространители, как показано выше. В таких употреблениях глагол *думать* имеет функцию “backchannel” – «для активации внимания слушающего, для поддержания контакта с ним», ср. *знаешь*, *понимаешь*, *слушай* [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981, с. 258].

Таким образом, противопоставляются отдельные лексикализованные формы *дум(аю)* (*знаешь*, *грит*) и клаузы, способные включать субъект, глагол *думать* в любой форме, различные частицы, обстоятельства и т.п.

В результате, при глаголе *думать* противопоставляются следующие конструкции без союза.

1. Конструкция прямого цитирования: пример (3) из введения; два подвида данной конструкции – с начальной и срединной/конечной позицией главной клаузы.

2. СА при *думать*: бессоюзная конструкция предположения: пример (2) из введения.

3. Вводная конструкция предположения пример (1) из введения.

4. Простое предложение, содержащее лексикализованные формы *думаю, думаешь, думаете*.

5. Заключение

Итак, в работе исследовалась конструкция прямого цитирования с глаголом *думать*. Было показано, что выражение содержания мысли при *думать* содержит все характерные признаки прямого цитирования, которые обычно выделяются в работах по цитированию при глаголах речи. Далее мы доказали, что такая конструкция (почти) не предполагает редукцию синтаксических свойств главной клаузы, как это происходит в случае конструкций предположения. Это выражается в том, что при прямом цитировании клауза с *думать* может присоединять имена нарицательные в позиции субъекта, модифицироваться обстоятельством, деепричастным оборотом, эпистемическими выражениями и средствами синтаксической неподчинимости. Эти свойства сохраняются вне зависимости от позиции клаузы с *думать* по отношению к СА: начальной, срединной или конечной. Согласно [Падучева, 1990], это свидетельствует о том, что в данных конструкциях имеется два независимых речевых акта, обладающих различной иллокутивной силой и полярностью. Такое равноправие на дискурсивном уровне выражается на синтаксическом уровне отсутствием союза.

Соответственно, полипредикативные конструкции с глаголом *думать* без союза образуют три типа: конструкцию прямого цитирования, бессоюзную конструкцию предположения и вводные сочетания. Кроме того, употребляются лексикализованные формы глагола *думать* (*думаю, думаешь, думаете*), не присоединяющие субъект и допускающие сильную фонетическую редукцию.

Суммируем морфосинтаксические свойства всех рассмотренных конструкций в таблице 2.

Рассмотренные конструкции кластеризуются по следующим признакам. Допустимость императива и отрицания выделяют самый «самостоятельный» из всех типов конструкций: начальные клаузы с *думать* при прямом цитировании. Далее, срединные/конечные клаузы при прямом

цитировании по своим свойствам сближаются с бессоюзной конструкцией предположения. В них почти нет редукции главной клаузы; они функционируют в дискурсе как самостоятельные единицы (способные включать логический акцент и сочиняться с элементами нарративной цепочки). Однако глагол *думать* в этих конструкциях не может выступать в императиве и присоединять отрицание.

Таблица 2

**Морфосинтаксические свойства клаузы с глаголом *думать*
в полипредикативных конструкциях без союза
(в сопоставлении со свойствами лексикализованных форм *думать*)**

Тип конструкции	Позиция клаузы с <i>думать</i> по отношению к клаузе, выражающей содержание мнения	Отрицание	Императив	Имя нарицательное в позиции субъекта, обстоятельство, частицы и т.п. в клаузе с <i>думать</i>	Средства синтаксической неподчинимости	Способность входить в нарративную цепочку, содержать логический акцент
1. Конструкция прямого цитирования	Начальная	+	+	+	+	+
	Срединная	–	–	+	+	+
	Конечная	–	–	+	+	+
2. Бессоюзная конструкция	Начальная	–	–	+	+	+
3. Вводная конструкция	Начальная, срединная, конечная	–	–	–	–	–
4. Лексикализованные формы <i>думать</i>	Начальная, срединная, конечная	–	–	–	–	–

Вводные конструкции с *думать* представляют собой редуцированный тип: в них не может быть нарицательных имен в позиции субъекта (за исключением маргинальных примеров, где субъект – фокус эмпатии), фокусных частиц, вложенных клауз, средств синтаксической неподчинимости и обычно нет обстоятельств (за исключением закрытого списка: *так, сейчас, порой, часто, невольнo* и некоторых других). Вводные конструкции содержат фоновую информацию и не могут быть

частью нарративной цепочки. Наконец, завершают данное сопоставление лексикализованные формы *думать* [Кобозева, 1999а], где невозможно выражение каких-либо зависимых, наблюдается фонетическая редукция и неполнота глагольной парадигмы.

Что касается конструкций прямого цитирования, можно констатировать, что они неоднородны по своим свойствам: при начальной позиции клауза с *думать* может содержать отрицание и императив, в то время как при срединной и конечной позиции это невозможно. В целом, можно наблюдать интересную закономерность, которая работает как для прямого цитирования, так и для конструкций предположения: начальная позиция главной клаузы в КСА способствует ее большей самостоятельности, в то время как срединная и конечная позиции требуют редукции ее морфосинтаксических свойств.

Библиографический список / References

Апресян, 2015 – Апресян Ю.Д. Синтаксическая информация для Активного словаря русского языка // *LingVaria* (X). 2015. Kraków, 2015. С. 13–27. [Apresjan J. Syntactic information for 'Active dictionary of Russian'. *LingVaria* (X) 2015. Kraków, 2015. Pp. 13–27.]

Апресян, 2018 – Апресян Ю.Д. Статья глагола *думать* // Активный словарь русского языка. Т. 2. Д–Е / Апресян Ю.Д. (отв. ред.). М., 2018. С. 280–282. [Apresjan J.D. Article on the verb *dumat'* 'think'. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka*. T. 2. D–E. Apresjan J.D. (ed.). Moscow, 2018.]

Валгина, 1991 – Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991. [Valgina N.S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of Modern Russian]. Moscow, 1991.]

Валгина, Розенталь, Фомина, 2006 – Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М., 2006. [Valgina N.S., Rosental D.E., Fomina M.I. *Sovremennyy russkij yazyk* [Modern Russian]. Moscow, 2006.]

Гвоздев, 1965 – Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. [Gvozdev A.N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Sketches on Russian stylistics]. Moscow, 1965.]

Грамматика..., 1954 – Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградов. М., 1954. [Grammatika russkogo yazyka [A grammar of Russian]. Vinogradov V.V. (ed.). Moscow, 1954.]

Зализняк, 1992 – Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikativ vnutrennego sostoyaniya* [Studies on the semantics of inner state predicates]. München, 1992.]

Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. [Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Shiryayev E.N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian spoken language. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, 1981.]

Кобозева, 1999a – Кобозева И.М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика / Под ред. Рахилиной Е.В., Тестельца Я.Г. М., 1999. С. 539–543. [Kobozeva I.M. On two types of parenthetical constructions. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika*. Rahilina E.V., Testelec Ya.G. (eds.). Moscow, 1999. Pp. 539–543.]

Кобозева, 1999b – Кобозева И.М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивной самостоятельной придаточной частью. Доклад на Third European Conference on “Formal Description of Slavic Languages”, университет г. Лейпциг, 2 декабря 1999. [Kobozeva I.M. The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionary – independent subordinate clause. Talk at the Third European Conference on “Formal Description of Slavic Languages”, Leipzig University, 2^d December 1999.]

Крейдлин, 1983 – Крейдлин Г.Е. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. М., 1983. [Krejdlin G.E. Some syntactic properties of complement-taking predicates. *Semiotika i informatika*. Vol. 21. Moscow, 1983.]

Кручинина, 1990/1998 – Кручинина Н.И. Прямая речь. Косвенная речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (Переиздан как: Большой энциклопедический словарь «Языкознание». М., 1998.) [Kruchinina N.I. Direct speech. Indirect speech. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'*. Moscow, 1990. (2^d edition as Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' «Yazykoznanie». Moscow, 1998.)]

Лаптева, 1976 – Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976. [Lapteva O.A. *Russkij razgovornyj sintaksis* [Colloquial Russian Syntax]. Moscow, 1976.]

Литвиненко и др., 2009 – Конструкции с цитацией, или «чужой речью» / Литвиненко А.О., Коротаев Н.А., Кибрик А.А., Подлеская В.И. // «Рассказы о сновидениях»: корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. Кибрика А.А., Подлеской В.И. М., 2009. С. 288–309. [Litvinenko A.O., Korotaev N.A., Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Constructions with citation, or "someone else's speech". *«Rasskazy o snovideniyah»: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds.). Moscow, 2009. Pp. 288–309.]

НОСС, 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна М.; Вена, 2003. [Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Apresyan Yu.D. (ed.). Moscow; Vienna, 2003.]

Падучева, 1990 – Падучева Е.В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчиненность // *Revue des études slaves*. Т. 62. Fascicule 1–2. L'énonciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte. Sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk. Paris, 1990. С. 303–320. [Paducheva E.V. Between sentence and statement: subjective modality and syntactic insubordination. *Revue des études slaves*. Т. 62. Fascicule 1–2. L'énonciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte. Sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk. Paris, 1990. Pp. 303–320.]

Падучева, 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. [Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom*

yazyke. Semantika narrativa [Studies in semantics. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, 1996.]

Пешковский, 2001 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. [Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in linguistic research]. Moscow, 2001.]

Подлесская, 2017а – Подлесская В.И. «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». Вып. 16 (23). Т. 2. М., 2017. С. 355–371. [Podlesskaya V.I. “Ja skazhu tebe s poslednej prjamotoj”: Direct and indirect speech viewed through the prism of prosodically annotated corpus data. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialog”*. Vol. 16 (23). Part 2. Moscow, 2017. Pp. 355–371.]

Подлесская, 2017б – Подлесская В.И. Стратегии передачи чужой речи в устном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2017». СПб., 2017. С. 287–294. [Podlesskaya V.I. Direct and indirect speech reporting strategies in spoken and written discourse: a comparative corpus study. *Proceedings of the international conference «Corpus linguistics–2017», June 27–30, 2017, St. Petersburg*. St. Petersburg, 2017. Pp. 287–294.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 2. Moscow, 1980.]

Сай, 2016 – Сай С.С. Время в русских финитных сентенциальных акантах: нейтрализация и точка отсчета // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 10. М., 2016. С. 256–274. [Saj S.S. Tense in Russian finite complement clauses: neutralization and point of reference. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Vol. 10. Moscow, 2016. Pp. 256–274.]

Сай, в печати – Сай С.С. Взаимодействие категорий времени и репрезентации в русском языке // Взаимодействие грамматических категорий. Типологический аспект / Мальчуков А.Л., Храковский В.С. (ред.). СПб. [Saj S.S. Interaction between tense and finiteness in Russian. *Interaction between grammatical categories. Typological studies*. Mal'chukov A.L., Hrakovskij V.S. (eds.). St. Petersburg. In press.]

Сердобольская, 2016 – Сердобольская Н.В. Явления синтаксической неподчиненности в актантных предложениях с глаголом думать // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 275–295. [Serdobol'skaya N.V. Phenomena of syntactic insubordination in actant sentences with the verb *dumat'* 'think'. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Vol. 10. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii» (30 maya – 1 iyunya 2016 g.). Moscow, 2016. Pp. 275–295.]

Сердобольская, 2017 – Сердобольская Н.В. Бессоюзные актантные предложения с глаголом думать в русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 7–35. [Serdobol'skaya N.V. Asyndetic complement clauses with the Russian Verb *dumat'* 'think'. *Voprosy yazykoznanija*. 2017. № 5. Pp. 7–35.]

Сердобольская, в печати – Сердобольская Н.В. Бессоюзная конструкция при глаголе *думать* в русском языке. В печати. [Serdobol'skaya N.V. Asyndetic construction with a verb to *dumat'* 'think' in Russian. In press.]

Aelbrecht, Haegeman, Nye, 2012 – Aelbrecht L., Haegeman L.M.V., Nye R. Main Clause Phenomena: New Horizons (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 190). Amsterdam/Philadelphia, 2012.

Aikhenvald, 2004 – Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford, New York, 2004.

Daniel, 2006 – Daniel M. Reported speech in Archi: A new approach to the old data. Handout of the talk given at international conference “Morphosyntaxe des langues du Caucase”, Paris 11–14 décembre 2006.

Dehé, Kavalova, 2007 – Dehé N., Kavalova Y. Parentheticals. (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106). John Benjamins, 2007.

Dehé, Wichmann, 2010 – Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic evidence for use as main clause, comment clause and discourse marker. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 1. Pp. 36–74.

Emonds, 1970 – Emonds J. Root and Structure-preserving Transformations. Ph.D. dis. MIT, 1970.

Hooper, Thompson, 1973 – Hooper J.B., Thompson S.A. On the applicability of root transformations. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. № 4. Pp. 465–497.

Noonan, 1985 – Noonan M. Complementation. *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2: Complex Constructions. Shopen T. (ed.). Cambridge, 1985. Pp. 42–140.

Thompson, Mulac, 1991 – Thompson S.A., Mulac A. The discourse conditions for the use of the complementizer that in conversational English. *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 237–251.

Thompson, 2002 – Thompson S.A. ‘Object complements’ and conversation: towards a realistic account. *Studies in Language*. 2002. Vol. 26. № 1. Pp. 125–164.

Urmson, 1963 – Urmson J.O. Parenthetical verbs. *Philosophy and ordinary language*. Ch.E. Caton (ed.). Urbana, Chicago, London, 1963. Pp. 220–240.

Статья поступила в редакцию 24.09.2017

The article was received on 24.09.2017

Сердобольская Наталья Вадимовна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания РАН, г. Москва; заведующий лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет

Serdobolskaya Natalia V. – PhD in Philology; senior researcher at the Finno-Ugric group of Ural-Altaic Department, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; head of the Laboratory for Linguistic Typology of the Institute of Modern linguistic studies, Moscow Pedagogical State University

E-mail: serdobolskaya@gmail.com

А.А. Коренев

Московский государственный университет им. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Обратная связь в обучении и педагогическом общении

Статья посвящена рассмотрению понятия «обратной связи» в педагогике, психологии и лингвистике. Давая исторический обзор изучения обратной связи в России и за рубежом, автор уделяет внимание интерпретации данного понятия в лингвистике и психологии, а также дуализму понимания обратной связи в педагогике. В статье также определяется роль обратной связи в процессе оценивания, приводится развернутая типология обратной связи и даются методические рекомендации по предоставлению качественной обратной связи.

Ключевые слова: педагогическая обратная связь, академическая обратная связь, оценивание для обучения, мотивация, педагогическое общение.

A.A. Korenev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119234, Russian Federation

Feedback in learning, teaching and educational communication

The article looks at the notion of 'feedback' in education, psychology and linguistics. Giving a historical overview of feedback-related studies in Russia and abroad, the author focuses on the interpretation of this notion in psychology and linguistics, as well as the dual nature of its understanding in education. The article also defines the role of feedback in the assessment process, gives an extended typology of feedback and provides methodological recommendations on giving feedback.

Key words: teacher's feedback, academic feedback, assessment for learning, motivation, pedagogical communication.

1. Введение

В последнее время в исследовательской литературе уделяется большое внимание процессам диагностики, оценивания и контроля в образовании. Среди функций контроля выделяются, в частности, мотивирующая и оценивающая, в связи с чем встает вопрос о том, насколько процедуры оценивания позволяют мотивировать учащихся, способствовать осознанию ими собственного уровня компетенций, и о том, какие шаги нужно предпринять для повышения этого уровня. Для того чтобы данные цели достигались, принципиально важно умение педагога сообщать учащемуся информацию по итогам оценивания, при этом под оцениванием в данном случае понимается не только итоговый и промежуточный, но также и текущий контроль в классе.

Актуальность затрагиваемых в статье вопросов также подчеркивается современным контекстом личностно-ориентированного образования, характерными чертами которого являются межличностный диалог между субъектами образовательной деятельности, рост учебной автономии, совместная ответственность за результаты обучения. Для всех этих процессов крайне важен регулярный и профессиональный обмен информацией о ходе обучения, который может быть реализован посредством обратной связи.

В отечественной традиции принято рассматривать педагогическое общение и отношения субъектов образовательной деятельности как комплексную проблему, в то время как в западной традиции большое внимание уделяется компонентам данного общения. Обратная связь (feedback) является достаточно важным объектом исследования зарубежных ученых, и в данной статье предпринята попытка проанализировать это понятие в контексте педагогического общения.

2. Понятие об обратной связи в лингвистике, психологии и педагогике

Термин «обратная связь» используется по-разному в лингвистических, психологических и педагогических исследованиях. В связи с этим представляется необходимым осветить значения данного термина и проследить историю его использования в собственно педагогических исследованиях.

В наиболее общем плане можно сказать, что под обратной связью в теории коммуникации понимается ответная реакция адресата на сообщение отправителя. В своей статье «Функциональная роль обратной связи в структуре речевой деятельности» А.А. Калашников отмечает, что «конечным «звеном» в структуре речевой деятельности должна выступать не реализация этой деятельности (продукция или рецепция),

а следующее за этапом реализации установление обратной связи и анализ обратной реакции, а также сопоставление с ожидаемым результатом и принятие на этой основе решений относительно дальнейшего протекания речевой деятельности и коммуникации в целом» [Калашников, 2011, с. 21]. Опираясь на названные К. Мертенсом «структурой ожидания» мыслительные процессы, А.А. Калашников связывает обратную связь с процессом самоанализа субъекта речевой деятельности на речевом и кинестетическом уровне и сопоставления результатов коммуникации с идеальным представлением о данном результате в сознании субъекта, а также с сопоставлением обратной реакции собеседника с идеальным представлением. Данная обратная реакция влияет на речевое поведение в дальнейшем. Так, например, если собеседник демонстрирует непонимание или удивление, то может быть принято решение о повторном объяснении, перефразировании, изменении темпа речи и использовании невербальных средств. А.А. Калашников отмечает, что обратная связь может быть немедленной или отсроченной (например, в ситуации письменной коммуникации). Таким образом, можно выделить следующие важные черты определения «обратной связи» в лингвистике и теории коммуникации:

- рассматривается в контексте интеракции;
- связана с процессом рефлексии субъекта речевой деятельности;
- влияет на дальнейшее речевое поведение субъекта коммуникации.

Все эти черты представляются важными, т.к. они обуславливают связь термина «обратная связь» в лингвистике с некоторыми функциями обратной связи в процессе обучения, о которых пойдет речь далее в этой статье.

Хороший исторический обзор осмысления понятия «обратная связь» в зарубежной психологии (в том числе, в педагогической психологии) приводится в диссертационном исследовании К. Уэйбелла [Weibell, 2011]. Осознание влияния обратной связи в ее современном значении и закрепление термина связано с биологическими и психологическими основами педагогики и появляется в эпоху бихевиоризма в начале XX в. Одним из первых понятие обратной связи в его биологическом смысле использовал в 1914 г. Дж.Б. Уотсон, выделивший две формы обратной связи: наказание или удовлетворение потребности [Watson, 1914]. Дальнейшее обоснование обратной связи связывают с «законом Эффека» Э.Л. Торндайка, согласно которому «для реакции, за которой следует вознаграждение или состояние удовлетворения, вероятность повторения возрастает, а для реакции, вызывающей вредное или неприятное последствие, вероятность повторения снижается» [Thorndike, 1931]. Таким образом, было доказано, что наиболее сильным стимулирующим

потенциалом обладает позитивная обратная связь, за ней следует негативная обратная связь, а наименьшим стимулирующим потенциалом обладает отсутствие обратной связи.

В дальнейшем бихевиористское понимание обратной связи получило развитие в работах Б. Скиннера [Skinner, 1961], в которых влияние на поведение оказывалось через последствия данного поведения в зависимости от результата, а также были введены термины «положительного» и «отрицательного» подкрепления, прочно вошедшие в педагогическую терминосферу. Также Skinner указывал на необходимость «неотложности подкрепления», которое должно наступать фактически синхронно с желаемым поведением. С данным исследованием можно связать определение «обратной связи», данное почти 100 лет спустя, в 1996 году, А. Клюгером и А. Де Ниси: «действия внешнего субъекта по предоставлению информации по некоторым аспектам выполнения задания» [Kluger, DeNisi, 1996, с. 260].

У.К. Эстес выделяет мотивационный и информационный компоненты подкрепления. Мотивационный компонент относится к источнику подкрепления и восприятию его как приносящему радость или страдание, а информационный направлен на определение правильности или неправильности ответа [Estes, 1967].

Дж. Брунер связал понятие «обратная связь» с оцениванием и контролем. Оценивание было названо им одним из трех аспектов обучения, а под обратной связью он понимал входящую информацию, сообщающую учащемуся о том, насколько адекватно его понимание отражает мир вокруг него [Bruner, 1961]. Это определение можно соотнести с представлением об обратной связи у представителей конструктивизма, которые отметили, что новая информация способствует появлению и развитию когнитивных структур, позволяющих переосмысливать предыдущие гипотезы [Brooks, Brooks, 1967].

В отечественных исследованиях, затрагивавших обратную связь, можно выделить исследования Л.С. Выготского, в которых описывается генетически исходная форма обратной связи для человека, на основании которой изначально формируется сознание ребенка – обратная связь от матери. Данная обратная связь является примером социального подкрепления и формирует основу для дальнейшего самоподкрепления. Так формируются собственные стратегии обратной связи и ожидания обратной связи от других людей.

Л.А. Петрушенко и К.А. Бессонов также связывают обратную связь, которую сообщает преподаватель и которую получает сам преподаватель от студентов, со способностью «самостоятельно поддерживать (в определенных пределах) нормальный процесс жизни и линию

поведения в изменяющихся условиях» [Петрушенко, 1967; Бессонов, 2016], т.е. способностью к адаптации, саморазвитию. А все межличностное общение преподавателя и студентов образует единую целостную систему, является проявлением причинно-следственной связи, в которой обратная связь представляет собой причину и обуславливает дальнейшие действия субъектов [Бессонов, 2016] (в статье К.А. Бессонова данный принцип относится исключительно к деятельности преподавания, но представляется возможным рассмотреть данное взаимодействие шире, в контексте учения).

О.В. Соловьева называет обратную связь важным фактором повышения точности восприятия другого человека, помогающим откорректировать образ и способствующим более точному прогнозу поведения партнера по коммуникации [Соловьева, 1992]. Понимание обратной связи в отечественной школе социальной психологии профессора Л.А. Петровской связано с определением обратной связи Б. Оберхофа, т.е. «намеренное вербальное сообщение другому лицу того, как его поведение или последствия его поведения были восприняты или пережиты» [Oberhoff, 1978]. Для отечественной школы важен был учет деятельностных контекстов при определении обратной связи, таким образом, обратная связь была связана с качеством деятельности и эффективностью коммуникации. В контексте модели информационного обмена, приводимой в одном из последних отечественных исследований по данной тематике, эффективная обратная связь определяется как такая, которая приводит к изменению поведения реципиента в ожидаемом направлении [Аймяга, Аймаутова, Онзимба, 2014].

Подводя итог, можно отметить, что обратная связь, появившаяся как понятие в педагогической психологии в эпоху бихевиоризма, остается важным объектом исследований в лингвистике, социальной и педагогической психологии (один из последних обзоров по данной тематике обобщает более 7000 исследований) [Hattie, Timperley, 2007].

3. Дуализм понятия «обратная связь» в педагогических исследованиях

Следует отметить, что и в отечественных, и в зарубежных работах, посвященных феномену «обратной связи» в образовании, можно наблюдать два зеркальных представления о данном явлении. С одной стороны, многие отечественные исследователи, говоря об обратной связи, фокусируются на той обратной связи, которую дают студенты преподавателю во время или по итогам обучения [Лукьяненко, 2007; Бессонов, 2016; Кукуев, Соловьева, Федина, 2016]. Следовательно, по мнению

исследователей, основной формой организации и фиксации обратной связи является опрос [Кукуев, Соловьева, Федина, 2016]. Такие опросы с целью анализа мнений студентов о качестве образования применяются во многих образовательных учреждениях. Особенно интересной в данной связи представляется работа К.А. Бессонова, который анализирует каналы обратной связи в контексте высшего образования. С другой стороны, данное в приводимой статье определение обратной связи, которое представлено в виде, предложенном ранее в работе Т.Е. Клец, – «продукт анализа, рефлексии и наблюдения, получаемый преподавателем от себя и от партнеров по совместной деятельности» [цит. по: Бессонов, 2016], – представляется несколько односторонним и не рассматривающим ответную обратную связь, которую преподаватель сообщает студентам.

Наиболее широкое определение обратной связи в данном понимании приводится в работе О.Д. Лукьяненко: «обратное влияние педагогической системы (и процесса обучения, в частности) на саму себя, вследствие чего изменяются все компоненты данной системы» [Лукьяненко, 2007]. О.Д. Лукьяненко подчеркивает контролирующую и корректирующую функции обратной связи. Интересно, что при этом в приводимых работах почти не уделяется внимания той обратной связи, которую должен предоставлять преподаватель студентам на регулярной основе. Таким образом, в большинстве отечественных педагогических работ, посвященных обратной связи, внимание сфокусировано на информации, получаемой преподавателем от студентов или работодателей об эффективности образовательного процесса. Данное понимание обратной связи можно соотнести с терминами «student feedback» или «student voices», используемыми в зарубежных работах.

С другой стороны, обращаясь к зарубежным исследованиям, а также к работам отечественных психологов, хочется остановиться на той обратной связи, которую должен сообщать педагог своим учащимся. В данном значении было бы удобно использовать достаточно широкое определение, которое дают обратной связи новозеландские исследователи Дж. Хэтти и Х. Тимперли: «информация, сообщаемая субъектом (учителем, сверстником, родителем... самим обучаемым) об аспектах чьей-то деятельности и понимания» [Hattie, Timperley, 2007, p. 81]. В цитируемой работе отмечается, что обратная связь может оказывать сильное положительное или отрицательное влияние на обучение и успеваемость. Обратная связь не должна рассматриваться в вакууме, в отрыве от контекста обучения, в котором она сообщается. Американский

ученый Р. Кулхави еще в 1977 г. доказал, что если изучаемый материал является непонятным, то обратная связь является малоэффективной, т.к. не происходит сопоставления новой информации с уже известной. Также он отметил, что обратная связь сама по себе не обязательно ведет к какому-то действию, все зависит от качества и характеристик обратной связи в каждом случае. Обобщив 7000 исследований на тему обратной связи, Дж. Хэтти и Х. Тимперли делают вывод, что наиболее сильным эффектом обладает обратная связь, в которой есть информация о выполняемом задании и о том, как его лучше выполнить, а меньшей эффективностью обладают обобщенные похвала, вознаграждение и наказание.

Таким образом, во втором значении «обратная связь» («feedback») понимается как *информация, получаемая учащимся в ответ на определенные действия в процессе образования и соотносимая с процессами и результатами обучения и воспитания*. В качестве источника обратной связи может выступать педагог (прямо или опосредованно), любой другой субъект образовательного процесса, включая сверстников и родителей, а также сам обучаемый. Обратная связь должна соотноситься с контекстом, целями и содержанием воспитания и обучения.

Для преодоления обозначенного в данном обзоре дуализма предлагается использовать термин *«педагогическая обратная связь»*, используя определение выше, характеризующее ту обратную связь, которую получают учащиеся (студенты), и *«академическая обратная связь»*, говоря об обратной связи, которую сообщают студенты (ученики) или другие участники педагогического процесса о самом процессе, содержании, методах, формах и средствах обучения.

4. Педагогическая обратная связь и оценивание

Традиционно к педагогической обратной связи обращались в первую очередь в контексте процессов оценивания и контроля. Распространенная в настоящий момент в зарубежной педагогике парадигма «оценивания для обучения» (assessment for learning), противопоставляемая традиционному «оцениванию обучения» (assessment of learning), подразумевает повышенное внимание к обучающей функции контроля, внимание к нестандартизированным формам контроля, детальное изучение внешней валидности процедур оценивания и положительного и отрицательного эффекта, которое оценивание может иметь на обучение (эффект обратной связи оценивания). Разумеется, в данной связи большое внимание уделяется пониманию учащимися конструкта, целей, формата и критериев оценивания, а также той педагогической обратной связи, которую они получают в процессе и по итогам контроля.

В отечественной педагогике также обозначается связь между контролем и педагогической обратной связью. В статье «О формирующем контроле и информативной обратной связи при проектировании курсов» авторы отмечают важность быстрой и информативной обратной связи [Максименкова, Незнанов, Подбельский, 2014]. Обратную связь можно рассмотреть в контексте профессиональных и коммуникативных компетенций преподавателя, относящихся к контролю, повышению качества образования и оценивания.

К сожалению, умение предоставлять качественную педагогическую обратную связь не находят должного отражения в отечественных регулирующих документах. Так, в профессиональном стандарте «Педагог» среди целевых умений можно увидеть умение «объективно оценивать знания обучающихся на основе тестирования и других методов контроля в соответствии с реальными учебными возможностями детей» и «осуществлять контрольно-оценочную деятельность в образовательном процессе», но никакой информации о том, каким образом получаемая в ходе данной контрольно-оценочной деятельности информация должна сообщаться учащимся и использоваться для повышения эффективности образовательного процесса, найти не удалось. Таким образом, можно говорить о серьезном смещении фокуса в процессе оценивания с личности учащегося на формальную необходимость оценки качества образовательного процесса и о недостаточном отражении обучающей и мотивирующей функций контроля.

Представляется важным рассматривать педагогическую обратную связь как неотъемлемую составляющую педагогического общения, которая влияет на осознание учащимся собственных образовательных успехов и ошибок, взаимоотношения учащегося с преподавателем, мотивацию к обучению и лучшее усвоение содержания обучения при помощи эксплицитного соотнесения видимых результатов деятельности учения с идеализированными представлениями о целевом уровне знаний, навыков и умений. Посредством взаимной передачи обратной связи педагогом и учащимся реализуется диалогический характер обучения, что также обуславливает динамический характер обратной связи. Искренний, предметный и открытый диалог также позволяет добиваться высокого уровня эпистемического доверия между педагогом и учащимся, для которого должно выполняться два важных параметра информанта: правдивое знание о предмете (или о мире) и способность быть полезным для информируемого [Eaves, Shafto, 2012]. Качественная обратная связь позволяет преподавателю выстраивать межличностный диалог с каждым из учащихся, формируя не только целевое содержание обучения, но и правильные поведенческие установки и ценности.

5. Типология педагогической обратной связи

В отечественных педагогических исследованиях нам не удалось найти типологий обратной связи. В западных исследованиях авторы обращаются к разным типам обратной связи, но в то же время, проводя обзор статей по данной тематике и оценивая эффективность разных типов педагогической обратной связи, ученые не дают общую типологию по различным классифицирующим признакам.

Для развития научного знания о педагогической обратной связи, а также в интересах дальнейшей фиксации знаний и умений обратной связи в регулирующих документах и программах подготовки педагогических кадров представляется необходимым сделать попытку обобщения всех найденных в различных источниках классификаций обратной связи. Кроме анализа научно-педагогической литературы, методами исследования для приводимых ниже классификаций являлось наблюдение (использовались видеозаписи занятий по иностранному языку) и опрос 1287 преподавателей иностранного языка из России, Китая, Индонезии, США и Великобритании о том, какие коммуникативные задачи они выполняют вне класса. Так как ограничением исследования является обращение исключительно к учителям иностранного языка, была сделана попытка исключить предметно-специфическую информацию и оставить лишь те типы педагогической обратной связи, которые могут быть использованы в преподавании разных предметов и, соответственно, имеют общедидактическую значимость.

Первым и наиболее очевидным классифицирующим признаком является то, в каких условиях предоставляется обратная связь. По данному признаку можно выделить педагогическую обратную связь в *классе*, и обратную связь до, после или *вне урока*. Обратная связь в классе может сообщаться в ответ на определенные учебные действия, поступки и результаты данных учебных действий, при этом ее характеристиками будут более спонтанный характер и временная ограниченность. Педагогическая обратная связь вне класса может предоставляться в рамках беседы между педагогом и учащимся до или после урока, комментария к письменной работе или отчета о прогрессе учащегося. Стоит отметить, что при предоставлении обратной связи в классе педагогу фактически приходится одновременно быть сфокусированным на содержании обучения и эмоциональном состоянии учащегося, что делает необходимым принятие педагогических решений с учетом нескольких факторов.

Следующим очевидным признаком является то, кто является первичным адресатом педагогической обратной связи. Несмотря на то, что в большинстве ситуаций в качестве *адресата* может выступать сам

учащийся, в ряде случаев (например, в дошкольном возрасте, во время школьных родительских собраний) обратная связь сообщается *родителю* или *администратору*, который затем в адаптированном виде передает (или не передает) ее учащемуся. В данной ситуации педагог должен принимать во внимания особенности интерпретации обратной связи родителем или администратором, то, каким образом она будет сообщена учащемуся, и насколько итоговое сообщение будет выполнять те цели обучения, которые ставит перед обратной связью педагог. В связи с этим возникает необходимость не только максимально аккуратно предоставлять данную обратную связь, но и учить родителей правильно работать с педагогической обратной связью и транслировать ее своим детям.

Также может различаться и *адресант* обратной связи: это может быть *педагог*, *сверстник* или *сам учащийся*. Вопрос о том, правильно ли относиться к педагогической обратной связи информацию, получаемую в ходе само- или взаимооценивания, является дискуссионным, тем не менее, в данной работе мы относим данную обратную связь к педагогической в случае, если педагог создает условия и опосредованно руководит обратной связью. Особенно стоит отметить роль самооценивания и взаимооценивания в подготовке педагогических кадров, т.к. кроме своих прямых функций влияния на обучения, данные виды оценивания в этом случае способствуют развитию профессионально-коммуникативных умений предоставления обратной связи студентов педагогических специальностей. Самооценивание и взаимооценивание также способствуют развитию умений рефлексии, умений критического мышления и росту учебной автономии.

По форме обратная связь может быть *устной* или *письменной*. При этом характеристики устной педагогической обратной связи будут схожи с характеристиками устной речи, а письменная обратная связь будет иметь характерные черты письменной речи (сжатость, структурированность, постоянный характер и др.). Особенно интересной сферой исследования в связи с этим являются процессы оценивания письменных работ учащихся и та обратная связь, которая предоставляется по результатам данного оценивания. Обратная связь может быть *личной* (передаваемой лично адресату) или *опосредованной* (письменные комментарии, аудиозапись). Следует отметить, что интеграция компьютерных и мобильных технологий в образование способствует росту инструментария опосредованной обратной связи, которая может передаваться через короткие аудиозаметки, чаты, форумы и т.д. Интересным наблюдением, сделанным при изучении опосредованной обратной связи, можно считать стремление педагогов для повышения эффективности данной обратной связи максимально приблизить ее к стилю личной

(обращение к адресату, использование некоторых черт устной речи в письменных комментариях, вопросы).

По времени обратная связь может быть *немедленной* или *отсроченной*. Немедленная педагогическая обратная связь будет в большей мере характерна для ситуаций общения в классе или на перемене. Отсроченная обратная связь будет чаще встречаться при оценивании работ учащихся. Анализ многочисленных исследований [Hattie, Timperley, 2007] показывает, что в ситуации общения в классе отсроченная обратная связь более полезна, когда наиболее важным является результат выполнения задания, в то время как немедленная обратная связь более полезна для привлечения внимания к самому процессу выполнения задания. Так, в преподавании иностранных языков рекомендуется немедленно исправлять ошибки на начальных стадиях при отработке языковых навыков, в то время как при развитии речевых умений рекомендуется отсроченная коррекция. Кроме того, одно из исследований показало, что отсроченная обратная связь является более эффективной для сложных заданий, т.к. учащимся требуется больше времени на переработку информации, а в случае легких заданий более эффективна немедленная обратная связь.

Обратную связь можно также разделить на *корректирующую*, призванную помочь исправить ошибки, и *описательную*, т.е. не предполагающую исправлений. Говоря о корректирующей и описательной педагогической обратной связи, можно ввести еще один классифицирующий признак. Обратная связь может быть *фокусированной* (т.е. внимание уделяется только одному аспекту выполнения задания, например, структуре текста или следованию определенному алгоритму) и *нефокусированной* (когда обратная связь стремится оценить все знания, навыки и умения в рамках выполнения задания). Фокусированная обратная связь позволяет сконцентрировать внимание учащегося на целевом содержании обучения в рамках конкретной темы или модуля, а также способствует развитию уверенности в себе на начальных этапах обучения, когда исправление всех ошибок и неточностей может иметь негативное влияние на самооценку и мотивацию учения. Кроме того, корректирующая обратная связь может быть *прямой* (когда ошибки исправляются учителем и даются правильные варианты) и *косвенной* (например, когда учитель обводит или подчеркивает место ошибки, переспрашивает, повторяет фразу до момента ошибки, и тем самым указывает на место ошибки, но не исправляет ее напрямую). Представляется, что к прямой обратной связи следует прибегать, если учащийся не может исправиться сам, в то время как во всех остальных случаях с точки зрения принципа активности обучения правильно предоставлять шанс учащемуся самостоятельно исправить свою ошибку.

По объему педагогическую обратную связь можно разделить на *краткую* (например, подкрепление или похвала) и *развернутую* (например, комментарий). Вопрос о том, считать ли похвалу или замечание педагогической обратной связью является спорным в первую очередь в силу уже отмечавшейся выше низкой специфичности и меньшей эффективности. С другой стороны, обоснованные похвала и замечания удовлетворяют определению педагогической обратной связи, приводимому в данной работе. Также дискуссионным вопросом является то, следует ли выделять как типы обратной связи *позитивную* (подкрепляющую), *негативную* (ограничивающую) и *конструктивную* (инструктирующую). Представляется, что любая педагогическая обратная связь должна быть конкретной и способствовать обучению, а следовательно, может сочетать в себе элементы позитивной и негативной, а также обязательно включать в себя конструктивные элементы.

С этой же проблемой можно столкнуться при разделении обратной связи на *индивидуальную* и *групповую*, в силу специфики восприятия обратной связи в разных культурах. Известно, что групповая обратная связь может не восприниматься учащимися из индивидуалистических культур, в то время как учащиеся из стран Азии могут предпочитать данный тип обратной связи, т.к. индивидуальная обратная связь, особенно данная в присутствии других учащихся, может вызывать у них чувство неловкости [Hattie, Timperley, 2007]. Данный вывод представляется интересным, т.к. в более ранних исследованиях, проводимых на Западе, отмечалось, что обратная связь, высказанная группе, менее эффективна, потому что учащийся может решить, что она относится не к нему лично.

6. Характеристики эффективной педагогической обратной связи

Рассмотрев типологию обратной связи, представляется полезным обратиться к тому, какими характеристиками должна обладать качественная обратная связь. Дж. Хэтти и Х. Тимперли, выделяя четыре уровня обратной связи (задание, процесс выполнения, саморегулирование и личность), считают, что она должна отвечать на три вопроса: «К чему я стремлюсь?»; «Как мне этого достигнуть» и «Что делать дальше?» [Там же]. В соответствии с этим можно выделить первую важную характеристику обратной связи – она должна быть *конкретной*. Соотнесение обратной связи с заданием и определенными действиями учащегося фактически превращают педагогическую обратную связь в средство обучения, позволяя учащемуся выявить несоответствия между требованиями задания, идеальным результатом и своими

действиями. Соответственно, принципиально важным для качества обратной связи становится понимание учащимися сути задания и критериев оценивания. В связи с этим следует заранее знакомить учащихся с критериями оценивания и идеальными (хорошими) образцами выполнения задания. Это позволит им лучше соотнести собственную работу с данными критериями и образцами и лучше систематизировать полученную обратную связь.

Другой важнейшей характеристикой эффективной обратной связи, вытекающей из первой, является ее *конструктивный* характер. Представляется, что указание на недостатки или похвала без предложения путей улучшения и закрепления успеха едва ли будут способствовать эффективности обучения, а их мотивирующий потенциал будет достаточно ограничен. В соответствии с этим, важно, чтобы педагогическая обратная связь содержала указания к дальнейшим действиям. Так, в ситуации с проверкой письменной работы представляется недостаточным просто исправить ошибки. Должны быть предложены действия по отработке проблемных навыков и умений для преодоления данных ошибок в дальнейшем. В рамках обратной связи в классе это может быть также реализовано в рамках предоставления возможности самокоррекции и просьбы повторить правильный ответ.

Для того чтобы обратная связь способствовала поддержанию эпистемического доверия между педагогом и учащимся, важно, чтобы она была *персонализирована* и направлена на конкретного учащегося или группу учащихся и воспринималась как *искренняя*. Так, шаблонность обратной связи (например, использование из раза в раз одних и тех же фраз или структурных моделей) может привести к тому, что учащиеся потеряют веру в оригинальность данной обратной связи и доверие к ее источнику. Особенно важная персонализация обратной связи при работе с учащимися дошкольного и младшего школьного возраста, т.к. они не всегда способны сопоставить обобщенную обратную связь именно со своими действиями. Базовым правилом предоставления обратной связи является использование имен учащихся.

Для поддержания мотивирующей функции обратной связи важно соблюдать *сбалансированность* ее элементов. Так, классические рекомендации предлагают балансировать корректирующую и позитивную обратную связь. С другой стороны, педагог должен определять оптимальный баланс исходя из особенностей адресата, целей обучения и ситуации передачи педагогической обратной связи для достижения оптимальной мотивации. В связи с этим следует отметить важность умений ментализации педагога и развития эмоционального интеллекта, т.к. баланс позитивного, негативного и конструктивного должен

вытекать из особенностей эмоционального состояния учащегося в данный момент.

Кроме того, важно рассматривать педагогическую обратную связь не только как информацию, передаваемую педагогом учащемуся в конечном виде, но как продолжающийся *диалог*, в ходе которого содержание обратной связи может изменяться, она может уточняться и корректироваться. Это позволит лучше реализовывать принцип диалогического характера образования, адаптировать содержание и методы обучения и помогать каждому учащемуся добиваться значимых для него личностных результатов. В связи с этим следует максимально включать учащихся в обсуждение обратной связи, мотивировать их аргументированно соглашаться или не соглашаться с мнением педагога и высказывать свое отношение к полученной обратной связи.

7. Заключение

Таким образом, понятие «обратная связь» по-разному рассматривается в теории коммуникации, психолингвистике и психологии. В психолого-педагогических работах данное понятие используется с начала XX в. и является в настоящее время одним из наиболее популярных направлений исследований.

Проанализировав отечественные и зарубежные исследования, можно отметить, что понятие «обратная связь» можно отнести и к информации, получаемой преподавателем от учащегося, и к той информации, которую получает учащийся от преподавателя. Для более четкого разграничения данных понятий были введены термины «академическая обратная связь», которая сообщается учениками и соотносится с понятиями «student feedback» и «student voices» в западной педагогике, и «педагогическая обратная связь», которая понимается как *информация, получаемая учащимся в ответ на определенные действия в процессе образования и соотносимая с процессами и результатами обучения и воспитания* и соотносится с термином «feedback».

Приводимая в статье типология позволяет классифицировать обратную связь по условиям, направленности, времени, форме, адресату и адресанту, наличию или отсутствию коррекции, степени фокусированности и объему. Также были предложены характеристики эффективной обратной связи, такие как конкретность, конструктивность, искренность, оригинальность, личностная ориентация, сбалансированность и диалогический характер. Представляется, что включение умений обратной связи в содержание обучения студентов педагогических специальностей позволит повысить качество педагогического общения, обучения и оценивания в рамках всех видов и уровней образования.

Библиографический список / References

Амяга, Аймаутова, Онзимба, 2014 – Амяга Н.В., Аймаутова Н.Е., Онзимба Ленюно Ж.Б. Обратная связь в исследованиях межличностного взаимодействия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 207–215. [Amyaga N.V., Aimautova N.E., Onzimba Lenyungo Zh.B. Feedback in interpersonal interaction studies. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2014. No. 3. Pp. 207–215.]

Бессонов, 2016 – Бессонов К.А. Обратная связь в педагогическом взаимодействии преподавателя и студента // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. С. 86–89. [Bessonov K.A. Feedback in pedagogical interaction. *Juvenis scientia*. 2016. No. 2. Pp. 86–89.]

Калашников, 2011 – Калашников А.А. Функциональная роль обратной связи в структуре речевой деятельности // Иностранные языки в школе. 2011. № 1. С. 20–27. [Kalashnikov A.A. Functional role of feedback in communication activity structure. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2011. No. 1. Pp. 20–27.]

Кукуев, Соловьева, Федина, 2016 – Кукуев Е.А., Соловьева Е.А., Федина Л.В. Обратная связь как механизм осуществления открытости образовательного процесса // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51-6. С. 392–398. [Kukuev E.A., Solov'eva E.A., Fedina L.V. Feedback as a mechanism of enactment of transparency of the educational process. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2016. No. 51-6. Pp. 392–398.]

Лукьяненко, 2007 – Лукьяненко О.Д. Обратная связь в дидактическом информационном взаимодействии педагога и учащихся // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 12 (33). С. 367–371. [Luk'yanenko O.D. Feedback in didactic informational interaction between the teacher and the students. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*. 2007. No. 12 (33). Pp. 367–371.]

Максименкова, Незнанов, Подбельский, 2014 – Максименкова О.В., Незнанов А.А., Подбельский В.В. О формирующем контроле и информативной обратной связи при проектировании курсов // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2014. № 4. С. 37–48. [Maksimenkova O.V., Neznanov A.A., Podbel'skii V.V. On formative assessment and informative feedback during course design. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya*. 2014. No. 4. Pp. 37–48.]

Петрушенко, 1967 – Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи. М., 1967. [Petrushenko L.A. Princip obratnoj svyazi [Principle of feedback]. Moscow, 1967.]

Соловьева, 1992 – Соловьева О.В. Обратная связь в межличностном общении. М., 1992. 110 с. [Solov'eva O.V. Obratnaya svyaz' v mezhlichnostnom obshchenii [Feedback in interpersonal communication]. Moscow, 1992.]

Brooks, Brooks, 1993 – Brooks J.G., Brooks M.G. In search of understanding: The case for constructivist classrooms. Alexandria, Va., 1993.

Bruner, 1961 – Bruner J.S. The act of discovery. *Harvard Educational Review*. 1961. № 31. Pp. 21–32.

Eaves, Shafto, 2012 – Eaves B.S., Shafto P. Unifying pedagogical reasoning and epistemic trust advances child. *Development and Behavior*. 2012. № 43. Pp. 295–319.

Estes, 1967 – Estes W.K. Reinforcement in Human Learning. Stanford University, California, 1967.

Hattie, Timperley, 2007 – Hattie, J., Timperley H. The Power of Feedback. *Review of Educational Research*. 2007. Vol. 77. No. 1. Pp. 81–112.

Kluger, DeNisi, 1996 – Kluger A.N., DeNisi A. The effects of feedback interventions on performance: A historical review, a meta-analysis, and a preliminary feedback intervention theory. *Psychological Bulletin*. 1996. Vol. 119. No. 2. Pp. 254–284.

Oberhoff, 1978 – Oberhoff B. Akzeptanz von interpersonellem Feedback: eine empirische Untersuchung zu verschiedenen Feedback-Formen. Inaug. Munster, 1978.

Skinner, 1961 – Skinner B.F. The control of human behavior (abstract). *Cumulative record*. B.F. Skinner (ed.). New York, 1961. Pp. 18–23.

Thorndike, 1931 – Thorndike E.L. Human learning. New York; London, 1931.

Watson, 1914 – Watson J. B. Behavior: An introduction to comparative psychology. New York, 1914.

Weibell, 2011 – Weibell C.J. Principles of learning: A conceptual framework for domain-specific theories of learning. Ph.D. dis. Brigham Young University, 2011.

Статья поступила в редакцию 26.02.2018

The article was received on 26.02.2018

Коренев Алексей Александрович – кандидат педагогических наук; старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Korenev Alexey A. – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Language Teaching Theory of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: studywithkorenev@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2018.2

Электронная версия журнала:
<http://rhema-journal.com>

Сдано в набор 16.06.2018 г.
Подписано в печать 19.06.2018 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 8 п. л. Тираж 1000 экз.